

НОВАЯ ПОЛЬША 3/2015

Содержание

1. ПОЛЯКИ, ОТВАЖЬТЕСЬ ПОМОЧЬ РОССИИ!
2. ФРАНЦУЗЫ, ЕЩЕ ОДНО УСИЛИЕ
3. РОСТ, ИЗМЕНИВШИЙ ПОЛЬШУ
4. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
5. ЕДИНЕНИЕ РАЗЪЕДИНЕННЫХ
6. НА ПРИЕМЕ У ПОСЛА И В ТАВЕРНЕ МОРЯКОВ: МАСТЕР-КЛАССЫ ГДАНЬСКОГО КЛУБА
7. СТО НОВЫХ ГОРОДОВ НА КАРТЕ ПОЛЬШИ
8. ПАМЯТНИК, ПОМОГАЮЩИЙ ЗАБЫТЬ
9. ТЕРЕЗА ЖАРНОВЕР
10. ПАМЯТИ ТЕРЕЗЫ ЖАРНОВЕР
11. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
12. НОЧНОЙ ДНЕВНИК
13. СТИХОТВОРЕНИЯ
14. ШЕСТАЯ, САМАЯ МЛАДШАЯ
15. ОБРЕТЕННАЯ СВАЛКА
16. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
17. ГЛЯДЯ В БУДУЩЕЕ
18. СЕРДЦЕ ТЬМЫ
19. ЗА УСПЕХ НАДО БОРОТЬСЯ

ПОЛЯКИ, ОТВАЖЬТЕСЬ ПОМОЧЬ РОССИИ!

В Восточной Европе с момента падения коммунизма 25 лет назад динамичнее всех развивалась Польша. Среди ее успехов — национальное примирение, демократизация страны, экономическое развитие, а также позиция на международной арене.

В Польше не было охоты на ведьм, а политические изменения, наступающие в результате выборов, происходят без всяких помех и перебоев. Благодаря смелой «шоковой терапии», которую в 1989–1991 гг. провел тогдашний министр финансов Лешек Бальцерович, страна полностью приспособилась к правилам свободного рынка. Да и вхождение Польши в Европейский союз тоже оказалось успехом: польские аграрии в полной мере воспользовались доплатами в рамках единой аграрной политики Евросоюза, а промышленность стала главным субподрядчиком для германских предприятий. На политическом и торговом полях существует отчетливо выраженная польско-германская ось, которая ни в чем не уступает другой оси, франко-германской.

Германия попросила прощения за свои зверства в Польше во время Второй мировой войны. Началось это со знаменитого жеста канцлера Вилли Брандта, который опустился на колени у памятника жертвам варшавского гетто. Потом канцлер Коль признал польско-германскую границу на Одере и Нейсе и окончательно смирился с потерей Силезии. Поляки, в свою очередь, продемонстрировали мудрость, установив сотрудничество с Германией. В конечном итоге — с большой взаимной пользой для каждого — оба эти народа стали дружественными.

Польша прекрасно интегрировалась с Европейским союзом, доказательством чего служит тот факт, что именно поляк, бывший польский премьер-министр Дональд Туск, председательствует теперь в Европейском совете.

Россия представляет собой страну, которая достигла наименьшего прогресса в Европе: там отсутствует политическая демократизация; в экономическом смысле Россия не развила свою промышленность, став лишь

экспортером сырья; на международной арене она рассорилась со всеми своими партнерами и соседями, кроме Ирана и Китая. Но есть ли тут чему радоваться? Нет.

Мы, европейцы, заинтересованы в интеграции России с европейским домом. Перед лицом растущего могущества Китая и дестабилизации арабско-мусульманского мира Россия остается нашим естественным партнером. За последние 15 лет Европейская комиссия не предприняла никаких сколько-нибудь серьезных действий, чтобы сблизить Россию с Евросоюзом. Торговый договор, являющийся частью договора об ассоциации с Украиной, Европейский союз должен был предложить также и России. Его отсутствие — серьезная стратегическая ошибка, за которую Европе еще долго предстоит расплачиваться.

Поляки озлобились на Россию. А это не лежит ни в их, ни в наших интересах. Удивляет их упрямство в неприязни к русским. Большинство поляков отвергает жителей России, воспринимая их как варварских «азиатов». Страх разделить судьбу Украины ослепляет поляков. Их не успокаивает членство в НАТО, — в памяти у граждан Польши живы события сентября 1939 г., когда германские танки громили оставшиеся в одиночестве польские кавалерийские подразделения, в то время как армии Франции и Англии не решились на открытие западного фронта. Но страх — плохой советчик. Сегодня ни у кого в Кремле нет намерения браться за Польшу.

Поддерживая напряженность в трех бывших советских республиках (Молдавии, Грузии и Украине), Путин совершает ошибку. То обстоятельство, что Запад нарушил основные принципы международного права в Ираке, Косово и Ливии, не делает нынешнюю политику Кремля более обоснованной. Ведь месть — столь же плохой советчик, как и страх.

Я вижу три приоритета для Путина:

- 1) восстановление российского демографического потенциала,
- 2) установление правового государства,
- 3) хозяйственно-экономическое развитие Сибири и ее защита от китайских appetitов.

Поляки создали в своей стране правовое государство и привлекли зарубежные инвестиции. Славянские и латинские корни Польши могут позволить сыграть ей великую роль —

роль посредника между Западом и русским миром, помогая тем самым привести Россию в европейский дом.

И точно так же, как поляки простили Германии, сегодня они должны простить россиянам и вторжение 17 сентября 1939 г., и катынские убийства в 1940 г., и оставленную без помощи, на растерзание нацистам, Варшаву в 1944 г., и навязанный в 1945 г. социалистический строй. Но ведь россияне тоже пострадали во времена сталинизма?!

Путин — это не Сталин. Он разрешил российскому телевидению показать фильм Анджея Вайды «Катынь». Унижение Путина в таком стиле, как это проделали англосаксы в ходе совещания на высшем уровне в австралийском Брисбене, ничему не служит. Кроме Путина, который когда-нибудь уйдет, есть еще вся Россия, ее великая культура, великая история и великий народ. Надо уметь с ним разговаривать. Без гонора и презрения. И поляки могут сделать это лучше всех.

Текст опубликован в газете «Фигаро» 25 ноября 2014 г.

ФРАНЦУЗЫ, ЕЩЕ ОДНО УСИЛИЕ

Попробуйте, французские друзья, понять, что происходит сегодня на территории Украины. И вспомните дух призыва генерала де Голля, датированного июнем 1940 г. ^[1]

Уважаемый господин Рено Жирар, суверенное государство Украина является жертвой перманентной агрессии со стороны государства, которым правит Владимир Путин и его сотрудники, ментально сформировавшиеся за годы работы в КГБ.

Рено Жирар — выдающийся политический теоретик, аналитик и публицист; полякам надлежит прислушаться к его голосу со всем вниманием. Я благодарен ему за слова признания в адрес польской трансформации, в адрес политики очередных польских правительств и президентов, венцом которой стало историческое назначение Дональда Туска.

Польско-германское примирение, представляющее собой общую заслугу немецких и польских элит, я считаю важным событием в новейшей истории Европы. Поляки оценили также — о чем стоит помнить — жест президента Бориса Ельцина, который первым разоблачил лживые утверждения советской пропаганды на тему убийства польских офицеров в Катыни, приписывавшегося гитлеровцам, но в котором на самом деле были повинны люди Сталина. Поляки оценили также, что в 2009 г., в годовщину Второй мировой войны, Путин прибыл в Польшу и сказал правду о пакте Риббентропа-Молотова, а в 2010 г. стал первым руководителем России, который на катынском кладбище воздал должное расстрелянным офицерам и почтил их память.

Поляки помнят также «Совместное послание» православной Церкви России и католической Церкви Польши о необходимости взаимного прощения и примирения.

Польская политика последних 25 лет была последовательно направлена на строительство хороших отношений с соседями и национальными меньшинствами. Польша никогда не угрожала территориальной целостности России, равно как и любого из своих соседей. Это Россия Путина — где правит кагэбистско-имперская номенклатура — упрямо дестабилизирует соседствующие страны. Тем не менее, Польша, глядя в будущее,

хочет видеть российское государство среди суверенных, демократических и зажиточных стран. Однако Путин и его команда ведут Россию совсем в другую сторону — в сторону авторитарного, имперского, агрессивного государства. Порой я думаю, что Путин, действительно, не Сталин и не Гитлер, однако несколько напоминает Бенито Муссолини нашего времени. Так же, как Муссолини, Путин с презрением отбрасывает законы и правила демократического правового государства, выбирая так называемую суверенную демократию. Что это означает? Это значит, что я, Путин, могу суверенно засадить в лагерь любого критика или противника (например, М. Ходорковского), причем никакой Брюссель или Страсбург не будет мне в этом препятствовать; я могу аннексировать Абхазию, Осетию, Приднестровье или Крым, а весь мир обязан молча принять это как должное.

Такая политика абсурдна и самоубийственна для России, особенно — как справедливо пишет Рено Жирар — перед лицом растущего могущества Китая и дестабилизации арабско-мусульманского мира.

Уверяю, это не поляки озлобились на россиян — достаточно взглянуть, как превосходно функционирует приграничное движение с Калининградской областью. Поляки помнят собственную историю, но польскую политику определяют вовсе не исторические комплексы, а аннексия Крыма и нападение на Луганск и Донецк. Такую политику Кремля мы критикуем и клеймим, но это пропаганда Путина оплевывает Украину, когда пишет о находящихся у власти в Киеве фашистах, и оспаривает сам факт существования украинского народа. Путин разбудил в российском обществе дух шовинизма и агрессии. Поэтому имперскую агрессию Путина необходимо остановить. Это требует мужества, воображения и последовательности от всех нас — в том числе и от Франции, родины «Декларации прав человека и гражданина».

Мы переживаем сейчас время большого испытания для сообщества демократических народов. И сегодня мы должны доказать, что наш мир свободы стоит того, чтобы защищать его.

Поляки как народ, который войны и диктатуры подвергли столь горьким испытаниям, знают ценность свободы и мира. Поэтому мы повторяем: путинскому насилию нельзя уступать. Насилие представляет собой последнее оружие тиранов и глупцов, но необходимо помнить, что ведь Путин — это не Россия. Помимо Путина, существует русский народ, его великая культура и великая история. Сегодня мы слышим голос этой

другой России во время антивоенных демонстраций, в заявлениях «Мемориала», в передачах «Эха Москвы», в публицистике «Новой газеты». Это голос независимых и мужественных граждан, писателей и историков, философов и публицистов. Такую Россию мы уважаем и восхищаемся ею, с такой Россией разговариваем, как с другом, без наглости и комплексов. К разговору с такой Россией мы призываем также и наших французских друзей. Ведь свободная Франция — это не режим Виши, не Франция капитуляции и коллаборационизма.

Я принадлежу к тем полякам, которые навсегда запомнили слова генерала де Голля из его обращения к французам (июнь 1940 г.):

«Но разве последнее слово уже сказано? Разве надежда должна исчезнуть? Разве это поражение окончательно?

Нет! (...)

Что бы ни случилось, пламя французского сопротивления не должно потухнуть и не потухнет».

Аналогично, Россия Путина — это не то же самое, что Россия Пушкина или Андрея Сахарова.

Эта Россия свободных, мужественных и честных людей понимает, что политика Путина, политика агрессии и аннексии — это дорога в никуда. Эта Россия провозглашает сегодня на своих транспарантах лозунг «Россия без Путина».

И — раньше или позже — мы увидим такую Россию. Полагаю, произойдет это скорее раньше, чем позже.

-
1. 18 июня 1940 г., сразу после фактической капитуляции Франции, де Голль выступил из Лондона на волнах Би-би-си со знаменитой речью, где призывал французский народ продолжить борьбу. В 2005 г. ЮНЕСКО включила эту речь в реестр «Память мира». Прим. пер.

РОСТ, ИЗМЕНИВШИЙ ПОЛЬШУ

Это мы — та европейская страна, где имеет место самый длительный, зафиксированный в статистических данных непрерывный рост валового внутреннего продукта (ВВП). Как это смогло получиться?

Если спросить экономиста об уровне развития той или иной страны, о состоянии ее экономики или об оценке экономической политики, тот всегда воспользуется магической аббревиатурой «ВВП». В сущности, это простой измеритель, означающий стоимость товаров и услуг, которые были созданы в стране на протяжении одного года. Возрастание данной величины из года в год (после устранения воздействий, оказываемых ростом цен) является приблизительным мерилем того, насколько ей удалось увеличить производство.

Самой комплексной, синтетической оценкой экономического успеха или поражения страны служит то, насколько высокого роста ВВП удалось достичь в течение достаточно длительного периода. Определение «достаточно длительный период» имеет здесь большое значение, ибо далеко не каждый быстрый рост удастся удержать на долгое время. В течение семи тучных лет 2001–2007 гг. Греции посчастливилось увеличить ВВП на одну треть (это означает, что средний ежегодный рост ВВП составлял 4,2%). Потом, однако, пришли семь тощих лет, во время которых ВВП уменьшился на одну четверть (ежегодное падение на 3,7%), так что ныне уровень греческого ВВП по-прежнему ниже, чем в 2000 г. Рост не удалось удержать на протяжении длительного времени, потому что он сопровождался жизнью в кредит, а это обязательно должно было плохо кончиться.

Именно по этой причине мы, оценивая экономические результаты, не довольствуемся одними лишь показателями роста ВВП — необходимо смотреть также на изменение задолженности, на инфляцию, объем инвестиций, на сальдо расчетов с внешним миром. А если мы хотим проанализировать проблему способности страны к долговременному росту еще глубже, то учитываем также функционирование ее институтов (например, масштаб коррупции), образованность населения, инновационность экономики, риск общественно-политических волнений или беспорядков. Ведь только если принять во внимание все

перечисленные факторы, можно установить, насколько прочны достижения в сфере роста ВВП.

Однако еще более осложняет ситуацию необходимость дополнительно учитывать, что в странах с рыночной экономикой рост ВВП никогда не бывает по-настоящему устойчивым. На долгосрочные тренды налагаются регулярно наблюдающиеся колебания экономической активности, которые называются конъюнктурными циклами. Таким образом, вместо систематического роста мы имеем продолжающиеся по несколько лет и попеременно чередующиеся периоды оживления, когда фирмы охотно инвестируют, люди охотно покупают, а производство быстро растет, и сменяющие их периоды рецессии, когда возрастает пессимизм, замедляется рост ВВП и увеличивается безработица. Как это часто бывает в экономической науке, имеется много теорий, объясняющих причины существования конъюнктурных циклов. Однако независимо от того, что их вызывает, циклические колебания роста неизбежны, а одной из задач экономической политики является попытка их смягчения.

Если к перечню проблем добавить еще и тот факт, что на рост ВВП данной страны могут также сильно влиять события, происходящие за ее пределами, — например, экономический спад у важных торговых партнеров, который может вести к снижению экспорта и производства в данной стране, — то, пожалуй, становится уже совсем ясно, почему столь трудно добиться быстрого и долгосрочного роста ВВП.

Чемпион с берегов Вислы

В Польше рост ВВП продолжается непрерывно уже 23 года. Причем рост довольно быстрый, так как в среднем он составляет 4,2% в год. Благодаря этому наш ВВП реально вырос в 2,5 раза. А поскольку за этот период численность населения в стране почти не изменилась, то аналогичным образом выросли средние реальные доходы поляков. У экономистов нет никаких сомнений: это — огромный успех в развитии Польши.

Указанное достижение оказывается еще большим, если вспомнить точку старта. В начале 90-х XX века польская экономика после падения коммунизма находилась в фатальном состоянии — обанкротившаяся, неспособная к развитию, отягощенная огромной инфляцией, лишенная капиталов и тех основополагающих институтов, которые поддерживают развитие в условиях рыночной экономики. Точно так же, как и в других странах, проходивших через

процесс трансформации, в Польше отмечалось огромное падение производства, в результате которого в 1990–1991 гг. ВВП снизился в общей сложности на 14%. Шансы на развитие нашей страны начали оцениваться все более пессимистически, особенно на фоне соседей по региону.

А тем временем именно мы справились с проблемами лучше всех. Польша оказалась первой страной нашего региона, где восстановился рост, — с тем, чтобы непрерывно продолжаться потом на протяжении всех очередных лет. Вдобавок этот рост шел быстрее, чем в большинстве других стран Европы. В 1990 г. ВВП, приходящийся на одного жителя Польши, составлял одну треть от уровня, фиксировавшегося в Германии, незначительно превышал половину этого уровня в Чехии или Венгрии и приблизительно равнялся тому, который был в Украине. Сегодня мы достигли уже более половины уровня германского показателя и почти 90% чешского уровня. Венгров мы опередили еще два года назад (пусть всякий, кто сомневается в «польском чуде», вспомнит, чем четверть века назад был для поляка Будапешт!), и мы в три раза зажиточнее, нежели бедные украинцы. И очень похоже, что в течение двух-трех ближайших лет мы впервые опередим отдельные страны Западной Европы, иными словами, Грецию и Португалию.

Лучшие и худшие периоды

Но это не означает, что в 1992–2014 гг. рост ВВП в Польше носил равномерный характер. У нас имелись периоды весьма впечатляющего развития, во время которых мы легко впадали в восхищение самими собой (в 1995–1998 гг. нам нравилось называть себя «тигром Европы»). Бывали также периоды сильного замедления нашего развития, вызванного либо внутренними факторами (собственными ошибками), либо внешними (тогда мы расплачивались за ошибки, совершенные другими). В ходе периодов быстрого роста страной овладевал совершенно безумный оптимизм, который заставлял без всяких колебаний расходовать деньги и брать кредиты. В периоды замедления нас захлестывала волна всеобъемлющего пессимизма, которая не только приводила к тому, что фирмы в массовом порядке увольняли сотрудников, но также вынуждала задаваться вопросами о смысле проведенных реформ.

После необычайно тяжелых лет, пережитых в 1990–1991 гг. (падение ВВП было следствием краха производства в государственных фирмах, в то время как заново возникающий частный сектор бурно развивался), в период 1992–1997 гг. наша экономика ожила. Средний годовой рост ВВП составлял 5,3% (а

в самые тучные годы достигал 7%). Жесткие реформы, проводившиеся в трудный начальный период 90-х годов, принесли плоды: взрывообразно выросла предприимчивость, удалось создать основные институты, необходимые для функционирования рынка, постоянно шел процесс приватизации. Плодотворным итогом постепенной стабилизации социальной и экономической ситуации стал бурный рост иностранных капиталовложений, изменивший Польшу и превративший ее в наиболее привлекательное место для инвестирования в нашем регионе.

Затем, однако, наступила эпоха замедления. На первой ее стадии в 1998 г. по нашей экономике ударил российский кризис, ограничивший экспорт Польши, в связи с чем рост ВВП оказался на уровне ниже 5%. Это было, однако, лишь началом трудностей. Быстро растущий торговый дефицит стал представлять растущую угрозу для финансовой стабильности страны. Мы во все большей степени жили на кредиты, привлекаемые из-за рубежа, а это грозило кризисом и неизбежно привело к ужесточению экономической политики. Запаздывание с внесением необходимых изменений в публичные финансы, ряд совершенных ошибок, отсутствие координации между действиями правительства и Национального банка Польши — все это привело к серьезному экономическому замедлению. Быстро и резко упали инвестиции, а уровень безработицы вырос на 25%. В 2001–2002 гг. темп роста ВВП притормозил до уровня ниже 2%, страну вновь охватила волна сомнений и фрустрации.

Но после грозы снова вышло солнце. Курс энергичного лечения подействовал, причем в 2003–2008 гг. оживление на отечественном рынке совпало по времени с результатами вступления Польши в Европейский Союз. И снова все пошло превосходно: быстро повышалось производство и уровень жизни, рос, как на дрожжах, экспорт, потоком поступали иностранные инвестиции, укреплялся злотый, резко падала безработица. Средний годовой темп роста ВВП вновь составил 5,2% — главным образом, благодаря ошеломляющим успехам в области экспорта.

А потом пришел глобальный кризис с его очередными этапами и очередными рецессиями в Европе. Благодаря эластичности своей экономики, относительно низкой задолженности и деньгам Евросоюза Польша оказалась единственной страной континента, которой удалось удержать рост в течение всего периода 2009–2014 гг. Это был, однако, значительно более медленный рост, чем раньше, — он достигал в среднем около

3% в год. В этом нет ничего удивительного — уровень ВВП в зоне евро все еще остается ниже, чем был в 2007 г., наш экспорт растет в умеренном темпе, финансовые рынки по-прежнему нестабильны (что отбивает охоту брать кредиты и инвестировать). Даже «зеленому острову» (так называли Польшу, которая в эти сложные годы только одна была окрашена на экономических картах Евросоюза в зеленый цвет, означавший рост ВВП) трудно развиваться быстро, когда кругом повсюду свирепствует кризис. Сейчас сюда добавился новый элемент — экономическая война между Западом и Россией, в результате которой наш экспорт снова пострадал.

Откуда этот успех?

Почему Польша достигла в течение прошедших 23 лет такого успеха? Причин было много. Прежде всего, нам удавалось все более интенсивно использовать тот главный козырь, которым мы располагали на первых стадиях трансформации. Им был такой ресурс, как недорогая и обладающая неплохой квалификацией рабочая сила. Оказалось, что достаточно дать людям в руки лучший инструментарий (совершенствуя условия для инвестирования), хорошо организовать их труд (этому способствовала приватизация и реструктуризация фирм), устранить унаследованную после коммунизма неэффективность (к этому принудил рынок), ослабить барьеры для предпринимчивости, чтобы в стране резко возросла производительность труда, а Польша стала привлекательным местом для локализации производства. Благодаря успеху реформ и вступлению в Евросоюз наша страна могла предложить зарубежным и отечественным инвесторам очень хорошее сочетание: относительно дешевый труд плюс безопасность. Отнюдь не удивительно, что наш ВВП систематически увеличивался в более быстром темпе, чем в Западной Европе.

Одновременно нам удалось избежать многих из тех ошибок в экономической политике, которые совершили наши соседи по региону. Невзирая на трудности с приватизацией, мы осуществили ее таким способом, который не привел к олигархизации экономики. И вопреки многочисленным неверным шагам в финансовой политике нам удалось сохранить ее устойчивую направленность, избежав чрезмерной задолженности и того кризиса, который вызывается жизнью в долг. Наперекор жалобам на бюрократию мы в Польше смогли прийти к улучшению условий для ведения хозяйственно-экономической деятельности и инвестирования.

Все это не дает гарантий на будущее. Если, однако, на протяжении минувшей четверти века нам удалось столько достигнуть, то можно быть оптимистом. И верить, что в течение следующей четверти века Польша будет в состоянии продолжать развитие, догнав, наконец, лучше развитые страны Западной Европы.

Автор — профессор экономики, преподаватель в Школе бизнеса Варшавского политехнического института.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- «10 мая в Польше состоятся президентские выборы. Дату выборов объявил маршал Сейма Радослав Сикорский». («Жечпосполита», 5 февр.)
- «По данным агентства «TNS», 52% поляков собираются в мае проголосовать за Бронислава Коморовского». («Жечпосполита», 28 янв.)
- «Бронислав Коморовский заявил в четверг, что собирается участвовать в президентских выборах 10 мая в качестве одного из кандидатов». («Жечпосполита», 6 февр.)
- «В прошлом году в Польше родилось 376 тыс. детей. В 2013 количество новорожденных составило 369,6 тысяч. Таким образом, уровень рождаемости неожиданно вырос на 6,4 тыс. человек», — Бартош Марчук. («Жечпосполита», 28 янв.)
- «Возраст среднестатистического поляка составляет почти 73 года, польки — 81 год. Это примерно на 6 лет больше, чем 20 лет назад, и почти на 20 лет больше, чем в середине прошлого века». («Газета выборча», 10–11 янв.)
- «В прошлом году объем ВВП вырос на 3,3%, сообщило вчера Главное управление статистики. (...) Министерство финансов работало над проектом прошлогоднего бюджета, исходя из предположения, что объем ВВП вырастет самое большее на 2,5%». (Марек Хондзинский, «Дзенник газета правна», 28 янв.)
- «С 23 на 19 место переместилась Польша в рейтинге стран мира по уровню экономической свободы, рассчитываемом исследовательским центром «Heritage Foundation» и газетой «The Wall Street Journal». В общемировом списке мы находимся на 42 месте, а год назад были на 50-м». («Дзенник газета правна», 28 янв.)
- «В прошлом году объем продажи нашей сельхозпродукции на зарубежном рынке вырос на 0,9 млрд евро, что в 40 раз больше, чем перед вступлением Польши в ЕС». (Дамиан Фурманчик, «Дзенник газета правна», 27 янв.)

• «Рост польского ВВП непрерывно продолжается вот уже 23 года. И это довольно быстрый рост, поскольку в среднем он составляет 4,2% ежегодно. Благодаря этому наш ВВП вырос к настоящему времени в два с половиной раза. А поскольку за это время численность населения страны почти не изменилась, то примерно в тех же пропорциях выросли и доходы поляков. (...) И это огромный успех Польши. (...) Кроме того, рост ВВП в Польше происходил быстрее, чем в большинстве других европейских стран. В 1990 году доля ВВП, приходящаяся на каждого жителя Польши, составляла одну треть от аналогичного показателя в Германии и чуть больше половины от него же в Чехии и Венгрии. (...) Сегодня эта цифра превысила половину немецкой доли ВВП и составляет почти 90% чешской. Венгрию же мы обогнали по этому показателю еще два года назад. (...) Почему Польша за 33 минувших года добилась таких успехов? (...) Прежде всего благодаря наличию в стране недорогой, квалифицированной рабочей силы. Достаточно было предоставить работникам более совершенные средства производства, улучшить инвестиционный климат, организовать труд людей на более высоком уровне (чему поспособствовали приватизация и реструктуризация), решить проблему унаследованной от коммунистических времен неэффективности (с этим справился рынок), снизить административные барьеры для предпринимателей. (...) Несмотря на сложности с приватизацией, она была проведена так, что это не вызвало олигархизации экономики. А промахи в финансовой политике не помешали сохранить ее стабильность и не привели к слишком большому росту государственного долга. (...) И хотя уровень бюрократизации вызывал серьезные нарекания, удалось существенно улучшить условия осуществления хозяйственной деятельности и инвестирования», — Витольд М. Орловский. («Политика», 14-20 янв.)

• «После неудачных переговоров правительства с лидерами профсоюза протест распространился на 12 из 14 шахт «Угольной компании». По данным профсоюза, в подземном протесте приняло участие 2 тыс. шахтеров. (...) Самая крупная угольная компания в ЕС, в которой работает 49 тыс. человек, близка к банкротству. Убытки компании за первые 11 месяцев прошлого года составили 1 млрд 140 млн злотых». (Яцек Мадея, Витольд Гадовский, «Газета выборча», 14 янв.)

• «Сегодня Польша добывает больше угля, чем потребляет. (...) Всё большее количество угля добывается в Люблинском угольном бассейне, там его добыча обходится дешевле. В то же время объемы использования угля в энергетике сокращаются:

новым электростанциям, для выработки того же количества электричества, угля нужно все меньше, а энергоблоки для каменного угля повсеместно вытесняются блоками, рассчитанными на бурый уголь. (...) Средняя цена продажи угля за последние кварталы этого года составила около 250 злотых за тонну, в то время как средняя стоимость добычи — около 295 злотых за тонну. За последние десять лет стоимость добычи угля выросла на 100%, добывать его все труднее и дороже. Стоимость труда шахтеров тоже растет, только еще быстрее. (...) Даже в тяжелые для горной промышленности времена профсоюзы боролись за повышение зарплат, не соглашаясь на их заморозку. (...) «Угольная компания» не в состоянии конкурировать с другими угледобывающими предприятиями. (...) Рентабельность сохранила лишь одна из 15 шахт, принадлежащих компании». (Гжегож Садовский, «Впрост», 19–25 янв.)

• «Протесты продолжались 11 дней. (...) Конфликт закончился подписанием соглашения, что стало возможным благодаря вмешательству премьер-министра Эвы Копач, специально приехавшей в Катовице. (...) По условиям соглашения, ни одно предприятие не ликвидируется, а всем работникам предоставляется гарантия трудоустройства. Среди более чем 3 тыс. уволенных оказались сотрудники надземных цехов и администрации. (...) Проблемой польской угольной промышленности уже давно является высокая стоимость добычи, которая в значительной степени связана с необходимостью содержать слишком большой штат администрации и наземных работников. (...) Вряд ли стоит рассчитывать на то, что подписанное в субботу соглашение решит какие-либо проблемы». (Яцек Мадея, «Газета wyborcza», 19 янв.)

• «Нерентабельные шахты не будут закрыты, также не планируются массовые увольнения в угольной отрасли. (...) Правительство пошло на уступки в связи с угрозой распространения протестных настроений на другие отрасли экономики и страну в целом, что в год двойных выборов создало бы правящей коалиции массу политических проблем. Профсоюзы энергетиков поддерживали протесты горняков и были готовы к ним присоединиться». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 19 янв.)

• «Принятый Сеймом план реструктуризации шахт предусматривает передачу в этом году из Фонда гарантированных рабочих ассигнований 1 млрд злотых на выходное пособие для шахтеров, что противоречит закону,

регулирующему деятельность фонда. Финансируемый за счет взносов работников и предприятий, фонд призван помогать разоряющимся предприятиям в случае, если у тех не хватает денег на выплату заработной платы своим работникам (фонд финансирует эти предприятия, когда их банкротной массы недостаточно для погашения обязательств по заработной плате). (...) Закон не предусматривает такого целевого расходования средств, как выплата выходных пособий увольняемым работникам предприятий». (Бартош Марчук, «Жечпосполита», 20 янв.)

• «Соглашение, заключенное с горняками, обойдется бюджету как минимум в 2,3 млрд злотых. (...) Эва Копач также планирует в будущем году повысить зарплаты чиновников правительственной администрации, причем на целых 5%. С учетом того, что общее количество чиновников составляет 122 тыс. человек, это грозит бюджету ежегодными дополнительными расходами на сумму 360 млн злотых. Следующими в очереди стоят учителя. Профсоюз педагогов «Образовательная солидарность» хочет вынудить правительство провести валоризацию зарплат учителей на 9%. (...) Повышение заработной платы 600 тыс. педагогов будет стоить бюджету 230 млн злотых ежемесячно. (...) 384 млн злотых, то есть повышения зарплаты на 400 злотых для каждого из 80 тыс. работников, требуют сотрудники почты, а также работники железнодорожной компании «PKP Cargo», рассчитывающие, в том числе, на специальную надбавку по случаю Дня железнодорожника. Одноразовая выплата в размере 850 злотых на человека, с учетом 26 тыс. работников, обошлась бы бюджету примерно в 22 млн злотых». (Анна Виттенберг, Томаш Жулчак, «Дзенник газета правна», 21 янв.)

• «Сформировавшаяся еще в ПНР политическая элита, которая сегодня потихоньку сходит со сцены, руководствовалась совершенно иными стандартами. Тадеуш Мазовецкий и другие крупные деятели последней четверти века совершали ошибки (...), но их мотивы были, во всяком случае, понятны. В 70-е годы, а то и раньше, вступая в ряды оппозиции, люди не думали о карьере, а просто пытались жить по совести, в соответствии с интеллигентским кодексом чести. Веслав Хшановский, Бронислав Геремек, Яцек Куронь, Ян Ольшевский — эти имена ассоциировались с бескорыстным поведением в политике и конкретными делами, за которые они были готовы драться до последнего. Сегодня в политику попадают совершенно другие люди с другой мотивацией. (...) Большинство молодых политиков играет по-честному, но при этом — хотя, возможно, для демократии это нормально —

относится к партийной работе как к любой другой ступени карьеры. Молодые политики иногда оказываются образованнее старших коллег, знают больше языков, у них за плечами стажировки в зарубежных политических институтах, опыт работы на избирательных кампаниях на Западе. Вот только это уже не рыцари от политики, а политические функционеры». (Михал Шулджинский, «Тыгодник повсехный», 18 янв.)

- «В четверг, 12 февраля, скончался проф. Ежи Регульский, солдат подпольных Национальных вооруженных сил во время оккупации, политзаключенный в ПНР, участник заседаний за «Круглым столом» в 1990 г., представитель премьер-министра Тадеуша Мазовецкого по вопросам реформы самоуправления и автор этой реформы, сенатор, посол Польши в Страсбурге при Совете Европы, кавалер ордена Белого орла». («Газета wyborcza», 13 февр.)

- «Глядя на деятельность профсоюзов, организаций сельхозпроизводителей и им подобных, начинаешь опасаться, что сегодня их совершенно не интересует благополучие нашей страны, что они пытаются использовать любую возможность для извлечения выгоды, часто вступая при этом в конфликт с интересами общества. (...) Россия продолжает агрессию на Украине, направляя туда всё больше военных и оружия. Полгода назад я был убежден, что украинской армии не хватает не столько оружия, сколько смелости и решимости сражаться. Сегодня очевидно, что без современного вооружения украинцы не в состоянии остановить ползучее российское вторжение. (...) Ставкой в этой игре является будущее не только Украины, но и Евросоюза. (...) Если творящееся руками россиян беззаконие восторжествует, а Европа это проглотит, то миру, основанному на идее политической интеграции, придет конец. Россия получит дальнейшую возможность форсировать политику вассализации других стран, поскольку трусы и взяточники есть повсюду. Мы в Польше и других странах ЕС должны четко определиться, хотим ли мы этого. И если нет, то, к сожалению, нам не останется ничего другого, как действовать более решительно, вместо того, чтобы постоянно колебаться», — сенатор Влодзимеж Цимошевич, экс-премьер, бывший глава МИДа. («Жечпосполита», 3 февр.)

- «Вчера российский арбитражный суд Санкт-Петербурга постановил, что польское консульство должно освободить занимаемые здания и выплатить городским властям 1,12 млн долларов задолженности по аренде. (...) Также вчера власти Варшавы и Гданьска потребовали от России вернуть 2 млн евро задолженности по арендной плате за пользование пятью

зданиями (из них четыре — в Варшаве). (...) В Варшаве Российской Федерации принадлежит 15 объектов недвижимости, которые достались ей еще в 70-х годах. Взамен Польша должна была получить недвижимость в Москве, но российская сторона не выполнила условия договора». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 4 февр.)

• «То, что нас ждет российское вторжение, несомненно. (...) Нападение на Польшу и страны Балтии может быть совершено разными способами. (...) Готов поручиться, что произойдет скорее “гибридная” война, нежели открытое вооруженное вторжение. Могут появиться диверсионные группы, которые будут пытаться дестабилизировать ситуацию в указанных странах», — Андрей Илларионов. («Жечпосполита», 10-11 янв.)

• «22 дек. прошлого года министерство обороны Литвы официально сообщило о получении литовской стороной первой партии переносных зенитно-ракетных комплексов “Гром”, закупленных в Польше. (...) Литва, как и другие страны Балтии, чувствует себя в опасности в связи с агрессивной политикой России. (...) Подробности заключенного контракта пока не раскрываются, но уже известно, что он будет носить долгосрочный характер. (...) Преимущество “Грома” заключается в том, что он может применяться небольшими боевыми группами, действующими самостоятельно и не зависящими от основного вооруженного контингента. (...) В конце ноября и начале декабря первая группа литовских военных прошла двухнедельную подготовку в Учебном центре ВВС Польши в Кошалине». (Анджей Кинский, «Нова техника войскова», февр. 2015)

• «Премия Свободы Адам Михник получил от парламента Литвы в День защитников свободы, посвященный памяти тех, кто охранял вильнюсскую телевышку от штурмующих ее советских военных. (...) Заместитель председателя Сейма Литвы Ирена Дагутене, возглавляющая комиссию по присуждению премии, напомнила о событиях января 1991 года: «24 года назад, будучи тогда депутатом польского Сейма, Адам Михник был здесь с нами, в парламенте, который в любую минуту мог подвергнуться нападению». (из Вильнюса Ян Цивинский, «Газета wyborcza», 14 янв.)

• «77 зенитно-ракетных комплексов “Poprad” на сумму 700 млн злотых купят сухопутные вооруженные силы Польши. Преимущество этого вооружения, целиком сконструированного в Польше, заключается в автоматизированной системе управления, которая позволяет за считанные секунды обнаружить и уничтожить вражеский

самолет или вертолет в радиусе до 3,5 км. А в комплекте с тактическим радаром “Sola” “Poprad” сможет обнаруживать вражеские воздушные суда в пределах 50 км. (...) Вооружение устойчиво к помехам, ракета редко промахивается. (...) Комплексы “Poprad” будут приспособлены к модернизированным снарядам дальностью до 10 км и радиусом поражения до 4,5 км. (...) В одном самоходном комплексе “Poprad” размещается четыре пусковые установки “Гром”». (Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 14 янв.)

• «С точки зрения того, как у нас выстраиваются механизмы успешной защиты от киберугрозы, мы пока что находимся в фазе младенчества. Скажем прямо: мы не в состоянии избежать такой атаки так же, как не в состоянии предотвратить наводнение. Зато мы можем создать систему управления рисками, связанными с такой опасностью», — директор Правительственного центра безопасности Януш Скулих. («Польска збройна», февр. 2015)

• «90 в Подкарпатье и одно в Опольском воеводстве — именно столько, по данным Министерства внутренних дел, атомных бомбоубежищ имеется в Польше. (...) Запрос относительно количества бомбоубежищ направил в МВД депутат от «Справедливой Польши» Юзеф Роек. (...) На территории страны должно быть несколько тысяч таких убежищ, считает эксперт по вопросам безопасности, д-р Гжегож Квасняк». («Жечпосполита», 29 янв.)

• «В связи с агрессией России на Украине Польша и НАТО усиливают свой оборонный потенциал. Уже в этом году на полигоне в Дравске пройдут учения сил быстрого реагирования НАТО, заявил ген. Мечислав Гоцуль, начальник Генерального штаба. В учениях примут участие военные из Германии, Голландии, Норвегии и Польши. (...) Вице-премьер Томаш Семоняк не скрывает, что «сегодня мы наблюдаем самый серьезный кризис системы безопасности в Европе со времен “холодной войны”». (...) По его мнению, «Россия открыто использует военные средства для реализации своей политики, что создает постоянную угрозу для Европы»». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 30 янв.)

• «В начале этого года натовские временные силы быстрого реагирования достигли состояния боевой готовности. Для того, чтобы прибыть на место боевой операции, им потребуется 72 часа. Постоянное ротационное присутствие войск НАТО в Польше сохранено и даже расширено. В прошлом году к нам прибыло семь тысяч военных, в этом году ожидаются десять. К новшествам относится создание интеграционных групп НАТО.

Предполагается, что это будут постоянные подразделения, занимающиеся координацией маневров и стратегическим планированием. Будет создано шесть таких подразделений, база одного из них разместится в Польше», — министр национальной обороны Томаш Семонок. («Польска», 6–8 февр.)

• «В 2014 г. подразделения, подчиненные Генеральному штабу Вооруженных сил Польши, приняли участие в 139 учениях, в том числе 35 международных, из которых 11 были проведены в связи с кризисом на Украине. В 2015 г. количество учений, тренировок и обучающих программ возрастет примерно на одну треть. В Польшу уже прибыли бельгийские летчики. (...) Канадские военные находятся на Дравском полигоне. Теперь мы ждем отряд американского 2-го кавалерийского полка, который позже будет заменен танкистами и парашютистами. Американцы придут также на авиабазы в Ласке и Повидзе. Нами запланированы совместные учения с немецкими, французскими и британскими подразделениями. (...) Периодически количество обучающихся в нашей стране союзников будет достигать 3 тыс. человек. (...) В соответствии с решениями глав государств-членов НАТО, в ближайшее время нам гарантировано постоянное ротационное присутствие подразделений альянса на территории Польши», — ген. Лех Маевский, командующий вооруженными силами. («Жечпосполита», 14 янв.)

• «Канцлер ФРГ Ангела Меркель приняла решение об усилении гарантий безопасности для Польши. Участие почти двух тысяч немецких военных в учениях на территории нашей страны — это только один из элементов новой стратегии. По образцу существующей вот уже 27 лет франко-немецкой бригады будет создана подобная, польско-немецкая». («Жечпосполита», 4 февр.)

• «По инициативе Дональда Туска лидеры стран ЕС сделали заявление, в котором осудили убийства гражданского населения во время массированного обстрела Мариуполя 24 января. “Мы видим всё больше доказательств того, что поддержка, которую Россия оказывает сепаратистам, постоянно растет. И это лишний раз подтверждает, что Россия несет прямую ответственность за происходящее”, — говорится в заявлении». («Газета wyborcza», 28 янв.)

• «В обстановке возобновления боевых действий на востоке Украины в Киев прибыла премьер-министр Польши Эва Копач. Это первый за последние три с половиной года визит главы польского кабинета министров на Украину». (Петр Ендрощик, «Жечпосполита», 19 янв.)

• «После встречи с премьер-министром Украины Арсением Яценюком Эва Копач заявила, что Польша предоставит Украине помощь в виде кредита на сумму 100 млн евро. (...) Финансовую помощь Варшава предоставляет при условии дальнейшего продолжения реформ на Украине». (Из Киева Мартин Пеньковский, «Жечпосполита», 20 янв.)

• «В академии финансов и бизнеса “Вистула” в настоящее время учится более тысячи студентов из Украины», — д-р Станислав Гонсик, эксперт по вопросам проектов Управления общего учета Конгресса США. («Дзенник газета правна», 26 янв.)

• «Отказывая сегодня в оказании военной помощи Украине, мы в некотором роде совершаем измену. (...) Я совершенно не вижу никаких оправданий для такой политики польского правительства», — Збигнев Буяк. («Жечпосполита», 20 янв.)

• «Збигнев Буяк (...) считает, что “было бы замечательно, если бы польские военнослужащие сражались в Донецке”. Мне очень жаль Збигнева Буяка. (...) Его слова подхватил Анджей Дуда, кандидат в президенты Польши от партии “Право и Справедливость”. (...) Ссылаясь на слова Буяка, кандидат Дуда утверждает, что это “очень важное решение, рассмотреть которое просто необходимо”. Вдумайтесь только! Кандидат на должность президента, то есть верховного главнокомандующего, заявляет, что активное вмешательство в вооруженный конфликт с Россией относится к вопросам, которые стоило бы рассмотреть! Покойный Лех Качинский сказал в Тбилиси, что “мы прилетели сюда сражаться”, а в это самое время президент Саркози вел в Путиным переговоры, чтобы добиться в Грузии мира. (...) Берегитесь безумцев! Они и впрямь готовы устроить нам повторение самых кровавых страниц нашей истории», — Ян Видацкий. («Пшегленд», 26 янв. — 1 февр.)

• «Профессор философии Вроцлавского университета Богуслав Пазь позволил себе разместить на своей странице в социальной сети жуткий фильм о пытках и жестоких убийствах украинских солдат донецкими сепаратистами, снабдив его комментарием: “Приятно, что бандеровские подонки получают по заслугам. И как после этого не любить русских?”. (...) Ректор университета поставил вопрос о поведении профессора на рассмотрение дисциплинарной комиссии, одновременно отстранив преподавателя от ведения занятий. Соответствующее заявление было направлено в прокуратуру. (...) “Господин ректор! (...) Вы приняли Пазя на работу и теперь вам придется с ним помучиться, как и с некоторыми другими.

Университет сам в этом виноват, и должен смиренно снести это унижение. Во имя чего? Во имя свободы слова, которая, как известно, священна», — проф. Ян Хартман. («Политика», 4-10 февр.)

• «Я проверял в интернете и, к большому сожалению, нашел эти слова министра иностранных дел Гжегожа Схетыны: “А может быть, стоит сказать, что это 1-й Украинский фронт и украинцы освободили Аушвиц-Биркенау, ведь в этот январский день там были именно украинские солдаты и именно они открывали ворота лагеря”. Этим словам нельзя не возразить. (...)

Освобождение Освенцима было одной из побед Красной армии над гитлеровской Германией», — проф. Анджей Валицкий. («Пшегленд», 9-15 февр.)

• «Участие украинских солдат, служивших в Красной армии, в победах над Германией часто обходят молчанием. Российская пропаганда постоянно твердит об «украинских фашистах», захвативших власть в Киеве, всячески напоминая о деятельности Степана Бандеры и дивизии СС «Галичина» во время войны. Возникает ощущение, что украинцы ничем другим в то время не занимались, что, мягко говоря, не соответствует действительности. Я пытался как-то развенчать этот миф, вот почему на мои слова так болезненноотреагировали», — Гжегож Схетына. («Польска», 6-8 февр.)

• «Международный совет Освенцима принял решение никого не приглашать индивидуально, а лишь объявить о проведении торжественных мероприятий (в связи с 70-й годовщиной освобождения лагеря Аушвиц-Биркенау 100-й Львовской пехотной дивизией Красной армии — В.К.), и это касается всех без ограничений. На торжества придут две королевские супружеские пары, четыре наследника трона, двенадцать президентов, шесть премьеров, будут также представлены Евросоюз, Совет Европы, ЮНЕСКО. (...) Российская сторона направляет главу президентской администрации Сергея Иванова, представляющего весьма высокий уровень российской власти», — президент Бронислав Коморовский. («Газета wyborcza», 26 янв.)

• «На официальном портале министерства обороны Беларуси появилась новая рубрика — “Наши герои”. Рядом с традиционными персонажами времен СССР, таких, как белорусы маршал Иван Якубовский и космонавт Петр Климук, неожиданно появились Тадеуш Костюшко, Ежи Радзивилл, Константин Острожский, возглавлявший польско-литовское войско в битве под Оршей в 1514 году, где было нанесено сокрушительное поражение войскам Московского княжества.

Эти герои призваны укреплять патриотические настроения среди солдат». (Из Гродно Анджей Почобут, «Газета выборча», 30 янв.)

• «Я могу сравнивать Польшу конца 80-х годов и Польшу нынешнюю. Изменилось многое. По-русски здесь уже никто не говорит. Раньше изучение русского языка было обязательным уже в начальной школе. Сейчас у учеников есть выбор: немецкий, английский, русский. (...) Однако институт русского языка и литературы в Варшавском университете не ликвидировали и там сейчас занимается много студентов. (...) Цивилизованный мир не хочет войны. Он боится жестокости и ее последствий. Когда на Украине началась война, поляки тоже забеспокоились: не нападет ли Россия на Польшу, как это случилось уже много раз? Сначала разделяется с Украиной, а потом...» — Александр Зорин. («Бунт молодых духом», нояб. — дек. 2014)

• «Побит рекорд популярности нашей страны среди приезжих с Украины. С января по ноябрь прошлого года работу в Польше искало 359 тыс. человек. Это на 134 тыс. больше, чем за весь 2013 год. (...) Об уровне иммиграции можно судить по свежим данным трудового ведомства, касающимся так наз. заявлений польских фирм о том, что они хотели бы предоставить работу иностранцам с востока. В 2011 г. количество таких заявлений составило 259 тыс., а в прошлом году приблизилось к 400 тыс. (...) За последние годы (с 2013 г.) о предоставлении статуса беженца ходатайствовало ок. 86 украинцев ежегодно. В прошлом году их количество достигло 2 318. Примерно так же выглядит динамика относительно ходатайств о предоставлении права на пребывание и выдаче вида на жительство. В 2013 г. их было 12,9 тыс., а в прошлом — 28,9 тысяч». (Бартош Марчук, «Жечпосполита», 29 янв.)

• «Как сообщило Управление по делам иностранцев, в Польше находится 1 787 беженцев с Украины, прибывших сюда в поисках помощи и безопасности. Однако их шансы на предоставление им статуса беженца практически равны нулю. (...) Эти отношения регулируются Женевской конвенцией, согласно которой лицо, желающее получить статус беженца, должно доказать, что в своей стране оно подвергалось преследованиям либо ему такие преследования угрожают. (...) Не вся Украина охвачена войной, на более чем 90% ее территории царит мир. Поэтому в случае с беженцами с Украины один отказ идет за другим. (...) Знают ли украинцы, насколько мизерны их шансы на успех? Нет!». (Сильвия

Чубковская, Михал Потоцкий, «Дзенник газета правна», 30 янв.)

• «Нелегальные иммигранты пытаются проникнуть в Польшу в основном через наши восточные границы. В прошлом году именно ее пытались незаконно пересечь 80% всех задержанных нашей пограничной службой. (...) Больше всего было украинцев — в общей сложности, 2 тыс. чел.; это на 100% больше, чем в 2013 году. (...) На границе с Украиной наиболее интенсивное движение, в прошлом году ее пересекли туда и обратно 17,7 млн человек. Также задерживались при попытке попасть в Польшу без соответствующих документов россияне (264 чел.), белорусы, вьетнамцы и сирийцы. (...) В прошлом году пограничники задержали за нелегальное пересечение границы 420 граждан Вьетнама, что на 80% больше, чем в 2013 году». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 6 февр.)

• «В 2003 году Агентство внутренней безопасности совместно с аналогичными службами других стран вело дело против исламских экстремистов, планировавших в Польше теракт во время рождественских праздников. (...) В 2012 году террористы использовали территорию Польши для покупки и транспортировки взрывчатых веществ, которые впоследствии были применены в ходе теракта в отношении израильских туристов в Болгарии. (...) Полтора десятка лиц польского происхождения нынче сражаются под знаменами Исламского государства». (Мацей Санковский, «Тыгодник повсехный», 18 янв.)

• «Каролина Р. стала первой полькой, обвиняемой в помощи террористам ИГИЛ. За эту деятельность ей грозит десятилетнее тюремное заключение. Судебный процесс начался в минувший четверг в Дюссельдорфе». («Впрост», 26 янв.)

• «Польских ветеранов, служивших в Ираке и Афганистане, регулярно оскорбляют в интернете, называя наемниками и оккупантами, некоторые пользователи даже желают этим военным смерти. (...) С такими записями и постами вот уже несколько лет борется проф. Яцек Жебрык, участник военной миссии в Ираке и Афганистане. (...) В течение четырех лет он 137 раз обращался в полицию, прокуратуру и суды. (...) Установил личности авторов более 50 таких записей. (...) Было вынесено 12 приговоров, виновные были оштрафованы на суммы от 50 до 2,5 тыс. злотых. (...) Яцек Жебрык и сам стал жертвой агрессии, получив около сорока писем, авторы которых во имя Аллаха угрожали смертью ему и его семье. (...) Жебрыка всячески поддерживает Ассоциация раненых и пострадавших в ходе

миссий за пределами страны». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 9 февр.)

• «В Польше нет таких проблем с исламистами, с которыми в последнее время столкнулась Франция. В первую очередь это связано с тем, что наше мусульманское сообщество очень хорошо образовано. Большинство живущих в Польше мусульман закончили польские вузы, и волей-неволей мы намного лучше интегрированы, поскольку знаем польскую культуру изнутри. (...) Сегодня Европа должна научиться разговаривать со своими мусульманами. И я считаю, что Польша может послужить тут хорошим примером. (...) Мои проповеди в мечети напоминают университетские лекции. Большинство присутствующих на них — это, как правило, врачи. Говорить в их присутствии глупости совершенно невозможно. Если польский имам начинает снижать определенный научный уровень своих высказываний, они бунтуют. (...) Наш Пророк говорит, что вера хранится в сердце, а подтверждается добрыми делами. Вера без добрых дел — очень сомнительная вещь. (...) Человек, живущий исключительно для себя, болен. Наша религия запрещает быть таким. (...) Все мы представляем умеренное мусульманское крыло», — имам Али Абилясса, кандидат гуманитарных наук (ученая степень получена в Ягеллонском университете), председатель Главного совета лиги мусульман Польши, директор Мусульманского культурно-образовательного центра во Вроцлаве. («Польша», 19 янв.)

• «“Католики должны охранять еврейские могилы. Это наш моральный долг — позаботиться о местах, где были убиты и похоронены люди, которые на протяжении многих лет были нашими соседями”, — заявил епископ Мечислав Цисло, который в четверг, в ходе празднования Дня иудаизма, обратился с таким призывом ко всем полякам». (Томаш Кшижак, «Жечпосполита», 14 янв.)

• «“Мы обращаемся к священникам с просьбой выступить с инициативой об увековечивании памяти еврейского населения в тех местностях, где эти люди проживали, а прихожан и местные власти призываем помочь духовным особам в этом деле”». Это беспрецедентное обращение прозвучало во время научной конференции в Бельско-Бяле, в которой участвовали Михаэль Шудрих, главный раввин Польши, епископ Мечислав Цисло, глава Комитета по вопросам диалога с иудаизмом и Совета по вопросам религиозного диалога Епископата, Павел Аувейллер, епископ Цешинской епархии лютеранской Церкви, а также представитель Центра

диалога в Освенциме. Ранее мероприятия, посвященные всепольскому Дню иудаизма, прошли в Освенциме на территории концлагеря Аушвиц-Биркенау. Первый (и, как оказалось, единственный — В.К.) отклик на это обращение появился уже спустя несколько часов. Группа прихожан вместе с о. Войцехом Леманским (который запрещен в служении — В.К.) объявила, что в субботу поедет молиться в Едвабне, Радзилов, Вонсож и Щучин». (Михал Вильгоцкий, «Газета wyborча», 15 янв.)

- «Награждение председателя Конституционного трибунала Анджея Жеплинского папским крестом “За заслуги перед Церковью и Папой” вызвало дискуссию не только относительно беспристрастности судей при рассмотрении дел с участием Церкви, но и о том, что такое независимость суда и какие ограничения накладывает она на судей. (...) Выражая признательность за награждение, проф. А. Жеплинский подчеркнул, что он счастлив быть поляком, христианином и католиком. В юридических кругах это вызвало некоторое замешательство. Следует ли судьям принимать какие-либо награды кроме тех, что вручает президент Польши? Следует ли судьям Конституционного трибунала принимать награды от какой-либо Церкви, если они рассматривают либо могут рассматривать дела, которые касаются гарантированной конституцией беспристрастности публичной власти в вопросах совести и вероисповедания? Особенно в ситуации, когда вот уже много лет католической Церкви постоянно ставят на вид ее слишком большое влияние на политику и законодательство в Польше». (Эва Седлецкая, «Газета wyborча», 7-8 февр.)

- «В отчете “Свобода слова”, опубликованном в декабре 2014 г. Международным гуманистическим и этическим союзом (МГЭС), говорится о дискриминации атеистов со стороны государства и его структур. (...) Каждому государству МГЭС присваивал один из пяти статусов: тяжелая дискриминация; упорная дискриминация; систематическая дискриминация; страны с относительно удовлетворительной ситуацией; страны свободы и равноправия. Польше был присвоен статус страны с “упорной дискриминацией”». (Бартош Хыж, Александер Дерило, «Газета wyborча», 3 февр.)

- «Каждая финальная акция Большого оркестра праздничной помощи становится поводом для бесцеремонных нападок на организацию со стороны правых сил и тех, кто считает себя истинными католиками. (...) Ничего удивительного, ведь это светская (хотя и не антицерковная, а напротив, объединяющая католиков и некатоликов, верующих и атеистов)

благотворительная акция огромного размаха. (...) Вот почему правые силы объявили организации тотальную войну, поставив цель уничтожить Большой оркестр праздничной помощи. (...) Вот почему Ежи Овсяк, руководитель организации, постоянно обвиняется ими в растлении молодежи и банальном мошенничестве. (...) Большой оркестр праздничной помощи — это, возможно, последний в сегодняшней Польше благотворительный институт такого уровня, создающий общественный капитал вместо того, чтобы бездумно его транжирить. Он объединяет родителей и детей, верующих и неверующих. И даже наших нуворишей, готовых потратить миллион злотых на покупку золотого сердечка, оркестр объединяет с людьми, с гордостью прикрепляющими бумажное сердце к своему пальто, положив пару злотых в копилку волонтера. (...) Пока играет Оркестр большой праздничной помощи, у правых сил не будет монополии на милосердие». (Цезарий Михальский, «Ньюсуик Польска», 12–18 янв.)

• «По данным фирмы “Orange”, средний подросток ежедневно проводит в социальных сетях целых четыре часа. В качестве главной формы контакта с ровесниками социальные сети используют 97% подростков, к ним все чаще присоединяются дети в возрасте 9–10 лет. (...) Для этого поколения интернет представляет собой основную площадку самоутверждения. (...) Впрочем, согласно последним опросам “Фонда ничьих детей”, опасность заключается в том, что подростки получают в интернете горький опыт ненависти и презрения. Каждый пятый из них успел побывать жертвой кибер-насилия, то есть коллективного преследования и травли. (...) Более чем каждого третьего подростка уже шантажировали и компрометировали при помощи фото- и видеоматериалов, а 16% юных пользователей получали угрозы в свой адрес. В сети весьма распространены вульгарная брань, насмешки, унижения, запугивания и попытки выдать себя за другого человека». (Иоанна Дросио-Чаплинская, «Политика», 14–20 янв.)

• «Международное исследование учительского корпуса “TALIS” — это один из проектов Организации экономического сотрудничества и развития, который каждые пять лет информирует о качестве работы педагогов и их влиянии на процесс обучения молодежи. (...) В 2008 г. в исследовании приняли участие 24 страны; в 2013 г. их было уже на десять больше. (...) И хотя эксперты считают, что результаты исследования очень полезны тем, кто определяет государственную политику в области образования, Польша не

примет участие в очередном исследовании». (Анна Виттенберг, «Дзенник газета правна», 26 янв.)

• «По данным Высшей контрольной палаты, с 2001 г. в рамках программы репатриации в Польшу приехало 5 тыс. человек. (...) С 2007 г. количество репатриантов постоянно уменьшается, а ждать возможности поселиться в Польше в рамках репатриации приходится иногда десять лет. Сейм поставил правительству на вид, что оно так и не выработало юридических, организационных и финансовых механизмов для поддержки репатриантов». («Жечпосполита», 15 янв.)

• «С 38% в декабре до 30% в январе уменьшилось количество человек, считающих себя сторонниками правительства Эвы Копач». («Жечпосполита», 23 янв.)

• «В рейтинге доверия политикам, опубликованном 23 янв. ЦИОМом, премьер-министр Эва Копач пользуется доверием 49% поляков. (...) Как всегда, больше всех поляки доверяют президенту Брониславу Коморовскому — 78%. (...) На третьем месте политик из Союза демократических левых сил Рышард Калиш — 40%». («Дзенник газета правна», 4 февр.)

• Поддержка партий: «Гражданская платформа» — 36%, «Право и Справедливость» — 35%, Союз демократических левых сил — 10%, крестьянская партия ПСЛ — 8%, «Конгресс новых правых» — 4%, «Твое движение» — 1%, «Национальное движение» — 0%. Не определились с симпатиями — 7%. Опрос института «Номо Номіні», 16-17 янв. («Жечпосполита», 20 янв.)

• «Сейм ратифицировал конвенцию Совета Европы о предупреждении и противодействии домашнему насилию и насилию в отношении женщин». («Жечпосполита», 9 февр.)

• «С открытым письмом к президенту обратился епископ Игнаций Дец, член Конференции епископата Польши, призвав главу государства не подписывать закон о ратификации конвенции. По мнению епископа, этот документ провоцирует «культурную революцию на основе гендерной идеологии, вредит институту семьи и брака» («Наш дзенник»). Епископ полагает, что голосовавшие за ратификацию конвенции депутаты крикнули свое «Нет!» католической Польше». (Моника Олейник, «Газета wyborcza», 13 февр.)

• «Интересно, до какой степени ратификация конвенции является нашим самостоятельным решением. Не связана ли она случайно с обещанием неких дотаций, которые может получить наша страна? (...) Нечто подобное я уже наблюдал в

странах Африки. В обмен на дотации эти страны были вынуждены принимать нормативные акты, касающиеся контрацепции и абортов», — архиепископ Генрик Хосер. («Жечпосполита», 9 февр.)

- «Еще в прошлом году Конституционный трибунал постановил, что запрещающие убой животных без их предварительного оглушения 34 и 35 статьи “Закона об охране животных”, нарушают конституционный принцип свободы вероисповедания. (...) В связи с этим уже в день официального опубликования решения трибунала такой убой животных вновь станет легальным, а его совершение не будет наказываться, как ранее, лишением свободы на срок до двух лет. (...) У членов трибунала, однако, не было на этот счет единой позиции — пятеро судей из четырнадцати высказали свое особое мнение». (Павел Рохович, «Жечпосполита», 11 дек.)

- «Трибунал постановил: после официального опубликования его решения, убой животных в Польше будет регулироваться соответствующими нормативами ЕС. (...) Они, в частности, допускают убой, в ходе которого коров помещают во вращающихся клетках, переворачивают ногами вверх, после чего перерезают им горло. Такие приспособления есть на польских бойнях; сам же этот способ убоя считается крайне жестоким». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 11 дек.)

- «Ученые Центра экспериментальной диагностики и инновационных биомедицинских технологий при Университете естествознания во Вроцлаве похвастались, что провели исследования, в ходе которых ломают свиньям позвоночники, чтобы протестировать способы восстановления спинномозговых функций». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 15 янв.)

ЕДИНЕНИЕ РАЗЪЕДИНЕННЫХ

В Эльблонге и Калининграде открылись исторические выставки, организованные благодаря польско-российскому сотрудничеству. Обе выставки — очень современные, обе производят сильное впечатление и надолго западают в память. Как получилось, что в нынешней непростой политической ситуации вообще мог быть реализован такой проект?

Эльблонг и Калининград расположены примерно в 100 км друг от друга, но поскольку в 1945 г. города разделила польско-российская граница, мало кто помнит, что когда-то их многое объединяло. Эти два из трех самых старых городов южного побережья Балтики были построены в XIII в. крестоносцами, которые возвели их на берегах рек, впадающих в Вислинский (Калининградский) залив. В ходе христианизации прусских племен рыцари-крестоносцы строили на территориях язычников крепости и оттуда управляли только что созданным государством Тевтонского ордена.

Два замка

В ходе раскопок, производившихся в 2013 г., археологи обнаружили во дворе эльблонгского музея реликты дубовых конструкций — скорее всего это были остатки первой деревянной крепости. Из документов следует, что строительство крепости началось еще в 1237 г., а первый замок близ устья реки Преголи был возведен на 18 лет позже и был назван Кёнигсбергом — в честь участника похода короля Чехии Пшемислава Оттокара II. Оба замка играли роль административных центров государства Тевтонского ордена, при этом Эльблонг был резиденцией магистра провинции и великого госпитальера, а Крулевец /Кёнигсберг стал местом пребывания самого Великого Магистра, когда в 1466 г. орден лишился Мальборка.

Внешний вид и масштаб этих резиденций имел влияние на развитие архитектуры в Ордене, пишет Томаш Торбус в книге «Замки Тевтонского Ордена» («Zamki konwentualne Państwa Krzyżackiego»). Подобные выводы можно сделать лишь на основании информации, оставленной нам немецкими архитекторами, и благодаря данным археологических

раскопок, так как обоих замков сегодня не существует — замок в Эльблонге городские жители разобрали еще в 1454 г., а замок в Кёнигсберге русские снесли в 1969 г.

Вокруг крепостей крестоносцев выросли города, заселявшиеся немецкими поселенцами и развивавшиеся на основе любекского права. В целях упорядочения торговли янтарем, дегтем, кожами и медом они присоединились к Ганзе, что обеспечило этим городам широкие контакты и большой приток предметов роскоши. Когда Эльблонг оказался в границах Польского Королевства (1466 г.), это не повлияло на его экономические или культурные отношения с Крулевцем / Кёнигсбергом. «Мало кто знает, что в 1537 г. у нас была открыта первая в Польше гуманитарная гимназия, которую планировалось сделать университетом. К сожалению, жителей города напугали связанные с этим расходы, так что привлеченные в город профессора уехали в Крулевец, где и осели в действующем с 1546 г. университете Альбертине», — говорит археолог Мирослав Марцинковский, сотрудник Историко-Археологического музея в Эльблонге.

Протестантский университет в Крулевце /Кёнигсберге основал спустя 21 год после секуляризации ордена его бывший Великий Магистр, прусский герцог Альбрехт Гогенцоллерн. Это была вторая по счету академия в Польше, но для жителей Эльблонга она стала главным местом получения научных знаний, ибо даже ощущая себя подданными польского короля, они в большинстве своем говорили по-немецки и были приверженцами евангелической ветви христианства.

Исчезнувшие города

Города вновь оказались в границах одного государства после первого раздела Польши, тогда же их объединила общая судьба — сначала это было связано с походом наполеоновских войск через их территорию и визитом Бонапарта, а затем с периодом расцвета, когда Эльблонг возвысился до наиболее динамично развивающегося центра тяжелой промышленности, а Крулевец /Кёнигсберг стал важнейшим городом на восточных рубежах Пруссии. В 1782 г. город насчитывал 54 тысячи жителей, а в 1919 г. — их уже было 260 тысяч. В середине XIX в. Кёнигсберг был окружен кольцом стен с бастионами, башнями и воротами, а также рвом, благодаря чему город-сад был словно замкнут в кирпичной крепости. Но фортификации не защитили его от катастрофы во время Второй мировой войны, ибо очередным, общим и одновременно самым трагическим испытанием для Эльблонга и Кёнигсберга стало практически полное разрушение этих городов и смена населения.

Эльблонг пострадал в ходе взятия его Красной Армией в 1945 г. Районы Старого и Нового города были разрушены, а после войны их руины были разобраны (из эльблонгских кирпичей, кстати, восстанавливали центр Варшавы — Старый город), а на их месте был разбит сквер. Сохранилось только несколько исторических зданий — Торговые Ворота, два костела, здания музея и оставшийся от крестоносцев госпитальный комплекс Св. Духа. В город съезжались с разных сторон поляки, для которых этот город был чужим, немецким, а кроме того городом, лишенным архитектурной души, что в дополнение ко всему затрудняло формирование его локальной идентичности.

В начале 70-х годов было решено восстановить старый, исторический центр города. Результаты предшествовавших восстановлению раскопок стали настоящей сенсацией, ибо сточные ямы сохранили реликты, свидетельствующие о богатстве города, стиле жизни, пристрастиях и даже диете жителей. Это парадокс, но жители Эльблонга никогда не узнали бы столько о своем городе, если бы не война.

Кёнигсберг пострадал даже больше, чем Эльблонг. Сначала в 1944 г. британские зажигательные бомбы превратили в развалины его центр, позже дело уничтожения завершила советская власть. Кёнигсберг был крупнейшим немецким городом, включенным в состав России, поэтому не только его название было изменено на Калининград (в честь Михаила Калинина), но также стирались следы всех предыдущих периодов его развития. Завершением всему послужил уже упоминавшийся снос (вопреки воле жителей Калининграда) руин замка. Центр довоенного Кёнигсберга перестал существовать. Сегодня восстановленный кафедральный собор с мавзолеем Канта стоит в парке, занимающем весь остров Кнайпхоф, бывший когда-то оживленным портовым кварталом; не восстановлены два из семи знаменитых мостов Кёнигсберга, а господствует над всем этим видом поставленный на замковой горе кошмарный памятник советского прошлого — так и не отданное в эксплуатацию здание Дома Советов. Калининград с его дырявыми улицами и безобразными панельными домами немного напоминает польские города двадцать лет назад, но он не выглядит сонным или провинциальным. Он производит впечатление динамичного, смотрящего в сторону Запада города. На первый взгляд он кажется типично российским, но немецкое прошлое тут проглядывает повсюду. «Когда я хожу по Калининграду, то буквально слышу, как исторические памятники кричат из-под земли, я уверен, что большинство из них очень похожи на те,

что были обнаружены в результате раскопок в Старом Городе Эльблонга», — убеждает Марцинковский.

Впрочем, на берегах Преголи с некоторых пор появилась мода на все немецкое. В ресторанах развешены постеры с видами Кёнигсберга, а туристам показывают уже не только советские памятники. О тех элементах, которые объединяют эти два города, повествует общая выставка, организованная музеем Эльблонга и одним из калининградских музеев.

Выставка, которую можно сравнить с луковицей

В 2010 г. Марии Каспшицкой, директору Историко-археологического музея в Эльблонге, необходимо было что-то предпринять: одно из двух зданий — еще хранящее память о временах Тевтонского Ордена — требовало немедленного ремонта. Его техническое состояние представляло угрозу для собранных там экспонатов. Беспокоиться было о чем — музей в Эльблонге считается одним из богатейших провинциальных музеев в Польше. В нем хранятся изделия из янтаря, серебра и золота с готических захоронений; артефакты из Трусо — торгового центра викингов на берегу озера Дружно; остатки помостов из Бонгарта времен похода Св. Войцеха, и великолепные уникальные предметы, обнаруженные в сточных ямах городского центра времен Средневековья.

Для того чтобы получить необходимую финансовую поддержку, следовало воспользоваться средствами, которыми располагает европейская Программа трансграничного сотрудничества Литва-Польша-Россия, а для этого нужны были заграничные партнеры. Поиски в Литве не увенчались успехом, зато в Калининграде кандидат исторических наук Мария Каспшицкая познакомилась со Светланой Соколовой, директором основанного там в 2008 г. исторического музея «Фридландские ворота», которая столкнулась с подобной проблемой — ворота, бывшие частью фортификаций XIX века, едва держались. «Никто, конечно, не дал бы денег на одну модернизацию, поэтому мы придумали проект “Музеи вне границ”, — говорит Мария Каспшицкая. — Ремонт отошел на второй план, мы стали думать, как показать общую историю наших городов привлекательно и понятно для обеих сторон».

Основанный в 2008 г. калининградский музей возник на волне моды на все немецкое, выставка состоит из предметов, относящихся к межвоенному периоду, а иллюстрацией к ней служит фильм, в котором Кёнигсберг предстает на открытках довоенного времени. На новый уровень музей вышел благодаря реализации польско-российского проекта: удалось не только

отремонтировать объект, но и приобрести у коллекционеров и антикваров дополнительные экспонаты.

В Эльблонге трудность заключалась не столько в отсутствии предметов старины, сколько в их обилии, которое решено было представить в новой аранжировке. Сценография Михала Урбана (автора выставки Фабрика Шиндлера в Кракове) напоминает, по сути, капсулу времени, благодаря которой посетитель словно погружается в прошлое и открывает для себя поочередно все этапы истории Эльблонга. Звуки и образы воздействуют на чувства, что одних раздражает, другим нравится, у третьих вызывает ностальгию, но именно эти эмоции и делают выставку невероятно привлекательной. «По замыслу выставка должна была быть многослойной: на первом этапе она должна была заинтересовать, на втором — задержать внимание, на третьем вызвать желание глубже погрузиться в историю. Пожалуй, это удалось, потому что многие не ограничиваются одним посещением», — говорит директор музея. Посетителей музея можно разделить на «серферов» и «ныряльщиков» — первые скользят по поверхности, быстро начинают скучать, их бы скорее заинтересовали технические новинки; другие изучают каждый предмет, они внимательны и требовательны. В рамках проекта для «серферов» предусмотрен самый длинный в Европе (20 мин.) голографический фильм, для «ныряльщиков» предназначен документальный фильм «Свидетельства».

Трёхмерный голографический фильм раскрывает перед зрителем самые важные эпизоды общей истории Эльблонга и Кёнигсберга, он нравится как местным жителям, так и иностранцам. Однако не обошлось и без оплошности. Чтобы визуальный рассказ был понятен, в нем не должно было быть никаких текстов и диалогов, однако, к сожалению, — без ведома авторов сценария — в сцену на рынке эпохи Ренессанса режиссеры вставили выкрики «свежие фрукты». «Это ошибка, во-первых, потому, что в те времена доминировал немецкий язык, а во-вторых, россияне после первого просмотра засомневались, нет ли здесь провокации, связанной с эмбарго на торговлю польскими фруктами», — говорит Марцинковский.

Проблемы появились также при монтаже голограммы в Калининграде, дважды кто-то пытался поджечь построенное специально для его показа здание. «Мы не знаем, кто устроил поджог, но полиция предполагает, что это могли быть националисты, протестующие не столько против смысла или содержания фильма, сколько против строительства

соседствующей с территорией музея мечети», — говорит Марина Ядова, нынешний директор музея «Фридландские ворота».

Как в Эльблонге, так и в Калининграде давно развивается так называемый ностальгический туризм — немцы, родившиеся в этих городах, приезжают сюда, чтобы своими глазами увидеть, что осталось от тех мест, где когда-то жили их предки. В документальном фильме «Свидетельства» запечатлены воспоминания их детства. Их рассказы о беззаботных играх на балтийских пляжах, о вкусе марципанов и прогулках с родителями перемежаются картинками драматических событий — смерти близких, бомбардировок и выселения. Демонстрация фильма проходит в залах, где собраны предметы тех времен, создающие фон для этих рассказов. О том, как наглядно эти предметы передают дух эпохи, свидетельствуют стоящие в одной из витрин музея «Фридландские ворота» герметически закрытые стеклянные банки с консервированным мясом, которые какая-то немецкая хозяйка отнесла в подвал в 30-е годы. Говорят, что нашедший их наш современник покормил содержимым одной из этих банок своего кота и с тем ничего не случилось.

Наперекор фобиям

Благодаря этому проекту оба музея привлекают к себе внимание все большего количества людей. Но в то время как в Эльблонге среди посетителей музея все чаще встречаются россияне, в Калининграде поляков почти нет. Жители приграничных населенных пунктов Польши могут пересекать границу с Россией благодаря соглашению о малом приграничном движении, но делают они это по большей части для того, чтобы заправить полный бак на ближайшей автозаправке. Россияне ездят к нам прежде всего за покупками, так как в калининградской области цены на продовольственные товары очень высокие, однако время от времени более обеспеченные и образованные из них осматривают наши города и их достопримечательности.

«Желая убедить жителей Эльблонга, что Калининград заслуживает того, чтобы его посетить, мы издали польско-российский путеводитель по нашим двум городам», — говорит Мария Каспшицкая. Послужит ли общая выставка поощрению визитов соседей друг к другу в нынешней политико-экономической ситуации? Вряд ли, и прежде всего — из-за наших обид и существующих стереотипов на тему россиян и России.

Калининградцы не испытывают проблем при обсуждении немецкой истории города, а вот жителям Эльблонга это по-прежнему дается труднее. Наверное, в большей открытости россиян сказывается гордость победителей, которые покорили немецкий Кёнигсберг, а наша избирательная историческая амнезия объясняется устаревшими, зародившимися еще во времена войны, антинемецкими фобиями, неуверенностью и комплексами. По мнению М. Каспшицкой, задачей региональных музеев должно стать формирование своей местной идентичности: «Для меня важно, чтобы благодаря этой выставке жители Эльблонга, не ощущающие до сих пор своей связи с городом, наконец его полюбили и начали отождествлять себя с ним. Только если мы смиримся с прошлой историей города, мы сможем избавиться от комплексов и почувствовать себя равноправными гражданами Европы. Именно поэтому меня так порадовала реакция детей, которые после посещения выставки и просмотра голограммы, говорили: “какой наш город замечательный”».

Мария Каспшицкая два года ждала решения европейской Программы трансграничного сотрудничества и уже совсем было потеряла надежду, как вдруг в здании музея лопнула труба, заливая выставочные залы, и тогда проекту выделили 3,5 млн евро. «Когда я узнала, что за это время в Калининграде поменялся директор, что вместо Соколовой теперь там работает Марина Ядова, я даже немного растерялась, но быстро поняла, что это столь же увлеченный партнер. Я шучу, что этот наш дамский проект удался потому, что все происходило без особого участия официальных властей», — смеется директор эльблонгского музея.

Марина Ядова и Мария Каспшицкая не теряют интереса к дальнейшему сотрудничеству, им не мешают ни проявления неприязни, ни бытующие среди народов обеих стран стереотипы, ни даже политика. Они утверждают, что надо делать свое дело, и если только никто не будет ставить палки в колеса, все получится. Они уже думают о новом проекте, но о раскопках в Калининграде нечего и мечтать, так как для этого требуется согласие Москвы. Скрытые в земле памятники Кёнигсберга еще какое-то время там останутся.

НА ПРИЕМЕ У ПОСЛА И В ТАВЕРНЕ МОРЯКОВ: МАСТЕР- КЛАССЫ ГДАНЬСКОГО КЛУБА

В минувшем году в Гданьске произошло еще одно хорошее международное событие: Центр польско-российского диалога и согласия с 4 по 6 сентября провел встречу Гданьского клуба — трехдневную школу для польских и русских «молодых лидеров».

Получив приглашение участвовать в мастер-классах, вначале я отказалась: во-первых, выглядело это мероприятие как дебаты про политику для студентов, а во-вторых, что за молодые лидеры? Но следующее письмо, в котором была программа школы, заставило меня немедленно передумать и согласиться. Потому что формат оказался совершенно не таким, как можно было предполагать.

Сюрприз первый: абсолютно все лекции и семинары велись по-английски. Почему, собственно, сюрприз? Ведь английский — стандартный язык международного общения... Но в том-то и дело, что все польско-русские мероприятия проходят, как правило, либо по-русски, либо по-польски, либо с переводом, что рассчитаны они, так или иначе, на тех, кто «в теме». Часто получается, что из диалога исключаются все, кто не является заранее причастным к культуре соседа. А ведь те, кто учат польский или русский — уже пришли к этому диалогу сами. Здесь английский оказался отличным способом абстрагироваться от бинарных взаимоотношений и дать всем равные шансы на взаимопонимание.

Сюрприз второй, связанный с первым: главным лектором был англичанин, Чарльз Кроуфорд. На ужине в день приезда участников еще до начала семинаров он успел пообщаться со всеми и даже показать на телефоне фотографии своих детей. Никому бы и в голову не пришло, что этот человек был послом Великобритании в Боснии и Герцеговине, в Сербии и в Польше, а на следующий день будет приковывать к себе внимание аудитории в течение 6 часов, раскрывая принципы построения публичной речи и тайны политической риторики мировых лидеров. Самим участникам тоже пришлось ненадолго покинуть «зону комфорта»: каждый должен был заранее

подготовить короткое сообщение на одну из предложенных тем (общественного или личного значения) и выступить с ним. Остальные оценивали и обсуждали выступление, а в конце сессии каждый «докладчик» повторил свою речь — но так, как он написал бы ее теперь, с учетом своих ошибок и новых навыков. Спустя час или два многие смогли сказать то же самое совершенно иначе, по-другому, держали себя более свободно, отказались от лишнего и выбрали то, что действительно важно.

«Для меня крайне важной оказалась сессия Чарльза Кроуфорда, в ходе которой я осознал, как важно уметь соответствующим образом представить информацию, если имеешь дело с большой аудиторией, попытался войти в роль дипломата, что для меня, как для человека, работающего с конфликтными группами, оказалось крайне полезным. Считаю эту площадку крайне перспективной для выстраивания гражданского диалога между Польшей и Россией, особенно в свете внешнеполитического кризиса, касающегося России и соседних государств», — сказал один из участников, Илья Шуманов, руководитель калининградского филиала антикоррупционной организации «Transparency International».

Помимо основной части, которую вел Чарльз Кроуфорд, были и другие, более короткие, но не менее насыщенные встречи. Первый день открылся приветствием директора Центра польско-российского диалога и согласия, Славомира Дембского, и встречей с вице-мэром Гданьска Мацеєм Лисицким, который рассказал, что приглашение провести сессию Клуба в Гданьске (школа проходит здесь второй раз) вызвано желанием показать город молодым россиянам и сделать его не только местом удачных покупок (для калининградцев), но и местом продуктивного культурного и общественного диалога.

В конце первого дня, после напряженной работы над искусством публичной речи, мастер-класс провел Адам Ярчинский, директор Польской академии связей с общественностью и Польской академии дипломатического протокола и этикета. Мы узнали, чем отличается black tie от white tie, куда деть потные ладони на приеме у посла и почему на банкете нельзя держать в руках одновременно бокал и тарелку. Самое интересное, что за теоретической частью последовала практическая — все отправились в ресторан, где учились есть самые «сложные» блюда: спагетти, устрицы и мидии.

На второй день участникам была предложена ролевая игра — мы сели за стол переговоров по поводу финансирования крупного социального проекта в несуществующей стране.

Каждый получил свой сценарий, свои условия. Я была премьер-министром.

Много внимания Кроуфорд уделил также визуальным презентациям, правилам подачи материала и принципам соответствия зрительного и смыслового ряда. После такого ни одна презентация не выдержала бы нашей суровой критики.

«Я думаю, что умение выступать публично, представлять себя, делать компьютерную презентацию необходимо, оно пригождается в самых разных ситуациях. Жалко, что этому не учат на первом курсе или даже еще в школе!» — говорит еще один участник, Бартломей Гайос, студент исторического факультета Варшавского университета.

Последним лектором был Рышард Петру — глава Ассоциации польских экономистов, ассистент Лешека Бальцеровича, министра финансов и руководителя экономических реформ, проведенных в Польше после смены общественного строя в 1989 году. Петру рассказал о реформах, в которых принимал участие, о том, почему они не могли быть постепенными, в чем на тот момент заключалось отличие польского и русского сельского хозяйства, почему польское было легче реформировать, а также чем отличается состав капитала в наших странах на сегодняшний день (20% олигархов на 80% среднего и малого бизнеса в Польше, и 80% на 20% — в России соответственно). О том, как удалось избежать забастовок во время увольнения горняков в Силезии и об исчезновении черного рынка. И еще о том, как из частной торговли (по принципу «привезти и продать джинсы из Турции»), которой занимались многие, выросли крупнейшие предприятия текстильной и других отраслей, известные на мировом рынке.

«География» участников была довольно широкая: Варшава, Краков, Жешув — с одной стороны, Москва, Санкт-Петербург, Калининград, Новосибирск — с другой. Всего около 15 человек, причем кто-то еще студент, кто-то журналист, у кого-то свой интернет-проект, а кто-то сменил уже немало должностей и занимает высокий пост в международной организации. Многие русские (за исключением, опять же, калининградцев) были в Польше первый раз. Кто-то из поляков прекрасно говорил по-русски, а кто-то видел русских впервые в жизни, как Бартломей Гайос, который рассказал, что «без труда нашел общий язык с соседями, и они произвели на него очень хорошее впечатление».

В перерывах между сессиями и после них за два с половиной дня мы успели: позагорать на террасе на крыше нового

Морского музея на набережной Мотлавы, где проходили семинары; спеть шанти — традиционные песни моряков — в «самой красивой таверне мира», старинном морском клубе «Зейман» на Острове складов, которого вот-вот не станет на этом месте; покататься на колесе обозрения, заказать «гжехотку бедронку» (угадайте, что это), потанцевать и поговорить друг с другом. Надеюсь, что и в этом году Гданьский клуб соберет неплохую компанию.

СТО НОВЫХ ГОРОДОВ НА КАРТЕ ПОЛЬШИ

Престиж, деньги и возможность новых инвестиций — вот основные причины, почему количество городов у нас увеличивается в среднем на четыре в год. Сейчас их уже 913. А лет через двадцать их, вероятно, будет около тысячи.

Лодзь, Познань, Катовице, Сосновец, Ченстохова, Кельце, Быгдош, Люблин и другие большие города лишаются постоянных жителей. С 2000 года население всех этих городов уменьшилась в целом примерно на 600 тыс. человек. Этот показатель был бы еще больше, если бы жители деревень не становились каждый день «горожанами». Это как раз те гмины, которые получают городские права, помогают заполнить возникшие вследствие миграции пустоты. В начале этого года список польских городов пополнился пятью новыми городами. Теперь их в Польше уже 913, то есть почти на 100 больше, чем 28 лет назад.

Мрозы (Мазовецкое воеводство) получили статус города в январе 2014 года. Как подчеркивает бурмистр города Дариуш Ящук, новый статус позволяет реализовать многие проекты, которые раньше были невозможны. Например, в связи с тем, что Мрозы были деревней, по всей местности стояло огромное количество столбов электропередач среднего и низкого напряжения, что сильно портило эстетику пейзажа. «В течение по меньшей мере пяти лет я добивался того, чтобы хотя бы линии среднего напряжения, которых у нас 11 км, были заменены подземным кабелем. Мне отвечали, что сельские стандарты таковы, что здесь прокладывают только воздушные линии, и ничего нельзя с этим поделать. Но когда мы обрели статус города, то уже через несколько месяцев директор энергетического района Польской энергетической группы сообщил мне, что ходатайство о ликвидации столбов может быть удовлетворено, так как мы теперь соответствуем стандартам», — говорит бурмистр, подчеркивая при этом, что, вопреки опасениям некоторых людей, с получением нового статуса Мрозы практически ничего не потеряли. Город по-прежнему может пользоваться дотациями Евросоюза, доступными по Программе развития сельских территорий, поскольку они выделяются не только на сельскую местность, но

и на города с населением до 5 тыс. жителей, а в Мрозах проживает 3 600 человек. Не выросли также ни местные налоги, ни тариф на воду. Нужно было только изменить вывески в учреждениях и поменять печати, но это всего несколько тысяч злотых.

В свою очередь Стопница (Свентокшиское воеводство) с населением в несколько тысяч жителей станет городом только в начале 2015 года. Как поясняет войт Стопницы, для них статус города — это вопрос престижа. «Гмина получила городские права уже в 1362 году. Но потом, в 1869 году, их отнял у нас царь за участие в восстании. Мы считаем, что Стопница возродилась, вернулась к прежнему великолепию, у нас соответствующая инфраструктура. Люди будут жить так же, как прежде, налоги тоже не изменятся. Весь процесс пройдет без финансовых потерь. Деревня и город с населением менее 5 тыс. жителей имеют одинаковые права, если речь идет, например, о дотациях на образование. Ее обрежут, только если количество жителей превысит 5 тыс. человек», — поясняет Рышард Зых.

Новый статус в 2015 году получит также Владиславово. Но совсем по другой причине. Это итог сложного плана тамошних властей, согласно которому предполагается вначале лишить статуса города всю гмину Владиславово, а затем признать его лишь этому городку, четко определив его границы. Смысл операции в том, чтобы отделить этот известный в Поморском воеводстве курорт от соседних населенных пунктов. Благодаря этому жители вновь возникших деревень смогут открыть агротуристические хозяйства и получить доступ к соответствующим кредитам.

Стремление гмин стать городом не удивляют профессора Ежи Кветинского, бывшего замминистра регионального развития: «В уходящем финансовом периоде ЕС на 2007 — 2013 гг. в рамках развития сельских территорий у нас есть деньги для органов самоуправления как на политику, направленную на сокращение межрегионального экономического разрыва, так и на общую сельскохозяйственную политику. Органы самоуправления сел и городов с населением менее 5 тыс. человек могут пользоваться деньгами, выделяемыми на развитие сельской местности. Новая программа Евросоюза на 2014–2020 гг. предполагает гораздо более существенную поддержку городской политики, а деньги будут выделяться, к примеру, на транспортные проекты. Финансы, которые должны были пойти на развитие сельской местности, оказались очень

весьма ограничены. Приоритетом будет поддержка сельского хозяйства».

Это означает, что в дальнейшем стремление деревни превратиться в город будет не только вопросом престижа, но и результатом холодного расчета.

ПАМЯТНИК, ПОМОГАЮЩИЙ ЗАБЫТЬ

Памятник вовсе не обязан быть таким, каким кажется. Не обязан являться фигурой на пьедестале, чем-то ограниченным и скучным. Перед искусством в публичном пространстве стоит задача создать место встречи, затронуть энергию всего окружения, возбудить активность.

— Ваши проекты основаны на работе с пространством, главным образом, с местами памяти. Почему места привлекательнее и в художественном смысле интереснее, чем объекты или понятия?

Юстина Венцель: Объект ассоциируется с промышленным производством каких-то предметов. А мы живем во времена избытка, так что производство ради самого производства, без обращения к значению, представляет собой абсолютно лишнее, ненужное действие. В первую очередь именно места являются носителями значений и ценностей. А для нас самое главное — вступить в диалог с теми значениями, которые генерирует данное место. Как художники, действующие на конкретной территории, мы хотим вступать с ними в конфронтацию, одновременно оставляя пространство для пользователя. Наша позиция в рамках акции «Откос. Реактивация! ВЛАСТЬ КУЛЬТУРА ОТДЫХ» заключалась в том, чтобы выразить свое отношение к многослойности значений, накопившихся на этом не очень большом отрезке многокилометрового откоса Вислы в результате самых разных процессов — исторических, бытовых, нравственных, социологических. Мы ссылались на конкретные вещи, например, такие, как Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1955 года или архитектура Богдана Пневского. Бывший Центральный парк культуры и отдыха в Варшаве — это сегодня мертвое, но очень интересное место с совершенно неиспользуемым потенциалом. Это пространство эксплуатируется весьма очевидным способом. Наше вмешательство заключалось в том, чтобы нарушить этот повседневный и легко предугадываемый ритм.

Мартин Хомицкий: Работа с конкретным местом — это огромный вызов. Мы должны создать некий объект, который будет не конкурировать с данным пространством, а станет дополнением к нему, но в первую очередь будет благосклонно

воспринят обитателями этого места. В этом отношении самой крупной реализацией и самым трудным тестом была как раз работа «Откос. Реактивация!» Район парка им. Рыдз-Смиглого — очень сложный и чудовищно требовательный, именно поэтому работать там так интересно. Там, к примеру, есть лестница, отсылающая к прославленной Потемкинской лестнице в Одессе, есть музей Земли, ротонда «Элизиум», мостки над ул. Ксёнжечей, аллея на самом Откосе. Внесение туда объекта, который попытался бы конкурировать с таким окружением, было заведомо обречено на поражение. В связи с этим все наши реализации мы старательно встраивали в тамошнюю действительность, лишь дополняя ее. О том, что к нашим работам местные жители отнеслись доброжелательно, может свидетельствовать тот факт, что в течение трех месяцев не было ни одного акта вандализма. Люди проводили там время, отдыхали, пили пиво. По правде говоря, наша роль сводилась к расстановке акцентов в этом пространстве. Ничего более. Акцентов, которые могут привести к тому, что зритель откроет для себя иной способ восприятия, начнет по-другому, по-своему, исследовать данное пространство.

Ю.В.: Всю эту местность мы прочитывали как карту. И создали там трассу, связывающую те пункты, которые мы решили выставить на первый план. Продвигаясь через разные события во времени, мы работали над пространством. Что в наших проектах действительно важно, так это нацеленность на адресата. Наши действия всегда погружены в значения. Но они заключаются не во вставке объектов, которые возникнут где-то на минуту-другую в отрыве от всего прочего, а в создании связи между местом и пользователем. В случае откоса над Вислой мы дополнительно ввели образовательный аспект, побуждая людей к более глубокому исследованию данного места и его истории.

— **Взаимоотношения, которые вы строите со зрителями, довольно специфичны. Складывается впечатление, что вы любой ценой стараетесь уберечь зрителя от дословности и однозначности. Вы предлагаете ему некие понятия, а затем он уже должен двигаться сам, в полном одиночестве.**

Ю.В.: Мы представляем себе нашего зрителя, как кого-то умнее, а не глупее нас. И предпочитаем поставить планку повыше, давая лишь сигналы, что здесь что-то происходит, что здесь стоит попристутствовать. Мы рассчитываем, что адресат будет прочитывать это пространство сам, руководствуясь своими знаниями, критериями, знакомством с культурными кодами, опытом и воображением. Но все это не сводится лишь к

расшифровке значений, на которые мы обращаем внимание. Есть нечто большее, что исходит уже от него самого. Зритель становится соучастником, равноправным создателем данного произведения.

М.Х.: В публичном пространстве есть место для разных видов искусства. Это и легкие для восприятия простые объекты, и типично игровые действия, призванные развлечь зрителя, и какие-то чисто потребительские, утилитарные вещи, но должно быть и место для многоуровневых и глубоких проектов. Я никого не оцениваю, просто нас в искусстве интересует именно многозначность. И вообще, я считаю, что искусство должно иметь много смысловых уровней.

Ю.В.: Временами у меня складывается впечатление, что это стремление к высоким целям нас погубит, ведь желание накапливать, выискивать, нагромождать значения затрудняет контакт. Собственно говоря, мы тоже могли бы делать такие лайтовые проекты...

— Большинство ваших действий обыгрывает архитектуру и пространство послевоенных лет, например, «Остановка "Суперсам"» или же «Откос. Реактивация!» Чем привлекает вас аранжировка публичного пространства в ПНР? Что там было такое, чего нет теперь? Откуда эта ваша тоска по тогдашнему состоянию?

Ю.В.: Мы тоскуем по пропорциям и по мышлению. Часто задумываемся и сравниваем всё, что строится сегодня и что нас окружает, с теми работами, которые возникали в послевоенные времена. При подобных сравнениях прошлое во многих отношениях решительно выигрывает. Тогда думали, привлекая контекст. И лучше разбирались в самых разных вещах.

М.Х.: В реализациях периода модернизма видно, что архитекторы думали также о пространстве между зданиями, которое было столь же важным, как и сами строения. Это была заслуга архитекторов 60-х годов, которые, в свою очередь, являлись воспитанниками довоенных архитекторов, олицетворявших совершенно иной, нежели принятый сегодня, подход к проектированию. Подобная позиция принесла плоды в виде очень ценных реализаций. Именно тогда возникли такие иконы архитектуры, как Суперсам^[1]. Существовал сильный упор на единое общее пространство, на публичное пространство, его старались аранжировать, думали об адресате — сегодня никто не заботится ни о потребностях жителей, ни об их праве пользоваться городом.

Ю.В.: Протянуть руку адресату — это как раз тот подход, который мы стараемся культивировать в наших действиях. Это чрезвычайно важный элемент нашей художественной позиции. Сегодня этого явно не хватает, что наносит большой вред как отдельным людям, так и обществу в целом.

— А чем вызваны нынешние трудности с созданием и реальным использованием общественного пространства?

М.Х.: Это следствие внезапной и стремительной трансформации. Теоретически кажется, что после 1989 г. архитектура и планирование должны находиться на лучшем уровне, чем раньше, тем временем произошло нечто совершенно обратное — появилось много пространственной анархии. Ее уже абсолютно никто не контролирует. В принципе мне трудно сказать, виновата в этом диктатура денег или отсутствие знаний и умений у современных архитекторов. Любое ПНР-овское здание, даже облепленное термоизолирующим пенопластом, сохраняет пропорции, тогда как новый жилой дом с так называемыми апартаментами начисто их лишен. Оказывается, отсутствуют основополагающие знания в сфере пластики, композиции фасада, пропорций. Все это чувствуется. В архитектуре те детали, которыми определяется ее качество, основаны на знаниях о визуальных структурах: о ритме, композиции, пропорциях, а также на знаниях, почерпнутых от предшественников. Даже когда мы смотрим на довоенные фасады, которые кажутся очень простыми, то видно, что в них все продумано: каждая деталь, оконное обрамление, карниз — у всего есть своя логика.

Ю.В.: Перечисленные трудности являются результатом недостаточной образованности — коль нам встречаются архитекторы, которым неизвестно, что собой представляет золотое сечение, то трудно разговаривать о чем-либо большем. Теперь отсутствует мышление об интеграции всех тех элементов, из которых складывается архитектурное целое. Более того, мы уже перестали иметь дело с интеграцией искусств — когда-то сообразное и хорошо скоординированное архитектурное произведение было результатом совместных усилий архитектора, скульптора и художника. Зато теперь много своеволия и произвола, вытекающих из невежества, что зачастую видно в архитектуре костелов, которые служат примером полнейшей анархии. Решительно не хватает целостного мышления.

— В чем проявлялось это целостное мышление?

М.Х.: Оно прекрасно проявлялось в реализациях памятников 60-х годов, которые очень умело сочетали в себе формы полноценной скульптуры, архитектуры и даже лэнд-арта. Пользователь входил в пространство словно обработанное режиссером-постановщиком, а хороший архитектор умел соответствующим образом его направить. Что любопытно, некоторые ПНР-овские памятники прекрасно функционируют по сей день, являясь своего рода гетеротопиями. Они притягивают к себе людей и становятся чем-то вроде туристической приманки и путешествия во времени.

Ю.В.: В принципе это были энвайронменты. Принималось во внимание все пространство вокруг памятника, это не был объект, который случайно куда-то сунули, действие разыгрывалась также вокруг. Стоит также обратить внимание на определенный тип растительности, весьма характерный для малой архитектуры той эпохи. Косвенно мы сослались на него в реализации «Памятник памятников», представляющей собою квинтэссенцию нашего подхода к ПНР-овским памятникам. Его окончательная форма вытекала из анализа нескольких десятков памятников того времени, причем мы ограничились только польскими памятниками, разбросанными по всей стране. А на заключительном этапе выработали такую форму, в которой присутствовали практически все элементы, общие для наиболее типичных реализаций. По-настоящему важным в наших проектах является нацеленность на пользователя. Наши действия всегда связаны со значением, но смысл не в том, чтобы установить где-то некие объекты, которые будут стоять там в отрыве от окружающего, а в том, чтобы связать пространство с пользователями.

М.Х.: Речь идет о форме обелиска, с той лишь разницей, что мы поменяли ее с вертикальной на горизонтальную. Немножко как у Оскара Хансена. Благодаря изменению положения эта форма стала пригодной для пользования, приглашающей к интеракции, она должна была подчеркнуть присутствие людей, наглядно выявить их наличие. Сделать так, что памятник не будет доминировать и подавлять. В итоге люди сразу же приняли данную форму.

— Ваши памятники нужно не столько осматривать, сколько переживать. Какой потенциал заложен в памятнике применительно к возможности изменить способ восприятия пространства? Можно ли изменить отношение людей к событиям, героям и идеям, которые увековечены в памятниках?

Ю.В.: Тут ты затронула очень существенную для нас сюжетную нить, иными словами, способ переживания. Думаю, что в самом вопросе появилось нечто самое важное, а именно — концепция соучастия. Втянуть зрителя внутрь произведения — вот наша цель, чтобы он не стоял рядом, не был пассивен. То, что мы делаем, — если говорить о памятниках, о сохранении памяти, — основано на переоценке традиционной позиции, но вместе с тем и всего польского наследия в этой области. Это попытка показать, что памятник вовсе не обязан быть таким, каким кажется. Не обязан являться фигурой на пьедестале, чем-то ограниченным и скучным.

М.Х.: Мы задумываемся над тем, почему достижения в области строительства памятников и памятных комплексов, относящихся к 60-м и началу 70-х годов, оказались полностью загубленными. После 1989 г. наступило тотальное возвращение к эстетике XIX века. Мы осознаем, что рискуем, прикасаясь к этим чрезвычайно трудным темам. У нас забыли, чем может быть памятник сегодня, а старые эстетические подходы уже исчерпали себя, одряхлели, пришли в негодность и не в состоянии выдержать бремя современных тем. А потому необходимы новые решения. Смелые, ни в коей мере не штампованные.

Ю.В.: Если речь идет о воздействии памятника на окружение, то по нашему ощущению перед памятником или вообще искусством в публичном пространстве стоит задача — создать место встречи, расшевелить энергию окружения, спровоцировать всплеск активности. Многим из наших реализаций присущ этот потенциал взаимообмена и активного соучастия — взять хотя бы «Dancefloor», «Площадь дружбы», «Две башни».

— Одной из таких исключительно трудных тем была катастрофа самолета под Смоленском. Почему вы решили принять участие в конкурсе на смоленский памятник?

М.Х.: Это было для нас огромным вызовом. Нам удалось сделать памятник без креста, без березы, без мартирологии — памятник, который должен служить достижению чего-то вроде катарсиса. Наш проект замыслился как позволяющий преодолеть травму, был предложением ощутить опыт очищения, путешествия, изменения. Состоял он из трех элементов: «Дороги», «Каменного тумана» и «Леса памяти». Это структура, которая в момент приближения к ней представляется чем-то предельно неприступным, закрытым, но если подойти ближе, то в ней появляются просветы, а за ними — пространство и лес.

Ю.В.: Эта композиция построена из размещенных на квадратной площадке 16 плит и сконструирована так, что открывается во всех направлениях. Эта открытость пространства воздействует на зрителя, втягивая его вовнутрь.

М.Х.: Она представляет собой нечто вроде пейзажа после катастрофы. Упомянутые плиты ассоциируются с чем-то, что разбросал в разные стороны внезапный взрыв, но все же как нечто цельное с пластической точки зрения конструкция сохраняет порядок, который мог бы даже порождать ассоциации с древнегреческим храмом.

Ю.В.: Таких архитектурных коннотаций в данном проекте довольно много. К ним следует добавить значения, которые нам хотелось придать этой пластической форме. Работали мы на плане квадрата, создавая композицию, не обладающую явно выраженным центром. Мы назвали это демократической формой — в том смысле, что в ней не было никакой иерархии, никаких разделений. Указанный квадрат был до краев заполнен плитами; каждая из них была обращена в другом направлении, но одновременно целое производило впечатление движения, причем с любой стороны, с какой бы ни подойти. По правде говоря, нас интересовала чистая пластическая форма, но только при обязательном условии, что и в идеологической плоскости, которая была в данном случае самой тяжелой, самой трудной для противостояния, мы тоже останемся чистыми. В том смысле, что мы не связывались с мучительным польским наследием, а лишь предложили нечто, позволявшее прервать цепь терзаний. Однако, просматривая награжденные проекты, мы пришли к выводу, что наше предложение оказалось чрезмерно радикальным. Сам факт, что на каждом из них фигурировал крест, свидетельствует о многом. Оказалось, что как народ мы еще настолько сильно связаны с этим мартирологическим наследием, что наш проект оказался неприемлемым. Нам не хотелось сакрализировать место трагедии, а среди участников конкурса доминировали именно такие тенденции, что стало нам понятным лишь после ознакомления с вердиктом жюри. Тогда нас осенило, что это были две полностью, на биологическом уровне взаимоисключающие композиции, две абсолютно разные позиции. То, чего хотели члены жюри, и то, что предложили мы.

М.Х.: Выяснилось, что место катастрофы стало неприкосновенным, а мы слишком сильно вторглись в него. Нам хотелось, чтобы те, кто придет посмотреть на этот памятник, были в состоянии освоить свою травму и пойти

дальше, забыть. Памятник должен был выполнять терапевтическую функцию. Перед ним совершенно не ставилась задача культивировать страдания — отсюда также и наш риск. Любопытно, что все, кто узнавал о нашем участии в смоленском конкурсе, выказывали удивление, а чего мы вообще там ищем.

— Ставить памятники, способствующие забвению — вот уж действительно революция! В вашем творческом портфеле наберется много замыслов и идей по реализации памятников. Например, ваш проект «Dancefloor» — это такой скорее неочевидный памятник, да и весомость темы совсем другая, чем, скажем, в проекте «Дом в долине» [2].

Ю.В.: «Dancefloor» — это пример памятника идеи, а не пространству, не месту, не конкретному событию, человеку или происшествию, это памятник свободе. Это для нас весьма интересный сюжет — как предложить что-то такое, что запечатлеет в памяти некое определенное время в истории культуры.

М.Х.: Эта свобода — это переходный период, конец 80-х годов, когда, с одной стороны, было уже известно, что система рухнет, а с другой — еще никто не знал, что принесет капитализм. Была лишь одна большая загадка и вера, что этот новый дивный мир окажется лучше. Это был чудесный период, когда люди могли прислушаться к себе, к своим внутренним ощущениям, но наряду с этим быть вместе с другими. Такое уже никогда не повторилось.

Ю.В.: Это был также период полного отсутствия всего на свете, время наиболее болезненных нехваток и ограничений. Анджей Стасюк говорил, что тогда существовало самое сильное ощущение свободы. Возникали альтернативные пространства для культуры и экспрессии, анклавов для совместного пребывания.

М.Х.: А с другой стороны, еще не было за что бороться и бегать наперегонки, отсутствовали крупные профессиональные и денежно-имущественные возможности. Альтернативные творческие круги, выставки, которые тогда имели место, — все это было значительно более смелым, все было переполнено неограниченной экспрессией.

Ю.В.: Другим памятником в честь идеи является проект «Остановка "Суперсам"», сочетающий в себе функции памятника и объекта публичного пользования. Это конструкция в форме остановочного навеса, козырек которого

состоит из фрагмента крыши Суперсама, воспроизведенной в уменьшенном виде. Проект развивается с 2007 г., и к настоящему времени удалось создать модель остановки в масштабе 1:1. Однако образовательные и художественные достоинства данного проекта получают шанс проявиться в полном объеме, только если действительно изготовить эту остановку и установить ее в близости от места, где находился ныне разобранный «Суперсам», если она будет функционировать на площади Люблинской унии.

— Памятники — это квинтэссенция ваших действий, которые опираются прежде всего на работу с памятью, на то, каким образом воспоминания, продукты воображения и уходящее время воздействуют на восприятие пространства. У меня сложилось впечатление, что это — личная память, хоть и преломленная в коллективном опыте. Вы сталкиваете между собой личностные переживания, пропуская их сквозь призму коллективных воспоминаний. Важна ли для чувства общности та идентичность, которая создается с опорой на память?

М.Х.: В каком-то смысле мы всегда находимся среди людей, родившихся и воспитывавшихся в тот же самый момент. Они помнят точно такие же события, их радуют и огорчают схожие вещи. В данную минуту мы очень много разговариваем о том, что наше поколение, с одной стороны, свое детство прожило в ПНР, а с другой — взрослую жизнь ведет уже в эпоху капитализма. Должен признаться, я не до конца способен погрузиться в эту ныне существующую действительность по той причине, что где-то всегда есть тот мир, который помнится мне с детских лет. И именно память выстраивает мою идентичность, а следовательно, определяет также ту общность, частью которой я себя чувствую.

Ю.В.: Время нашего взросления — это мир между отсутствием и переизбытком.

М.Х.: Можно даже сказать, что мы перескочили сразу из отсутствия в переизбыток.

Ю.В.: Опыт отсутствия, неимения — это опыт скорее определенного поколения, не нации. Мне кажется, сложно так уж до конца говорить об общности строго национальной. Конфронтация заключается в том, что ты находишься в каком-то месте, тебе пришлось тут жить, и именно это место мы проверяем, как-то в нем живем, осваиваем его. Быть может, если бы мы жили в другом месте, в другой стране, то занялись бы какой-нибудь другой частицей памяти.

— «Дом в долине» — это именно тот проект, который касается обширной проблемы, людей из самых разных стран, оказавшихся вынужденными покинуть свои дома и вообще те места, где они жили. Это, кстати говоря, весьма утопический проект. «Площадь дружбы», в свою очередь, означает работу над международным согласием^[3]. Названные проекты касаются некоего сообщества, но у людей, являющихся его частью, очень разный жизненный опыт. Как подобные проекты помогают им почувствовать себя частью более масштабного процесса?

Ю.В.: А как они должны помогать? С одной стороны, мы позволяем им почувствовать себя частью некоего сообщества, акцентируем наличие совместного пространства. С другой — всегда есть возможность приобрести подобный опыт в индивидуальном порядке. Поскольку наши действия носят многоуровневый характер, то появляются различные другие аспекты, временами образовательные, временами заурядно общественные, иной раз — чисто художественные. И это всегда действует в качестве дополнительного обходного пути к более полному, а возможно, и более дифференцированному проживанию этой общности, хотя и не в национальной ее трактовке. Для нас важна возможность испытывать чувство общности на разных уровнях, но одновременно выходить за ее пределы, не ограничивая себя только одним-единственным измерением либо понятием. Именно так должны восприниматься наши работы, тогда они будут помогать.

М.Х.: Что касается «Дома в долине», то мы еще не знаем, что произошло бы, окажись он реализованным. Интерпретации этого проекта очень сильно, иной раз чуть ли не диаметрально, разнятся. Зато с проектом «Площадь дружбы» мы ездили погостить в Будапешт, и нам самим было интересно, как его там воспримут. Все говорят о польско-венгерской дружбе, все знают о существовании чего-то такого, но как оно выглядит на практике? Мы хотели это проверить. Оказалось, что действительно некая симпатия витает в воздухе. На нашу выставку пришло, среди прочих, много людей, помнящих события 1956-го года в Венгрии, они до сих пор очень живо реагируют, вспоминая, как мы тогда оказали им помощь.

Ю.В.: Реакции на нашу выставку, на замысел памятника, на отсылку к тем временам были очень теплые.

М.Х.: Есть нечто такое, как совместный опыт, который, несмотря на столь огромные языковые различия, вошел даже в разговорную речь, как гласит известная польская поговорка

«Поляк с венгром — как два брата». Оказывается, что такое отношение — вовсе не фикция. У этого нашего памятника были самые большие шансы на осуществление.

— А какие, собственно говоря, эффекты должны принести ваши работы, с чем должны будут столкнуться участники?

М.Х.: Все это — эксперименты, но мне кажется, что искусство должно прежде всего ставить вопросы, проверять. Показывать мир по принципу: ничто не является таким, каким оно нам кажется. Когда мы просто живем, мы убеждены, будто знаем, как все действует, а оказывается, что добротная художественная работа может в одночасье разрушить это наше хорошее самочувствие и уверенность. И что в мире есть еще много мотивов, много связей, которые предстоит открыть. Наши проекты должны склонить к размышлениям. А их многозначность приводит к тому, что зритель необязательно должен открывать для себя все дороги сразу. Искусство — это приглашение к интеллектуальной игре, это необходимость задуматься. Именно поэтому каждый может найти в нем что-нибудь для себя. Оно просто провоцирует к мышлению, а иногда — и к изменению мышления. При том, что в своей чистой форме искусство, по правде говоря, вовсе не нацелено на прибыль, оно есть искусство ради искусства, разновидность бескорыстного общения, пространство для обмена ценностями и идеями.

— Может ли память, содержащаяся в материи города, каким-то образом подрывать повсеместно принятый исторический дискурс? Выворачивать наизнанку значения, считавшиеся обязательными?

Ю.В.: Да, и это, разумеется, зависит от того, какие инструменты мы употребим, каким материалом воспользуемся. Бурные, трагические события в истории города прерывают его цельность, делают пространство выпотрошенным, ты даже голову повернуть не можешь, если помнишь это, поскольку тебе некуда деться. Варшава — город именно с таким особенным характером, здесь случалось так много всего, и этих следов, которые лежат словно бы на поверхности, по-прежнему очень много. Собственно говоря, нет нужды быть выдающимся исследователем существующей действительности, чтобы совершать подобные открытия. Если в этом пространстве действует художник, то перед ним открывается огромное поле возможностей, он может проявить себя, совершая перевороты, подчеркивая одни значения и выставляя на передний план другие.

М.Х.: Для меня Варшава — настолько экзотическое место, что в принципе мне даже ехать никуда не надо. Нет потребности в путешествиях. Здесь в ходе длящейся несколько часов прогулки я могу посетить десяток городов, десяток разных стран. Если выбрать подходящую трассу, то у меня есть возможность войти в джунгли, потом вдруг очутиться посреди древних развалин, а в конце отметить в каком-нибудь блочном микрорайоне. Уникальность Варшавы наглядно выявляет также фантастическую креативность, дремлющую в нашем народе. Вроде бы мы с неприязнью относимся ко всякой экстравагантности, нетерпимы к инаковости, к странным поведенческим проявлениям. Зато, к примеру, на наших садово-огородных участках не найти двух одинаковых «владений», у каждого домика другой цвет стен, вокруг расставлены причудливые садовые скульптуры, одна идея здесь причудливее другой. Парадоксально, но в личном пространстве мы отпускаем себе всяческие грехи, в то время как другим инаковости не прощаем. Что-то внешнее ограничивает нашу креативность, не позволяет ей раскрыться, а она прямо-таки кипит. Это видно по облику городских построек, реализованных по инициативе «снизу».

— Мы постоянно жалуемся, что забота о совместном пространстве — наше слабое место. Как вы думаете, почему? Мартин, в одной из статей, опубликованной в твоей новой книге «Потерянный рай», культуролог Влодзимеж Пессель пишет, что это из-за отсутствия в Варшаве подлинных мещан, бургеров, что ее пространство обустривают по-своему иммигранты из деревни.

Ю.В.: Думается, это лишь один из факторов. Если присмотреться к истории, то действительно данный фактор решающим образом воздействовал на город, и жители столицы по сей день испытывают его последствия.

М.Х.: Влодзимеж Пессель указывает также на специфику места, в упомянутом тексте он исследует данный вопрос на самых разных уровнях. Например, то обстоятельство, что в нашем распоряжении оказывались столь красивые площади, классные неоновые рекламы и упорядоченная архитектура, отнюдь не вытекало из того, что этого хотели люди, — попросту это все было в каком-то смысле заранее запланировано. Это было нечто такое, что сдерживало упомянутую необузданную креативность поляков.

Ю.В.: Сотрудничество государства с художниками было структурированным, ведь тогда не существовало такого рынка, как сегодня. Впрочем, в Польше пока еще нет значимого рынка

искусства, но в те времена это происходило в каких-то конкретных, четко очерченных рамках.

М.Х.: Естественно, мы не хотим здесь идеализировать ПНР. И знаем, что тогда появлялось множество слабых, ничего не стоящих реализаций, но обратим внимание и на тот факт, что сегодня эта самая ПНР стала фетишем. Можно сказать, что Музей современного искусства целиком и полностью базируется на авангарде, на искусстве ПНР — с этим связана вся стилистика, здание, способ аранжировки экспозиций.

Ю.В.: Ситуация выглядит так, что модернизм сейчас в большой моде. А сегодняшнее отсутствие заботы о наследии модернизма вытекает в значительной мере из отсутствия должного образования; я постоянно возвращаюсь к этому, потому что мы являем собой неискушенное и не подготовленное к восприятию искусства общество. Необходимо еще очень многое сделать, чтобы воспитать, обучить и сформировать сознательных потребителей искусства.

— Но ведь это также вопрос впечатлительности и восприимчивости, а таким вещам научить в школе не удастся.

Ю.В.: Да, но впечатлительность тоже основана на чем-то конкретном. Мы сталкиваемся с отсутствием уважения к наследию и как общество не умеем оценить то хорошее, чего достигли. Флагманским примером подобной позиции служит уничтожение Суперсама. И то, что сегодня продолжают разбирать ценные, по-настоящему интересные здания, — это очень тревожная тенденция.

Меня ужасает, что никто не в состоянии совладать с указанным явлением. Бал правит звонкая монета, и все действия подчинены сугубо коммерческим интересам. Хотя некая группа людей протестует, подписывает петиции, борется, вразумляет, — все это гибнет, столкнувшись с вышеназванной финансовой алчностью. Она настолько сильна, что подрезает крылья.

М.Х.: К сожалению, не малую отрицательную роль играет здесь и такая типично польская черта, как убеждение, что все разбираются во всем, проявляющаяся в высказываниях типа «я бы и то лучше сделал». Нет у нас уважения к креативным профессиям, потому что занятие художника или скульптора воспринимается в Польше как причуда или фанаберия. Никто не замечает, что эта профессия означает тяжелый труд, а не забаву. Дело обстоит отнюдь не так, что я уже 12 лет прекрасно развлекаюсь; на самом деле моя работа связана с

необходимостью рисковать, предпринимать физические и интеллектуальные усилия, а также непрерывно выставлять себя на чью-то оценку. В том-то и состоит искусство, чтобы спустя годы иметь возможность сказать себе, что раз вместо того, чтобы просто зарабатывать деньги, я делаю какие-то странные вещи, то они имеют смысл.

Юстина Венцель (р. 1977) — окончила отделение живописи варшавской Академии изящных искусств (2005) и английскую филологию в Варшавском университете (ВУ, 2003). Занимается инсталляциями, объектами, видео, а также искусством в публичном пространстве. Живет и работает в Варшаве. Двукратная стипендиатка Министерства культуры и национального наследия (2006, 2009), а также стипендиатка маршалка (главы сеймика) Подлясского воеводства (2011). Участвовала в многочисленных совместных выставках на родине и за рубежом, а также в фестивалях видеофильмов. Индивидуальная выставка под названием «Королевство» прошла в галерее «Манхэттен» (Лодзь), а также видеоклипов и объектов «Ад Рай» и «Наследственные черты» в галерее 2.0 в Варшаве. В 2012 г. получила степень кандидата наук в варшавской Академии изящных искусств.

www.wencel.art.pl

www.justynawencel.blogspot.com

Мартин Хомицкий (р. 1976) — окончил отделение живописи Академии изящных искусств в Варшаве (2005), а также отделение ассириологии Варшавского университета (2000). Художник, фотограф, автор анимаций 3D и проектов для публичного пространства. Живет и работает в Варшаве. С 2004 г. работает на факультете живописи Академии изящных искусств в Варшаве. Двукратный стипендиат Министерства культуры и национального наследия (2006, 2009), а также стипендиат программы «Молодая Польша» (2011), в рамках вышла его книга «Потерянный рай». Один из создателей и руководителей галереи 2.0. В 2011 г. получил степень кандидата наук в Познанском университете искусств.

www.chomicki.art.pl

www.victimsofsymmetry.waw.pl

---

1. Суперсам — огромный торговый павильон в Варшаве, первый в стране универсам самообслуживания (1962), одно из высших достижений модернизма в Польше. Разрушен в 2006 г., на его месте в 2010–2013 гг. возведен административно-торговый комплекс «Площадь Евросоюза», в подземных помещениях которого размещается универсам. Здесь и далее прим. пер.
2. «Dancefloor» — это приподнятая на полметра прямоугольная площадка, которая разграфлена на подсвечиваемые снизу квадраты разных цветов; там можно танцевать или просто двигаться, но вместе с тем и присесть на краю. «Дом в долине» — большой ландшафтный проект в виде обширной насыпной долины, где стоит стилизованная хатка, надвое расколота рекой.
3. Это рельсы в виде трех концентрических кругов, по которым можно передвигать полупрозрачные, подсвечиваемые ночью скамейки в цветах польского и венгерского флагов, соединяя их в любые конфигурации. Объект предназначен для публичного пространства типа сквера, площади или парка как место официальных или неофициальных встреч жителей Будапешта.

ТЕРЕЗА ЖАРНОВЕР

В 1950 году стихотворение, посвященное ее памяти, опубликовал Чеслав Милош, сравнив ее с одиноким деревом, глядящим в сторону Европы с нью-йоркского небоскреба.

«Дорогие г-жа и г-н Виттлин!

Я полагаю, что отправленное мной на прошлой неделе письмо вы уже получили. Мне нечего добавить к написанному, кроме одного: S.O.S! S.O.S! S.O.S. S.O.S. S.O.S. S.O.S. Pоймите, у меня уже нет сил».

Так Юзефу и Галине Виттлинам, жившим в Нью-Йорке, писала Тереза Жарновер в марте 1941 года из Лиссабона.

Виттлинам удалось уехать из Европы раньше. Но он был статусным писателем и, как поговаривали, кандидатом на Нобелевскую премию, а Тереза Жарновер — художницей, которая, хоть и сделала карьеру в Варшаве 20-х годов, была известна лишь в узком кругу радикальных авангардистов.

В 1937 она уехала в Париж. О причинах этого отъезда можно только догадываться. С одной стороны — экономический кризис, с другой — рост антисемитских настроений в Польше. Мы точно не знаем, что она писала и ваяла в течение двух довоенных лет в Париже. Не исключено, что ее семья в Польше помогала ей деньгами. У брата, самого старшего из многочисленных детей Жарноверов, еврейской торговой семьи, в Варшаве была швейная мастерская «Зефир». В Париже Тереза вращалась в богемных кругах, была близко знакома с польской художницей Франтишкой Темерсон.

Ее профессионализм как графика был высоко оценен одновременно с началом войны, когда Жарновер получила работу в отделе пропаганды польского правительства в эмиграции. Она рисует плакаты, открытки, листовки, делает фотомонтажи. Скорее всего, именно тогда выполняется фотомонтаж для изданной в 1942 году в Нью-Йорке книги «Оборона Варшавы», посвященной нападению Германии на Польшу.

После капитуляции Парижа, художница, вместе с Франтишкой Темерсон, которая тоже работает на польское правительство,

получает приказ эвакуироваться в Анже. Их путь ведет через Лурд, где польские власти решают уничтожить свои архивы, а тем самым, вероятно, и работы художников, сотрудничающих с эмигрантским правительством. Темерсон уезжает вместе с правительством в Лондон. Неизвестно, почему Жарновер не поехала с ними. Мы знаем, что она добралась до Мадрида, а оттуда попала в Португалию. Как писал Артур Кестлер, Португалия была «горлышком бутылки» для всей Европы. Тысячи беженцев пытались сесть в Лиссабоне на пароход, идущий в США.

Ситуация в этой нейтральной стране была двойственной. Португалия, официально фашистская, проводила несколько иную политику, в стране не преследовались евреи. Однако Жарновер не чувствовала себя там до конца в безопасности, в любой момент ее могли депортировать как гражданку Польши. Так что она сразу стала хлопотать об отъезде. Борьба за визу, то есть, по сути, за жизнь, продолжалась целый год: просьбы о помощи, мольбы, прошения, сбор свидетельств о том, что она выдающаяся художница, от приезда которой Америка только выиграет.

Милада Слизинская, критик и историк искусств, в последние три года занималась исследованиями творчества Жарновер. В хранилищах Международного комитета спасения ей удалось обнаружить около шестидесяти документов, связанных с попытками художницы добиться разрешения на въезд в Америку. Они датированы 1940 и 1941 годами.

Международный комитет помощи был создан с целью спасения беженцев из Европы. Его активисты в первую очередь боролись с американской бюрократией. Даже перед лицом Холокоста США не спешили смягчать антииммиграционных правил. Среди документов, найденных Слизинской, есть, к примеру, письма членов комитета в адрес дирекции Нью-йоркского Музея современного искусства с просьбой высказать свое мнение о Терезе Жарновер. Есть и ответ: такой художницы мы, к сожалению, не знаем. Есть нотариально заверенные свидетельства людей, которые согласились выставить неизвестной им Терезе Жарновер так называемый гарантийный аффидевит о том, что будут содержать ее по прибытию в США, и что у них нет долгов по налогам. Как видно из переписки, спасением Терезы Жарновер занималось несколько десятков человек. Речь шла не только о визе, но и о сборе денег на билет через Атлантику. Приведу фрагмент письма Госдепартамента в адрес Международного комитета помощи в июне 1941 года. Как известно, в июне Германия

напала на СССР и начала геноцид еврейского населения на территории Украины, Белоруссии и Литвы. В Варшаве вот уже полгода существует огороженное стеной еврейское гетто. В это время Жарновер получает официальный отказ в предоставлении визы, «в связи с новыми правилами, согласно которым виза не выдается лицам, имеющим близким родственников на оккупированных территориях, то есть в Великой Германии. (...) Если Тереза Жарновер сможет доказать, что она не поддерживает контактов со своими сестрами, не исключена возможность выдачи ей визы». Очевидно, Жарновер сообщила, что ее сестры находятся в варшавском гетто. Так что для американской бюрократии они были немками.

Последняя неожиданность ждала художницу на границе. В декабре 1941 года американское торговое судно «Экскалибур» прибыло к острову Эллис. Как указано в документах иммиграционного бюро, Жарновер была задержана там на пять дней. Результаты бесед с чиновниками оказались не в пользу художницы, ее не пустили в США и отправили в Канаду. Безусловно, для человека, уцелевшего в Холокосте, это уже было много. Но Жарновер хотела не только спасти свою жизнь, но и продолжать заниматься творчеством. Возможно, для нее это было одно и то же.

Нью-Йорк был тогда очень живым культурным центром и давал артисту такие возможности, которые не мог дать Монреаль. Наконец, все получилось. В июне 1943 года, скорее всего, благодаря помощи друзей, Жарновер прибыла в Нью-Йорк. Ненадолго, хоть это и был ее последний пункт назначения.

Сармат и Эгерия

История Польши полна катаклизмов, оборванных связей и утраченных информации, что особенно касается представителей авангардного направления в живописи. Сначала эмиграция 30-х годов, затем Холокост и война, наконец, сталинизм и новая волна эмиграции — всё это сильно затрудняет воссоздание какой-либо цельной картины. Так, доподлинно неизвестно даже, когда Жарновер родилась. В своих биографических данных она сообщала разные сведения, вплоть до 1909 года, что явно не соответствует истине, поскольку в 1920 году Жарновер закончила Высшую художественную школу в Варшаве, где занималась в студии Эдварда Виттига. Скорее всего, художница родилась в 90-е годы XIX века, поскольку уже в 1911 году ее имя значится в списке

студентов первого курса художественной школы. Училась она долго, что неудивительно — в 1914 году разразилась война.

Много лет фамилия Жарновер ассоциировалась в первую очередь с личностью ее жениха, художника и скульптора Мечислава Щуки.

«Это действительно была очень яркая пара, их переполнял спонтанный внутренний огонь», — вспоминала Ирена Лорентович. Вот как она описывала Терезу: «Она была небольшого роста, стройная, как испанская маха, у нее были большие, очень темные, необычайно выразительные глаза. Я помню те столики в кафе “Кресы” на ул. Новы Свят, где мы не раз сживали вместе». И опять же, пишет мемуаристка, где Жарновер, там при ней и «обворожительный, светловолосый» Щука.

Стоит добавить, что они были не только красивы, но и невероятно активны. В 1924 году они создали группу «Блок», куда вошли также Генрик Сташевский, Владислав Стржеминский, Генрик Берлеви. Возникновение этой группы считается переломным моментом в истории польского искусства. Это первая сознательно авангардная художественная группа в Польше, со своим журналом и программой. Они принадлежали к среде тогдашнего «артистического интернационала», который говорил по-французски, по-немецки, иногда на идиш, и объединял Киев, Петроград, Берлин, Париж, Бухарест, Прагу, Лодзь. Сегодня принято считать, что, если бы не контакты с русскими художниками, в Польше не было бы конструктивизма. Тереза Жарновер была среди тех немногих, кто в 1921 году встретился с посланцем самого Малевича — художником и теоретиком Элем Лисицким. Он ехал из Витебска в Берлин и по дороге, в варшавской квартире Генрика Берлеви, встретился с польскими художниками. Россия бурлила, в Витебске Казимир Малевич на базе художественной школы основал группу «УНОВИС» («Утвердители нового искусства»). Год спустя в Вильно из охваченной гражданской войной России приехал другой коллега Малевича — Владислав Стржеминский. В Вильно он организовал совместную с варшавскими художниками выставку. Выставка 1923 года считается первой акцией польского конструктивизма. Приняла в ней участие и выпускница варшавской художественной школы Тереза Жарновер.

Работы Жарновер на виленской выставке не понравились Стржеминскому. «Я считаю настоящим преступлением архитектурную зарисовку в стиле модерн и соединение

супрематизма и импрессионизма в “цветовой конструкции” (охватившее супрематическую конструкцию пламя)», — писал он.

Любопытно, что в те времена то, что кто-то сам принимает участие в выставке, не считалось помехой при написании рецензии. Так было и год спустя в Варшаве. Когда Генрик Берлеви собирался опубликовать рецензию на выставку группы «Блок», в которой сам участвовал, в дело вмешался Мечислав Щука. Как вспоминал много лет спустя Берлеви, Щука угрожал ему, подстрекаемый Эгерией, то бишь Жарновер. Берлеви писал: «В результате этого инцидента я вызвал Щуку на суд чести с Венявой-Длугошовским в качестве супер-арбитра. Разбирательство тянулось до того долго, что так и не было закончено».

Это, впрочем, скорее свидетельствует о сарматском темпераменте Щуки, нежели о настоящих разногласиях в группе «Блок». Настоящие разногласия появились позже. Катализатором раскола был, скорее всего, майский переворот. Появилось разделение на радикальных, коммунистических художников и тех, кто хоть и придерживался социалистических либо анархистских взглядов, был против агитационной роли искусства. Владислав Стржеминский, Катажина Кобро и Генрик Стажевский покинули «Блок» и примкнули к группе «Преасенс». Щука с Жарновер ушли к коммунистам.

Комнаты, полные дыма

Историк искусств Анджей Туровский интересуется работами Жарновер еще с 60-х годов: «Когда говорят о Жарновер, часто вспоминают о ее большом уме, художественной смелости, интеллектуальной широте. Мне кажется — и такого же мнения был Щука — именно она была инициатором создания «Блока» и вместе с Катажиной Кобро стала первым “абстрактным” скульптором в Польше. С Кобро они, видимо, знакомы не были, и пути у них абсолютно разные. Не стоит забывать и о финансовом участии Жарновер, наряду с Берлеви, в создании “Блока” — впрочем, кроме общих упоминаний об этом в мемуарах, других доказательств такого участия у меня нет».

Еще в тех же 60-х Туровский узнал о существовании живущего в Лондоне брата художницы, Давида. Давид Жарновер был врачом, в начале войны бежал из Варшавы в Белосток, откуда был вывезен большевиками в Сибирь. Выжил, вступил в польскую армию на Ближнем Востоке и добрался до Лондона. Он сообщил много важного о своей сестре. Во-первых, у него

были вырезки из газет времен пребывания Жарновер в Лиссабоне, а во-вторых, он рассказал о выставке Щуки и Жарновер в галерее Херварда Вальдена «Дер Штурм» в Берлине в 1923 году, что было доказательством международных контактов варшавских художников. И наконец, он написал несколько слов о нью-йоркском периоде жизни своей сестры, в том числе и о неизвестном ранее в Польше барельефе работы Жарновер, изображающем восстание в еврейском гетто.

— Это семейная традиция Терезы Жарновер, а не Щуки, — говорит Туровский, — что может указывать на ключевую роль художницы в сближении Щуки с деятелями польской компартии. Братья Терезы, врачи, были, как вспоминают её друзья, активистами Польской социалистической партии и открыто симпатизировали коммунистам. Сад Давид, судя по письмам, считал себя социалистом. Так благодаря Терезе Жарновер Щука попал в левые политические круги — сама же она под его влиянием, но также по инициативе и примеру братьев оказалась среди деятелей Коммунистической партии Польши. После смерти Щуки это была единственная среда, благодаря которой Жарновер удавалось оставаться на плаву до самого конца тридцатых годов.

В 1927 Жарновер и Щука входят в состав редакции коммунистического журнала «Дзвигня». Для них это очень интенсивный год. Щука проектирует обложку для книги Владислава Броневского «Дымы над городом» и графическую композицию поэмы «Европа» Анатоля Стерна.

В мае 1927 года в Варшаву приезжает Маяковский. Анатолий Стерн запомнил его читающим стихи в полных дыма комнатах квартиры Жарновер. В том же году появляется обложка художницы к сборнику стихов советского поэта: фамилия Маяковский в форме большой буквы «L», в которую вставлен характерный силуэт поэта. Здесь Жарновер проявила себя как, возможно, лучший в Польше продолжатель традиции буквенной комбинаторики Лисицкого и Родченко.

И Щука, и Жарновер находятся в зените своих творческих возможностей. И тут происходит трагедия.

В августе 1927 года Щука гибнет во время восхождения на гору в Татрах. Ирена Лорентович писала: «Тереза так и не смогла оправиться после смерти возлюбленного. Уже больше никогда она не была собой».

Но так ли это?

Это утверждение опровергают, во-первых, замечательные фотомонтажи из книги «Оборона Варшавы», созданные в начале войны и опубликованные в нью-йоркском издательстве «Polish Labor Group» еще до приезда Жарновер в Америку. Во-вторых — найденные недавно работы гуашью, сделанные в последние годы жизни.

Барнетт и Пегги

Милада Слизинская долгие годы не слишком интересовалась творчеством Терезы Жарновер. В начале 90-х годов Слизинская работала в Центре современного искусства в Уяздовском замке в Варшаве, занималась обширной программой международных выставок. Она как раз была в Нью-Йорке, когда итальянский художественный критик Габриэла Кардаццо предложила ей встретиться со своей приятельницей, художницей Мануэлой. Мануэла пригласила ее на ужин и познакомила со своей соседкой по имени Жанет.

— У Жанет, — вспоминает Слизинская, — в коридоре висели вставленные в рамку номера «Блока». Она рассказала, что Тереза Жарновер была ее дальней родственницей. Спустя двадцать лет после этой встречи я, будучи в Нью-Йорке, работала над выставкой Рони Хорн. Однажды, выходя от нее, я вдруг обратила внимания, что дом Жанет находится совсем рядом. Я позвонила Мануэле, чтобы узнать, жива ли Жанет. Оказалась, что с ней всё в порядке и живет она там же. Жанет очень обрадовалась возможности пообщаться.

Жанет Абрамович связана с Жарновер двойным образом. Во-первых, мать Жанет, Флоренс Глассберг, хозяйку пошивочной мастерской в Нью-Йорке, в свое время попросили выставить неизвестной ей художнице Терезе Жарновер гарантийный аффидевит, и та нашла время и деньги, чтобы это сделать. Просто решила спасти человека. С этой просьбой к Флоренс обратились через одну французскую семью, действующую по ходатайству кого-то из членов семьи Жолио-Кюри. Вторым человеком, согласившимся выставить аффидевит, был Бенсил Хоффман, журналист газеты «Джуиш Дейли Форвард». Благодаря этим двум документам Жарновер удалось получить визу.

История Терезы Жарновер пересеклась с судьбой Жанет еще раз во время путешествия последней по Европе. В 1947 году Жанет поехала в Италию, и Тереза попросила ее встретиться с кузенком, Артуром Абрамовичем, у которого как раз окончился срок службы в британской армии. Это был сын Галины из семьи Жарновер. Галина погибла во время скитаний по России во

время войны. Вместе со своей матерью Людвикой, сыном и двумя братьями, Михалом и Давидом, она была в группе поляков, которые получили разрешение присоединиться к польской армии на Ближнем Востоке. После войны Артур остался в Италии, Давид уехал в Лондон, Михал — в Палестину, а Артур женился на Жанет.

Общение с американскими родственниками Жарновер было не из легких, вспоминает Слизинская, и продолжалось несколько лет. Наиболее сложным в их отношениях был момент, когда польский куратор узнала, что часть работ бесследно исчезла, причем много лет спустя после смерти художницы. А самым ослепительным — тот день, когда Жанет Абрамович показала ей несколько чудом уцелевших работ художницы — десятки рисунков гуашью, созданных в нью-йоркский период ее жизни.

Оказалось, что Тереза Жарновер в конце жизни очень много работала.

В 1946 году у Жарновер была выставка в галерее Пегги Гугенхайм «Искусство этого века». Тереза и Пегги уже успели до этого познакомиться в Париже. Мы точно не знаем, какие работы там демонстрировались. Интересно, что в соседнем зале проходила выставка американского художника итальянского происхождения Роберта де Ниро, отца будущего актера. На выставке Терезы Жарновер оказалось около двадцати работ гуашью. Их названия говорят о новом, совершенно неконструктивистском подходе художницы: «Змий», «Пророк», «Изгнание», «Афина Паллада». Это полные экспрессии работы — записи видений или снов. В них царит хаос, распад, и если там появляются человеческие фигуры, они словно восстают из магмы. В предисловии к каталогу молодой художник Барнетт Ньюман писал: «Возможно, это последний серьезный европейский художник, приехавший сюда во время войны, и Америка может гордиться тем, что, воспользовавшись ее гостеприимством, Тереза Жарновер присоединилась к небольшой, но выдающейся группе европейских деятелей искусства, выбравших Америку своим домом». Две нотки отчетливо звучат в этом коротком, с чувством написанном тексте. Первая связана с четким пониманием того, что Америка на самом деле оказывала эмигрантам не такой уж радушный прием. Ньюман, происходивший из еврейской семьи (его родители уехали из Ломжи в начале XX века), отлично знал, что такое быть чужаком. Вторая же транслирует, что после Холокоста искусство никогда уже не будет прежним. «На ее глазах, — писал Ньюман, — мир разлетелся вдребезги».

Милада Слизинская, которой удалось ознакомиться с архивом Ньюмана в Нью-Йорке и найти документы, свидетельствующие о дружбе Терезы с семьей Ньюманов, уверяет меня, что в 1946 году Барнетт Ньюман был малоизвестным художником, и возможность написать вступление к каталогу выдающейся европейской художницы было для него честью. Он еще не стал известным художником, чьи картины стоят миллионы долларов, и жил на заработки своей жены, Аннали Ньюман, трудившейся машинисткой.

Год спустя картины, показанные на выставке у Пегги Гугенхайм, демонстрировались в Музее современного искусства в Сан-Франциско. К 14 работам гуашью было добавлено еще шесть картин, выполненных маслом. Приглашение организовать выставку пришло от директора музея — Грейс МакКанн Морли. Это была одна из немногих женщин-директоров музеев в те времена, впрочем, в Америке их и сегодня не слишком много. Несмотря на то, что работы Жарновер потом выставлялись еще и в Миннесоте, а ее известность в Америке немного выросла, финансовая ситуация художницы оставляла желать лучшего. Работы нравились, но их не покупали. Судя по документам, картины только дарились: Пегги Гугенхайм, Барнетту Ньюману, некоему Эплтону.

В 1947 году Жарновер приглашают принять участие в выставке «Передача завета и десяти заповедей» в рамках открытия Еврейского музея в Нью-Йорке. Куратор Стивен Кайзер объединил памятники старины с работами современных художников, в том числе Марка Шагала и Терезы Жарновер. Художница представила на выставке барельеф «Восстание в варшавском гетто», известный нам только по фотографиям. Однако и этот успех не принес изменений в ее жизнь. Примерно в это время художница ходатайствует о пособии в Еврейской службе помощи эмигрантам. В служебной записке, датированной апрелем 1948 года, остался след от встречи сотрудника центра с художницей: «Она была в глубокой депрессии». Жарновер получает небольшую материальную помощь. Но когда ее картина «Желтый свет» будет выставлена на коллективной выставке в Еврейском музее в 1950 году, это будет ее посмертная экспозиция. В апреле 1949 года художница покончила с собой в своей нью-йоркской квартире. Были ли ее полные драматизма поздние работы предзнаменованием этого решения? На одной из них, написанной в 1944 году, можно разглядеть символ «S.O.S». Это не крик одного человека, но вопль отчаянно борющейся за жизнь Европы. И безусловно, дань памяти Мечиславу Щуке, аллюзия на одну из страниц

поэмы «Европа» в его оформлении, где этот самый символ вздымается над континентом.

В 1950 году стихотворение, посвященное памяти художницы, опубликовал Чеслав Милош, сравнив ее с одиноким деревом, глядящим в сторону Европы с нью-йоркского небоскреба. Будучи изгнанником, Милош отлично понимал судьбу эмигрантки, которая носит в сердце тяжесть «вины уцелевших». «Не было у нее сил, — написал поэт, — чтобы одолеть прошлое холодеющей рукой».

ПАМЯТИ ТЕРЕЗЫ ЖАРНОВЕР

Без друзей, без родичей — в городе огромном,
Кладбищу неистовых кораблей подобном,
Умирала Тереза, превозмочь не в силах
Прошное, и когда, обессилев, застыла,
Так ее и нашли, позже, утром, лежащей
Средь вещей опрокинутых, в тишине горчащей,
И чья-то рука платком глаза ей прикрыла.
В том огромном городе, где каждый ступает
Осторожно, так как знает, что означает
Стечь с беззвучной волной отчаяния вдоль стен
В черную пыль, в забвенье, в грязь бедных окраин,
Где столько вер унесло время и столько тайн,
В том далеком городе, где страшит ночами
Синий свет туннелей каменных, там, где тень
Острой грудью отбрасывает голый манекен
И на линии ста этажей начинается день,
Умирала Тереза — так долго, годами.
А весть, бежавшая к ней из-за океана,
Об изгнанных, отравленных, заживо сожженных —
Была как последний знак. Мир с ней простился рано,
И не спастись от лет утраченных, искаженных.
Словно сосна руин в бурю под ливня напевом,
Предстала в свете неонов, скорбное, черное древо.

Ее добрые руки отняты у природы.

Над жизнью ее и трудами сомкнуты воды.

Брось горсть цветов, прохожий, и помяни ее ты.

Вашингтон, округ Колумбия, 1949

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

2015 год в Польше — год выборов: в мае состоятся президентские выборы, а осенью — парламентские. Вот уже более четверти века существует наше суверенное государство, и все это время к двум сферам политики относятся особым образом — к науке и культуре. Особое отношение проявляется в том, что на них экономятся деньги. Если задуматься, то причины понять нетрудно: во-первых, финансирование культуры и науки понимается как их дотирование, а не как инвестиция; во-вторых, финансирование культуры и науки приносит результаты лишь спустя годы, то есть когда вовлеченные в это дело политики преимущественно отправляются на пенсию и не могут из достигнутого результата извлечь политической выгоды, поскольку их экзистенция отформатирована сегментами, разделяющими очередные избирательные кампании. И я могу поспорить на бутылку 16-летнего виски (ирландского, ибо знаю, что выиграю), что в нынешних избирательных кампаниях и в партийных программах проблемы культуры и науки если вообще появятся, то в гомеопатических дозах.

Между тем проблема имеет фундаментальное значение. Как писал ренессансный реформатор польского государства Анджей Фрыч-Моджевский, «такой быть Речи Посполитой, какой будет воспитана молодежь». То, чего в современном образовании не хватает молодежи более всего, — это общие знания, дающее возможность всестороннего развития и формирующие способность понимать мир в его целостности, а не только с точки зрения узкой специализации. Об этом пишет Марек Мисяк на страницах ежемесячного журнала «Форум академиčke» (№ 1/2015) в статье «Общее знание»: «В кругу моих знакомых стала притчей во языцех реплика одного приятеля, который, услышав о преследовании евреев в III Рейхе, поинтересовался, почему те не сообщили в полицию или не проинформировали уполномоченного по правам человека (он говорил совершенно серьезно, не понимая, что выставляет себя на посмешище). Значительно чаще, однако, такое отсутствие знаний менее заметно: слушатель далеко не сразу отдает себе отчет, что его собеседник или собеседница, похоже, не помнит, что кажущееся нам очевидным (важным,

нормальным) в лето Господне 2014, не обязательно виделось точно таким же большинству поляков еще 30 лет назад. Представляется, что такое незнание среди студентов — это результат все реже встречающегося в Польше убеждения, что общее знание о мире имеет свой вес и значение как таковое. (...) Можно быть, не с самого начала обучения, но, как минимум, в гимназии акцент делается, прежде всего, на то, что «пригодится в жизни» или будет необходимо для дальнейшей учебы. Поддерживаемые родителями учащиеся уже в первом классе лицея жалуются, что должны зачем-то учить историю, хотя выбрали физико-математический профиль. Потом это приносит негативные результаты в высшей школе: туда попадают люди, убежденные, что человеческое знание разделено на комнаты, меж которыми — сплошные стены. (...) Непонимание важности общего знания ведет к тому, что многие студенты полностью отрицают значение дополнительных предметов, трактуя их исключительно как фанаберию институтского руководства. Многие мои однокашники и однокашницы по факультету польской филологии именно так относились, например, к занятиям по философии или истории, никоим образом не связывая их с программой по специальности. (...) Студент, хорошо ориентирующийся в той области, которую углубленно изучает, однако не имеющий навыка узнавать больше о мире, будет в значительной мере незащищен перед разного типа манипуляциями; возможно, даже более, чем человек без образования, поскольку наличие диплома может внушить ложное ощущение покоя: он, дескать, человек умный, и его никому не обмануть. Широкие знания дают также понимание, что мир сложен, а простые решения редко бывают эффективными в долгосрочной перспективе».

Проблема не нова. Ощущение кризиса, вызванного дисгармонией между узкой специализацией и общими знаниями, отмечают повсюду, не только в Польше. В свое время Эдвард Саид, создатель теории постколониализма, подчеркивал, что все большие средства предназначаются на все более специализированные области ценой отказа от широких познавательных горизонтов, благодаря которым узкие специалисты могут понять место и значение своих исследований в общей картине жизни. На это накладывается информационно-медийная революция, в результате чего люди все меньше читают и все меньше способны усваивать развернутые нарративы, на место которых приходят блоки не связанных между собой коротких, подчас уже отрывочных порций информации. В итоге — кризис чтения и увядание межпоколенческого коммуникативного идиома, вследствие

чего даже студенты-гуманитарии не умеют сегодня расшифровать такие термины, как «гамлетизм» или «донкихотство». Так что выпадают целые фразы, строящие идентичность, будь то цитаты из Мицкевича, или из Гоголя, или из Тютчева, — то есть цитаты, которые «всегда» составляли коды понимания. Этой же проблеме посвящена обширная статья «Бегство от мудрости» Петра Братковского и Яцека Томчука, опубликованная — о чудо! — с броским аншлагом на страницах «Newsweek Польша» (№ 2/2015). Авторы пишут: «Проблема не сводится к тому, что с миллионами поляков не получится поговорить о Достоевском. Хуже, что миллионы не ощущают потребности прочесть какой-либо текст, объясняющий мир сколько-нибудь нетривиально. Им достаточно знания из мигающих телевизионных картинок и интернет-мемов. “Мы не только не читаем, но уже не стыдимся в этом признаться”, — говорит директор Национальной библиотеки Томаш Маковский. А Гжегож Гауден, директор Института книги, добавляет, что польские пиарщики не советуют политикам при создании своего образа использовать книги. Боже упаси сфотографироваться на фоне книжных стеллажей или рассказывать о прочитанном! “Это понимается как форма демонстрации превосходства над ничего не читающим электоратом, как своего рода зазнайство”, — объясняет Гауден».

Чем глубже мы погружаемся в эту материю, тем удивительнее становится: «Чтение рассматривается, в лучшем случае, как одно из многих удовольствий. Согласно прошлогоднему докладу “Культурные практики поляков”, контакт с культурой и искусством находится на 26-м месте среди важных для наших соотечественников ценностей. Так что трудно не признать правоты министра культуры проф. Малгожаты Омиляновской, которая в недавнем интервью для „Ньюсуика“ говорила, что если в Польше широкие общественные массы в чем-то и соглашались, так это во взгляде на культуру как на нечто не слишком необходимое, что сказывается также на количестве предназначенных на культуру денег. На том, например, что библиотеки в Польше покупают в среднем 7 новинок в год, тогда как в Европе — 25. И на том, что для окончания лица достаточно в течение трех лет прочитать лишь 10 книг в сумме (хотя, конечно, и это требование можно обойти)». Авторы также ссылаются на мнение литературоведа проф. Станислава Береса: «Бересь говорит, что на польском телевидении среди тех, кто принимает решения, нет никого, кто бы верил, что программа о театре, музыке или живописи может быть привлекательной для зрителя». И далее: «На заре американского телевидения карьеру сделало определение

„уважаемая публика”, которое ввел социолог Эрнст ван Хааг в пионерском очерке „Популярная культура”. Оно обозначало малообразованную и провинциальную аудиторию, которая с помощью новой техники впервые столкнулась с культурой, отличной от ярмарочной. Эта аудитория, однако, была столь многочисленна, что под ее вкусы стали формировать программы, стараясь не обидеть ее слишком сложной подачей. Именно отечественная мутация „уважаемой публики” пишет сегодня сетки вещания всех польских телевизионных станций».

Авторы статьи обращают внимание на факт сильной связи между участием в культуре и инновационными способностями, противопоставляя Польшу более развитым западным обществам: «Мы же, напротив, читаем мало и являемся одной из наименее инновационных стран в Европе. Ибо после достижения определенного экономического уровня нельзя идти дальше без креативности, выработанной в постоянном контакте с культурой. „Государство должно ответить, будет ли Польша источником дешевой рабочей силы или станет конкурентоспособной на европейском рынке труда”, — говорит Гауден. Иной вопрос, что, с точки зрения политиков, управление пассивным, малоинтеллектуальным, податливым на политические манипуляции обществом имеет свои плюсы».

В этом контексте мне показалась интересной заметка Мацея Орловского «Гуманитарии тоже хотят денег», помещенная в «Газете выборчей» (№ 28/2015). Автор пишет: «Мы добиваемся, чтобы для высших учебных заведений была обеспечена непрерывность существования в условиях демографического спада и дотации не обуславливались числом принятых студентов, — говорил вчера Александр Темкин, один из создателей Кризисного комитета гуманитарных наук. Его слушали несколько десятков академических преподавателей, представители финансирующего исследования Национального центра науки, а также профсоюзные деятели трех крупнейших центральных советов. Дискуссию организовал Кризисный комитет польских гуманитарных наук. Его требования поддерживали уже свыше 70 гуманитарных отделений и факультетов всех государственных университетов. Есть и поддержка профессиональных союзов. Комитет был образован в 2013 году, после решения о ликвидации философского факультета университета в Белостоке, где не оказалось достаточного количества желающих учиться по этому направлению. Целью объединения является “деятельность в пользу преодоления кризиса институциональной науки,

особенно в гуманитарной области, и интеграция сообществ, которым небезразлична судьба науки". (...) На вчерашней встрече появились представители секторов просвещения трех крупнейших профсоюзных организаций (...). Представители профсоюзов подписались под выработанным комитетом призывом к министерству науки и высшего образования и не исключили забастовки в случае игнорирования требований. Кто бы мог принять в ней участие? Конечно же преподаватели отделений и факультетов государственных вузов, которые подписались под требованиями Кризисного комитета».

НОЧНОЙ ДНЕВНИК

Неаполь, 5 октября

Когда я собирал материалы к политическому «детективу» о «семи смертях Максима Горького», то не мог, разумеется, не наткнуться на доказательства острого конфликта Горького с Лениным сразу же после революции. Это были мелочи, не более чем крохи по сравнению с книгой, только что изданной по-русски в Париже. Называется она «Несвоевременные мысли», это полное собрание статей, которые Горький публиковал в 1917–1918 годах на страницах редактируемой им самим петроградской газеты «Новая жизнь». «Несвоевременными» мысли Горького в период его публицистической импровизации по горячим следам были в том смысле, что они уже не могли повлиять на ход событий. Наверно, они должны были раздражать Ленина, как назойливые мухи льва, поэтому 16 июля 1918 года «Новую жизнь» после двух предупредительных перерывов по личному указанию вождя окончательно закрыли. В общей сложности — много шума из ничего, тем более что в двадцатых годах Горький обратился к пришедшей ему в голову более безопасной концепции, остепенился, опомнился, предназначив Ленину неплохое место в российском пантеоне — между Петром I и Львом Толстым. Другой Толстой, Алексей, забыв на очередном этапе о своем великом предке, единственное место рядом с Петром I зарезервировал своим придворным пером для Сталина.

Эти мысли, «несвоевременные» в шуме и гаме революции, сегодня обладают особенным звучанием. Некоторые мне надо *pro memoria* выписать себе. «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова». «Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся, якобы по пути к "социальной революции" — на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции». Пролетариату происходящие события должны открыть глаза «на всю несбыточность обещаний Ленина, на всю глубину его безумия и его нечаевско-бакунинский анархизм». «Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть — что из этого выйдет?». «Чем

отличается отношение Ленина к свободе слова от такого же отношения Столыпиных, Плеве и прочих полулюдей? Не так же ли ленинская власть хватает и тащит в тюрьму всех несогласно мыслящих, как это делала власть Романовых?» «Разумные элементы демократии должны (...) решить, по пути ли им с заговорщиками и анархистами нечаевского типа». «Ленин вводит в России социалистический строй по методу Нечаева — "на всех парах через болото"^[1]». «И Ленин, и Троцкий, и все другие (...) очевидно убеждены вместе с Нечаевым, что "правом на бесчестие всего легче русского человека за собой увлечь можно"^[2]». «Ленин, конечно, человек исключительной силы; (...) человек талантливый, он обладает всеми свойствами "вождя", а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс». Ничто «не смущает Ленина, раба догмы, и его приспешников — его рабов.(...) Рабочий класс для лениных то же, что для металлиста руда. Возможно ли — при всех данных условиях — отлить из этой руды социалистическое государство? По-видимому, невозможно; однако — отчего не попробовать? Чем рискует Ленин, если опыт не удастся? Он работает как химик в лаборатории, с тою разницей, что химик пользуется мертвой материей, (...) а Ленин работает над живым материалом (...). Сознательные рабочие, идущие за Лениным, должны понять, что с русским рабочим классом проделывается безжалостный опыт, который уничтожит лучшие силы рабочих и надолго остановит нормальное развитие русской революции». «Нет, — в этом взрыве зоологических инстинктов я не вижу ярко выраженных элементов социальной революции. Это русский бунт без социалистов по духу, без участия социалистической психологии».

Особенно поразителен для меня у Горького навязчивый рефрен «нечаевщины». Примерно год назад я писал по поводу одного из фрагментов дневника Натальи Герцен: «Быть может, это не претенциозное преувеличение — видеть какой-то таинственный знак истории в том, что год смерти Герцена и пика успехов Нечаева был годом рождения Ленина». Тогда я еще не знал «Несвоевременных мыслей».

Перевод Евсея Генделя

-
1. В кавычки М. Горький взял конец длинной реплики Верховенского (Ф.М. Достоевский, «Бесы», гл. 7). Здесь и далее прим. пер.
  2. Фраза из диалога того же Верховенского со Ставрогиным

(Ф.М. Достоевский, «Бесы», конец гл. 6).

СТИХОТВОРЕНИЯ

Хищник

Дубовый лист, хищный, вцепился когтями
в горб дороги, обитой книжным шуршанием. Он сюда
прыгнул,
с точки опоры его сшибла
осень, бьющая небом в цветной балласт.
Он был желтый и глупый. Совсем одурел без ветки.
Пройти там — значит разжечь шорох дырчатых
лиственных стай.
Обойти, непременно обойти хищника, пока он меряет
глубину
размягчения. Скоро цель поглотит его.
А пока он всё еще как живой, почти ребёнок,
похож в своём прощальном обличье
на пятнистую шкуру с отпечатком костей,
содранную с хребта исхудалого зверя.

Отмена

Лужа встала? И помчалась, как багажный вагон...
Это здоровенный кот с тигриными подтёками
за виском и, вроде, на ухе, что-то выдрал
и — рванул сквозь что-то, что сопротивлялось,
и — завибрировал,
как пила, стук по стене щербящей теснины.
День затянул всё одной краской —

сухой орех, прорезанный мутной синью.

Поздний ноябрь стекал по чётким вертикалям,
редел, ковылял на слезящихся костылях.

Первое впечатление взгляд отменил,
едва уловив. И осторожно, но жёстко
вытолкнул — в поток, грозящий свободой,
и окутал брызгами смеха.

Памятник

Сколько всего происходит в стволе дуба.

Там люди с глазами яблочно-серыми,
как шарики эндопротезов
под бровями неандертальцев.

Проталкиваются всей толпой к своему окну,
распахнутому неотциклёванным клином,
как полушубок без пуговиц.

Очевидно проворство
торсов и шей.

Люди обнажены.

Их ночь деревянна.

Даль сильно укреплена.

Уложенные штабелями в столетнем стволе,
так они поднялись, так стоят.

Личная колыбельная

Я женщина, рожая череп, радуясь ему.

Он хорошеет.

Череп херувима.

Воистину мой.

Крику дёсен его

я тут же подставляю

грудь с физиологически теплым молоком.

Зубы выкормленного черепа

дадут телу моего черепа и местное, и мировое

имя: моя мать.

А мне уже так не сосредоточиться.

Моей матери нет.

Если она и есть, то только голый череп.

Скоро верну ей свой.

Фота-фока

Фотоглазок в двери у каждого соседа.

И в моей. Блестит, как набрякший, густой плевок,

а в нём — углублённый открытой бритвой

мглистый цветок глаза с напряжённым зрачком,

затемняющим тушь тайника, упраздняя лицо.

Вооруженность.

От страха за здоровье, имущество, жизнь.

Стоит, стоит он тихий перед дверью,

впитывая чрезмерность наших взглядов:

по горло в мешке, где не умещается голова,

поверх кадыка скручен мраком.

Тут обратная перспектива: за головой

растут, ожидая чего-то, напуганные толпы тела.

Утечка из дверного замка.

Этакая фота-фока из жилого блока.

Проигрыш

О чем-то еще она мне расскажет.

Опять о зеркале, ну-ну.

В городском лесу. Она назвала посевом пощёчин
чёрную глубь орешника:

смотри, он теряет лицо, как никакое другое дерево.

Мы смотрели. Здесь никогда не было лиц.

Она о зеркале: оно идёт вперёд, вперёд, вперёд.

Несется. Я хочу остаться в круге,

а зеркало моё несётся, по сути всё на том же месте,

и забирает меня, парализуя уродством, новым
письмом,

адресованным вкривь и вкось моему лицу.

Быть в круге — значит зеленеть весной, цвести.

Млекопитающие так не могут. Я, млекопитающая
женщина,

воюю с природой зеркал, непрерывно и бестолково.

Суть

Сегодня она записала: увидеть раз — получить
надолго.

Пожелать ещё раз увидеть.

Увидеть.

Желать.

Получить.

Иметь под рукой.

Прятать, чтоб находить.

Не потерять.

Впрочем, это разбудит само.

Рванет к себе в момент пустоты.

Как Рильке или византийская литургия,

как женщина, чье девичье лицо

превратилось в букет сухих стебельков,

но язык уцелел.

Спрашивайте женщин о земных делах

Спрашивайте женщин о земных делах. Я так считаю,
говорит она,

а то учёные часто бредут по ложному следу,

ведь как было с динозаврами, я-то уж много лет назад
поняла,

динозавры — наши птицы, а они только теперь это
открыли,

раскопали в Китае какие-то перья.

Я знаю, нет на земле больших расстояний.

На водяных дорогах перо завёрнуто в рыбу,

оно загибает складки раздвижных столов.

Есть перья мелкой крови на деревьях, на
разгорячённых щеках

и на подошвах носок, спрессованных с грязью.

Близость, теснота форм делает эволюцию понятной,

ощутимой для женщины. Сколько дорог она
переберёт,

сколько отгонит, пока ходит за ребенком.

ШЕСТАЯ, САМАЯ МЛАДШАЯ^[1]

В среду, 2 мая 1945 года, утром, без нескольких минут восемь, младший лейтенант Хитров Евгений Александрович, офицер, у которого, как говорится, молоко на губах не обсохло, можно сказать, сопляк, пользовавшийся однако среди штурмовавших Рейхстаг бойцов уважением — образованный, языки знает, да еще в очках — дело рук немецкого оптика, — явился к своему командиру, майору Хазину — на первый взгляд, точно так же, как делал это каждый день с момента вступления в Берлин, но на сей раз, видимо, все же как-то иначе, поскольку попросил неотступно следовавшего за майором сержанта Петухова соблаговолить покинуть помещение, а когда тот вышел, тщательно закрыл за ним дверь, нарушив тем самым временное распоряжение — двери должны оставаться открытыми.

— Товарищ майор, — начал он свой доклад. — У нас проблемы.

— Ничего нового, — отвечал майор. — Рапорт принес?

— Серьезные проблемы, товарищ майор.

— Бумага кончилась?

— Не в том дело, бумаги в этом чертовом бункере завались и даже более того.

— Тогда в чем дело? С бабами что-нибудь? Попался, что ли, Женя? — сообразил майор. Младший лейтенант Хитров взмок, очки запотели. — Стекла протри. — Пока лейтенант протирал платком очки, командир, у которого уже серебрились виски, говорил: — И оставь ты, Женя, этого «товарища майора», можешь обращаться ко мне по имени-отчеству.

— Есть, товарищ... простите, Семен Яковлевич.

— Говори!

Младший лейтенант склонился над столом майора и прошептал:

— Пропала младшая фройляйн Геббельс.

— Пропала? Хедда?

— Хайди.

— Все равно на «Х». Пропала, говоришь... У кого? Где?

— В общем, дело было так. Фрау Геббельс отравила шестерых своих детей.

— Верно.

— Но в спальне их только пятеро.

— Ты не ошибаешься?

— До пяти я считать умею. Пятеро мертвых детей, во рту у каждого раздавленная ампула от цианистого калия, у каждой кровати ботиночки. Шестая постель пуста. И ботиночек нет.

— Украли труп? Кому он нужен? Хотя... — майор задумался, — кто его знает, как можно эту карту разыграть...

— Нет, Семен Яковлевич. Ампула, найденная на шестой кровати, не раздавлена до конца. Хайди сбежала.

— Выжила?

— Выжила.

Майор хлопнул в ладоши.

— Молоток девчонка! Сколько ей лет?

— Не больше пяти.

— Молодец, молодец! Женя, а ты откуда знаешь, что она жива?

— От камердинера, его зовут Хайнц...

— Ты ему сказал, чтобы держал язык за зубами? Не разболтает?

— Исключено. Побойтся. Это он помог ей отсюда выбраться. Страх, товарищ майор, — лучший стражник наших языков.

— Шекспир?

— Не знаю, кажется, это я сам.

— Страх страхом — а вознаграждение?

— Я позволил герр Хайнцу взять из бункера пять бутылок шампанского. Вдова Клико.

— Хорошо, — похвалил майор. — Далеко пойдешь, Женя.

Младший лейтенант Хитров вытянулся по стойке смирно.

— Служу Советскому Союзу! — воскликнул он.

— Очень далеко пойдешь. Так как же это произошло?

— Вероятно, сжала во сне губы, и любимая мамочка не смогла сунуть ей в рот ампулу. Может, фрау Геббельс спешила, им с мужем еще предстояло самоубийство. Недоотравила... Проснувшись, девочка увидела, что сестры и брат спят. Не смогла их разбудить.

— И тогда этот Хайнц...

— Именно, Семен Яковлевич. Это он сказал ей, что сестры и брат умерли, убиты родителями, которые тоже мертвы. Надел ей сандалики, натянул на ночную сорочку первую попавшуюся блузку и вывел из бункера через сад. Завтра его будут допрашивать. Словечка не вымолвит, — еще раз заверил Хитров.

— И где она теперь?

— Наверное, бродит где-нибудь. Семен Яковлевич, что будем делать?

— Мы? А что нам делать? Ничего.

— Ничего?

— Я же сказал: ничего.

— Как это ничего? Мы должны ее найти.

— А зачем?

— Должно быть шестеро. А их пятеро. Как мы это объясним?

Майор поднялся из-за стола и подошел к младшему лейтенанту.

— Ой, Женя, Женя... А еще говоришь — высшее образование получил. Получается, надо ее найти, привести сюда — и что дальше? Доотравить?

Женя Хитров покраснел, его явно обдало жаром.

— Этого я не говорил.

— Убить — чтобы цифры сошлись?

— Товарищ майор, да я ни одной минуты...

— Знаю, знаю... не подумал. Ведь это она, эта безумная гитлеровка, эта, эта — слов не подберу!.. — хотела убить этих детей, так надо радоваться, что вышло не по её.

— Герр доктор Кунц, тот, который усыпил этих детей, сказал мне, что она все повторяла: «Мир без Фюрера не заслуживает того, чтобы в нем жить».

— А сам он, доктор Кунц? Все же предпочитает жить?

— Только вздыхает. Это не он раздобыл для мамочки цианистый калий. Какой-то другой герр доктор.

Майор снова уселся за стол. Шлепнул ладонью по стопке бумаг.

— Вот рапорты об их последних минутах. Как только адъютант, герр Гюнше, захлопнул дверь комнаты, где были Гитлер с Евой, и сказал ожидавшим: «Фюрер мертв» — знаешь, что произошло? Думаешь, от отчаяния они принялись рвать на себе волосы?

— Вряд ли... Почувствовали облегчение...

— Да, Женя, облегчение. Нет больше чудовища, никто не станет вынуждать их к самоубийству. Им больше ничего не грозит — ну, большевики будут допрашивать, это ничего, они даже не прочь были выговориться. Начались пьянки, пляски, пение, причем пели отнюдь не нацистские песни.

— Геббельс, кажется, был в ярости, нет? Доктор Кунц говорил, что перед тем, как покончить с собой, Гитлер назначил его канцлером. Но теперь он видел, что над этой толпой в бункере не имеет никакой власти.

Майор поднес к глазам какой-то листок. Потом бросил его на стол.

— Вот он. Оригинал. Ты понимаешь, что это значит? Вершина карьеры за день до смерти! Канцлер — такое продвижение по службе! Говорят, он кричал, что почтет за честь и счастлив, что дожил... По его приказу продолжали расстреливать. До самого конца. Чем больше они проигрывали, тем больше безумствовали.

— Немезида, — вставил образованный младший лейтенант.

— Да, Женя, меня лично тянет на старости лет заделаться мистиком. Месть Истории. Сначала они убивают чужих детей — а заканчивается всё убийством своих собственных.

— Что написать в рапорте, товарищ майор? Сколько детей мамочка убила?

— Сколько полагается: шестерых...

— Но ведь будет идентификация, одного не хватает.

— Думаешь, кто-нибудь признается, что у него тело сбежало? Не дождешься. Подпишут тебе бумаги, а потом сделают вид, что так и было.

— А идентификация? Что это те самые дети, а не какие-нибудь другие?

— Достаточно идентифицировать одно тело, чтобы подтвердить, что это те дети. Пиши!

— Есть, товарищ майор.

— Копию рапорта передашь подполковнику Клименко, он передаст генералу Чуйкову, Чуйков маршалу Жукову, а Жуков самому, в Кремль. Понял?

— Есть, товарищ майор.

— Эх, — вздохнул майор. — Я бы многое отдал, чтобы убедиться, что этой малышке будет на свете лучше без дяди Адольфа. Действуй.

— Еще два словечка, Семен Яковлевич.

— Слушаю. — Майор встал из-за стола, выпрямился.

— Я хотел сказать... — Хитров заколебался. — Не знаю, как выразиться...

— Коротко, по-солдатски.

— Я хотел сказать, что рад служить под вашим командованием.

Майор подошел к двери и сам ее открыл.

— Самое время заняться делом. И держи язык за зубами, Женя... Да, и вот еще... Я только что написал ходатайство о повышении тебя в звании до полного лейтенанта. Полагаю, небольшое поощрение тебя не испортит. Будь здоров.

Шел дождь, но майор, Семен Яковлевич Хазин, все же вышел прогуляться по берлинским улицам — накинул на китель плащ-палатку — дождь майский, теплый, не растаю, — подумал он. Шел не спеша, на плече висела тяжелая, сильно нагруженная полевая сумка. Ветер нес с руин горький запах пожарищ, улицы были пусты, только изредка просеменит мимо старый исхудавший немец, как правило, бормоча какие-то слова, вероятно, в знак приветствия, зато в парке, под прикрытием пробуждающихся к жизни ветвей развели костер, вокруг него мелькали за деревьями тени танцующих солдат, кто-то ожесточенно подыгрывал на аккордеоне. Порой что-то сверкало на светлеющем небе, несколько раз вдали прогремело. Дождь стал реже.

Девочка стояла на ступеньках под маркизой, за которой мрачно смотрели пустые глазницы уже не существующего магазина. Сообразительная, подумал майор, промокла, дрожит от холода, но укрытие все же нашла. Нет, невозможно, чтобы это была она, подумал он тут же, это было бы слишком просто. Словно перст судьбы. Но эти сандалики, ночная сорочка, зеленая блузка... Пожалуй, она.

— Дождь кончился, — сказал майор. Протянул ей руку. — Держись, тогда не поскользнешься.

Он помог ей спрыгнуть со ступенек.

— Голодная? — спросил он.

Та лишь кивнула головой. Майор достал из кармана кусочек сахара.

— Подкрепись, сразу станет лучше. — Он смотрел на девочку, сосавшую сахар. — Вкусно?

— М-м-м.

— Любишь сладкое? Ну да, кто ж не любит? Даже я люблю.

— Мама говорит, что сладости изнеживают. — И вдруг заметила: — У тебя рука теплая.

На «ты». Если это и впрямь она, малышка Хайди, то она ведь всем взрослым говорила «ты» — вокруг одни лакеи. Теплая ладонь вызвала в девочке доверие. Где-то вдалеке слышалось хриплое тьяканье барабанов, порой в их гул врывался аккомпанемент валторны.

— Пушки! — забила тревогу девочка. — Стреляют.

— Нет, не пушки, — возразил майор, заставив себя улыбнуться.
— Это гром, гроза. Теперь уже больше не стреляют. Девочка, а ты знаешь, как тебя зовут?

— Конечно, знаю. Хайди.

— Хайди — а как дальше?

— Геббельс. Хайди Геббельс. — Девочка четко проговорила: — Герман Геринг штрассе, двадцать. Мне пять лет.

Майор огляделся: вокруг никого, улицы пусты. Женщины попрятались, а мужчины — ясное дело...

— Не ври, — сказал он, вероятно, слишком строго, — твоя фамилия не Геббельс.

— Меня зовут Хайди Геббельс. Герман Геринг штрассе, двадцать. Мне пять лет.

— Пока еще не пять, — уточнил майор.

— Пока нет, — согласилась девочка. — Откуда ты знаешь?

— Я в этом разбираюсь. Хорошо, ты Хайди Геббельс, я тебе верю. Но знаешь что? Давай мы это скроем. Это будет наша тайна — твоя и моя. А если кто проговорится — платит фант.

— Такая игра?

— Игра. Проговоришься — фант. Идет?

— Но мне нечем платить фант.

— Тогда постарайся не проиграть.

— Потому что меня будут искать?

Решительная. Умнее, чем родители. Много повидавший на своем веку майор подумал еще: мудрее — потому что у нее за плечами собственная драма.

— Тебя не найдут, — заверил он девочку. — Я буду тебе помогать.

— А как меня станут звать?

Решительная. Рассудительная. Жаль отдавать ее этим безумцам. Майор задумался:

— Как-нибудь коротко. Может, что-нибудь библейское. Например... например... о, придумал: Рут.

— Рут, — повторила она. — У меня есть такая подружка, Рут. А дальше?

— Фамилия? Дойч. Можно так: Рут Дойч.

— Тойч, — сказала девочка.

— Нет, Дойч. Через «Дэ». — Он пытался подобрать подходящее слово. «Динамит»? «Дезертир»? — Как в слове «Данциг».

Она, развеселившись:

— Меня зовут Рут Тойч — нет, Дойч. Герман Геринг штрассе, двадцать. Мне пять лет. — Она все не отпускала его руку. — А тебя как зовут?

У меня должно быть какое-то имя, как у всякого лакея.

— Семен. Майор Семен. Этого достаточно.

— У тебя есть дети?

— Были.

— Почему ты говоришь «были»? Они с бабушкой?

— Они умерли.

Девочка высвободила ладонь.

— Ты убил их?

— Не я.

— Жена убила?

Майор вздохнул: Господи, что за опыт у этого ребенка!..

— Люди убили. Плохие люди. Если их можно назвать людьми.

Девочка снова сунула свою маленькую ладошку в его — большую и теплую. Она послушно шла рядом, почти вприпрыжку. Наконец отозвалась:

— Я тебя совсем не боюсь.

— А надо бояться?

— Мама предупреждала.

— Мама... — повторил он за ней. И ничего не добавил, хотя мог бы. — Ты голодная? — спросил он. — Хочешь есть?

— Пить.

Он пригляделся: губы сухие.

— Сейчас мы это устроим.

Он постучал колотушкой в дверь солидного дома, совсем не пострадавшего. Сначала тишина, потом будто бы шепот — где-то в глубине. Шаги. Ему показалось — женские.

— Кто там? — Да, женщина, но голос низкий, глуховатый.

— Откройте, пожалуйста!

— Я спрашиваю: кто?

— Майор Хазин из городской комендатуры. Открывайте!

Дверь только приотворилась. В щели, за цепочкой — лицо тридцатилетней женщины. Кажется, симпатичная, но поблекшая, волосы убраны под платок.

— Майор, вы видели плакат на стене? — спросила женщина, словно бы укоризненно. — Вы ведь умеете читать на своем языке?

Рядом висело недавно наклеенное объявление, что комендант города запрещает солдатам заходить в немецкие квартиры — под угрозой... и так далее.

— Видел. Это мои люди клеили. Меня эти запреты не касаются. Откройте, пожалуйста!

Женщина сняла цепочку и лишь тогда заметила девочку, державшую русского майора за руку.

— Рут замерзла и хочет пить, — сказал майор, стоя на пороге.

— Надо ее умыть, чем-то укрыть и дать горячего чаю.

— Чаю нет, — буркнула женщина. — И воды нет. А у колонки очередь, — она на мгновение понизила голос. — Лучше туда не ходить.

— Я понимаю. Сейчас все устроим.

Майор подозвал проходившего по улице солдата.

— Ваня! Сюда!

Солдат подошел и, отдав честь, с улыбкой заметил:

— Я не Ваня. Я Петя.

— Ваня, Петя — для них ты всегда будешь Иван.

Нужно, объяснил майор, принести этой фрау два ведра воды. Добавил, что это не приказ, а просьба. — Есть, товарищ майор, просьба по приказу, — молодцевато ответил Петя.

Женщина проводила их по каменной лестнице в квартиру на третьем этаже. Квартиры на нижних этажах стояли открытые, пустые. Жильцы бежали или прячутся на чердаке, догадался майор. Он почувствовал витавший в воздухе сладковатый запах папирос. Кто-то здесь курит хороший табак. Пока женщина, фрау Ханна Как-то-там (она любезно представилась) умывала малышке — погодите, как я ее назвал? Рут, Рут — мордашку ей умывала, потом укрывала толстым махровым полотенцем, он оглядывался в поисках забытых окурков или рассыпанного пепла. Ничего. А ведь были эти перешептывания, явная паника.

Майор достал из полевой сумки пачку чая — грузинский, сообщил он фрау Ханне — и положил на стол. Потом положил туда же две свечи — это для вас — о, спасибо большое, у меня как раз кончились — добавил коробочку с сахаром, пачку концентрата горохового супа, полотняный мешочек с сухарями, банку американской тушенки и кусок сухой колбасы — «московская» — похвалил он и спросил:

— Достаточно?

Она кивнула. Выразительный жест в сторону стола: мол, спасибо, вполне щедро. Они помолчали. Знаю я, что тебя тревожит, женщина, думал майор: сделаем ли мы это прямо сейчас, сразу — и как быть с ребенком? Поэтому он с удовольствием произнес:

— Займитесь чаем, пожалуйста. А я займусь тушенкой.

Он не попросил специальный консервный нож, который в немецком доме наверняка имелся, а привычно вонзил острие лезвия в жестяную крышку, как делал последние несколько лет. Выложил мясо на две тарелки и позвал девочку:

— Ешь. Вторая тарелка для вас.

Фрау Ханна поставила на стол три кружки горячего чая. Руки у нее дрожали. Девочка спросила:

— Вы больны?

Женщина сказала, что нет.

— Вы дрожите. Я, когда простужаюсь, дрожу.

— Я не простужена.

— Она нас боится, — объяснил майор. — Мы не сделаем ей ничего плохого, правда, Рут?

Девочка отхлебнула чаю и пожаловалась:

— Горячо. А почему вы боитесь?

Фрау Ханна сухо ответила:

— Я много чего пережила.

— Вы убили своих детей?

Майор перепугался. Еще немного — и малышка проговорится. Женщина воскликнула:

— Господи, детка, что ты такое говоришь?! Детей не убивают!

— Она повторила: — Но все равно я много чего пережила.

Майор спросил:

— Хотите написать жалобу?

Женщина пожала плечами.

— Нет, зачем?

Потом добавила:

— Разве это поможет мне забыть?

— Если вам удастся...

— Вот чего бы мне хотелось — забыть. Обрести немного уважения к своему телу. Может, со временем, — даже полюбить его.

Майор открыл папиросницу.

— Хотите? Вам полегчает. Казбек.

— Я не курю, — ответила она резко, почти гордо.

Ошибка. Следовало поблагодарить и закурить.

— Тогда возьмите несколько штук для мужа.

— Муж умер. — Она добавила, словно майора это могло задеть:

— В танке сгорел. Там, у вас, под Курском.

Вон куда его занесло — и какого черта? — как легко было бы это сказать. Так и просилось на язык. Но майор предпочел не отвлекаться.

— Тогда возьмите для того человека, которого вы прячете.

— Я никого не прячу.

— Прячете-прячете. Я слышал перешептывания.

— Я говорила с котом.

— И что этот кот курит? Египетский табак? Ну, так как? Сознаетесь?

Молчание. Ее лицо еще больше поблекло. Она тихо спросила:

— Позвать его?

— Это не моя епархия. Вы только не подумайте, что я такой христосик всепрощающий. Нет! Мне просто нравятся немецкие дезертиры.

Фрау Ханна спросила, на сей раз робко, не глядя ему в глаза:

— Так сколько я могу взять?

— Половину, десять штук.

Когда женщина брала папиросы, пальцы ее уже не дрожали. Майор сказал:

— И все же мне немного жаль. Пригодился бы крепкий мужик

— тайгу рубить. Рут, ты перекусила? Согрелась? Теперь пи-пи и ноги в руки.

Фрау Ханна плотно закрыла за ними дверь. Звякнула цепочка.

На улице майор Хазин заметил своего нового фаворита, Петю, того, что не хотел быть Ваней.

— Петя, хочешь выслужиться? Тогда беги к бункеру, к моим, и найди там Хитрова, младшего лейтенанта. Пусть миглом хватает «виллис» и гонит сюда. Понял? — Майор показал на ошеломленную девочку. — Это из-за нее, ясно, братец? Скажи лейтенанту, что я ее нашел. Ее!

— Это приказ или просьба? — лукаво спросил солдат.

— Все вместе. Бегом!

Уже через четверть часа у тротуара с визгом шин затормозил американский «виллис». Хитров выскочил из машины и, остановившись перед девочкой, мгновение ее разглядывал.

— Она?

— Вне всяких сомнений, — ответил майор. — Она.

— Ты Хайди? — обратился к девочке Хитров.

— Рут, — ответила она без колебаний. — Герман Геринг штрассе, двадцать. Плати фант.

Майор объяснил младшему лейтенанту правила игры и приказал:

— Отвезете ее в Шарлоттенбург, в Центр опеки. Там собирают потерявшихся детей. Ее теперь зовут Рут Дойч. Приколи ей к блузке листок с именем и фамилией. Или, лучше, на шею повесь. Ясно?

— Ясно. Рут Дойч.

— Мне пять лет, — вставила девочка.

— Это она так говорит. — Ты не знаешь, сколько ей лет.

— Родители погибли, — догадался лейтенант. — Все погибли, вся семья.

— Мама убила, — сказала девочка.

— Ни слова об этом! — Майор погрозил пальцем. — Ты ничего не знаешь.

— Ничего не знаю.

— Адрес не говори. Скажи, был дядя, но его сожгли в Бухенвальде. Или нет, ничего не говори. Никаких дядей. Ты, Женя, тоже ничего не знаешь. Ребенок бродил один.

— Рут Дойч, — подсказала девочка.

— Молодец.

Майор вырвал из блокнота листок, извлек из кармана вечное перо («пеликан» с золотым пером, отметил ценитель писчебумажных товаров Хитров) и стал быстро писать. Потом протянул записку девочке.

— Не потеряй. Что бы ни случилось, сохрани этот листок. Смотри, что я написал — большими буквами, чтобы было легко прочитать. «ХАЗИН. СЕМЕН ЯКОВЛЕВИЧ. МОСКВА. НИКИТСКИЙ БУЛЬВАР, 10». Это мой адрес. Не плачь, все будет хорошо. Ты мне когда-нибудь напишешь. Когда станешь большой. Обязательно напиши. Когда у тебя все сложится. Договорились?

— Да, дядя Семен.

— Опять ревешь, плакса? А если будет плохо, тем более напиши.

Этого девочка уже не поняла, но, может, слова запомнит. Майор подхватил ее и усадил в джип рядом с младшим лейтенантом.

— Не обнимешь? — спросил Женя.

— Ну, знаешь... — отрезал майор, почувствовав в словах подчиненного иронические нотки. — Давай, Женя, шевели извилинами да следи, чтоб не выпала. — Он обратился к шоферу: — Береги это сокровище, браток. Счастливого пути!

«Виллис» тронулся. Он уже немного отъехал, когда майор закричал:

— Рут! Рут!

«Виллис» резко затормозил. Хитров набросился на девочку:

— Почему не отзываешься? Рут — это ведь ты.

Девочка шепнула:

— Я забыла. — И снова расплакалась, теперь уже всерьез.

Майор подбежал, запыхавшись. Протянул ей руку.

— Дай пять, барышня. Ну, ручку дай. И не плачь больше, хватит. Я хотел тебе еще кое-что сказать, — продолжал он, не выпуская ее ладошку из своей. — Кое-что важное. — Девочка подняла на него заплаканные глаза. — Ты должна жить. Береги свою

жизнь. — Она продолжала плакать. — Помни, это самое главное. Жить. Для нас всех это очень важно. Понимаешь? — Она кивнула, зареванная. — Помни: ты должна жить. — И он повторил: — Просто жить.

Белым платком майор вытер ей глаза.

— Довольно слез, барышня, — сказал он. — Жалко портить красивые зеленые глазки. Мы наверняка еще когда-нибудь увидимся. И я буду держать тебя за ручку. — Он обратился к шоферу: — Ну, вперед. — Отдал на прощание честь и воскликнул: — Адье! — И, по-русски: — С Богом!

Минуло более четверти века, прежде чем Хитрову Евгению Александровичу, доктору наук, а еще совсем недавно — кандидату, демобилизовавшемуся через несколько лет после окончания войны в чине капитана, удалось наконец — в качестве ученого-этнолога и отчасти засекреченного преподавателя с трудом возрождающейся российской социологии — отправиться в соответствии со своими научными интересами за границу, на симпозиум в Мюльхайм — не в какую-нибудь ГДР, где ему нечего было искать, а в Западную Германию, ФРГ, где искать как раз очень даже было что, и перспектива этих поисков очень его будоражила. Это был период оттепели в отношениях между ФРГ и СССР, канцлер, бывший правящий бургомистр Берлина, Вилли Брандт посетил Москву, а затем Варшаву, где преклонил колени перед памятником героям Варшавского гетто, неожиданно для свиты и, похоже, для себя самого, — веление сердца и внезапный наказ разума — затем Брежнев посетил с официальным визитом Бонн, получил в подарок серебристый «мерседес», который тут же и разбил.

Пятидесятилетний Хитров, садившийся в Москве на самолет «Люфтганзы», уже ничем не напоминал молокососа, который в чине младшего лейтенанта вез маленькую Хайди — прошу прощения, Рут — в Центр опеки в Шарлоттенбурге, не было больше буйного светлого чуба, что выбивался на лоб из-под надетой набекрень фуражки, порой закрывая и очки, но кое-какие волосы — уже чуть тронутые серебром — оставались, лицо округлилось умеренно, живот не бросался в глаза, свидетельствуя о том, что Хитров не излишествует в пище и пьет в меру. Он не отказался от предложенного стюардессой виски, запил апельсиновым соком, протер лицо влажной салфеткой и закрыл глаза. Но не заснул. Думал о ней. Женщина за тридцать. Если жива... Какая она? Помнит ли их? Удастся ли ее разыскать? Рут Дойч — это не так сложно, но что, если она поменяла фамилию? Ах, бог с ним, с предстоящим

симпозиумом (тема: «Новые педагогические задачи в общей Европе»), и так ясно, что фурора он не произведет — Хитров добивался этой поездки именно затем, чтобы найти ее.

На аэродроме Темпельхоф к нему подошла шатенка — высокая, даже, пожалуй, как ему показалось, необычайно высокая, — худая, в темном костюме, в туфлях без каблука.

— Господин профессор Хитров? Я Доротея... (она назвала фамилию, но он не разобрал). Приветствую вас от имени общества «Интер Национес». Я буду вам помогать.

Обмен любезностями. Теперь его очередь:

— Не ожидал столь приятной встречи. Я полагал, что буду предоставлен сам себе.

— Если вы хотите от меня избавиться, не стану навязываться. Быть может, вы предпочитаете, чтобы вами занималась ваша военная миссия?

Говорит, вроде, серьезно, но с явной иронией.

— Спасибо, мне будет очень приятно ваше общество.

— Я возьму ваш багаж.

— И речи быть не может!

— Понимаю: секретные материалы. Только не слишком сопротивляйтесь — вы отбираете у меня хлеб.

Это была шутка. В симпатичном отеле «Ам Цоо» выяснилось, что госпожа Доротея работает на добровольных началах, как и многие хостес в этой организации.

— Рейс в Дюссельдорф, — сказала она, изучив его билет, — у вас в восемь утра. Я прослежу, чтобы вы не опоздали. Какую программу вам предложить на сегодня?

Он, не колеблясь:

— Шарлоттенбург.

— «Секс-шоу»? Пожалуйста, не стесняйтесь.

Доктор наук рассмеялся.

— Детский дом. То есть я не знаю, существует ли он еще. Там был Центр опеки. Собирали бездомных детей, военных сирот. Я

отвез туда одну девочку. Хайди, нет, Рут. Да, Рут. Ей было пять лет. Я хотел бы ее найти.

— Еврейка? Дети Холокоста?

— Откуда в военном Берлине еврейка? Немка. Светлые волосы, зеленые глаза.

— Вы ее запомнили.

— Еще бы. Женщина всей моей жизни.

— И вы непременно хотите ее отыскать.

— Вы очень точно сказали: непременно. Я хочу знать, как у нее сложилась жизнь. В определенном смысле я за ее жизнь отвечаю.

— Хорошо, господин доктор. В вашем распоряжении час. А я пока разузнаю про этот Центр. Вместе пообедаем — и отыщем малышку.

— Женщину за тридцать, — напомнил Хитров.

— Летит время, а? — она притворно вздохнула.

Центр существовал, только назывался теперь иначе: «Институт Януша Корчака». Их встретила госпожа директор, молодая женщина: каштановые волосы, собранные в «хвост», свободная одежда — пепельно-серая плиссированная юбка, бежевый свитер, — бейджик с фамилией и должностью. Госпожа Доротея, его ангел-хранитель, деликатно осталась в приемной.

— Дойч, говорите? — спросила молодая директриса.

— Рут Дойч. Прибыла 2 мая 1945 года.

— Боже, какая дата!.. Из тех, кто тогда работал, уже никого не осталось, — сказала директриса. — Но в документах должно было что-то сохраниться. Порядок необходим — столько лет прошло, а люди продолжают искать друг друга, надеяться.

Она взяла маленькую стремянку, чтобы дотянуться до верхней полки.

— Здесь у меня сорок пятый — сорок девятый годы. Держите.

Она подала ему битком набитую картонную папку, не слишком пыльную — с уважением отметил про себя Хитров. Потом, сев за стол, принялась листать страницы.

— Второе мая, говорите? Дойч, Дойч... Есть! Рут Дойч. Это ваша подпись?

— Моя.

Она прочитала по слогам:

— Хит-ров. По-русски. Это вы?

— Ваш покорный слуга. Мы тогда собирали этих детей. Вы не знаете, какова их дальнейшая судьба?

— Да, есть запись. Детей из детского дома самолетом вывезли на Запад. — Она не отрывала глаза от листочка. — Проблемы с продовольствием. Написано: «По причине блокады Берлина советской стороной». Я это в школе проходила.

— А я помню: Сталин блокировал западный Берлин. В ответ американцы организовали воздушный мост. Каждые десять минут садился самолет. Есть информация о том, куда вывезли этих детей?

— Ремаген. Нет, это почтовое отделение. Обервинтер. Красивое место. Близ Рейна.

Она подвела его к висевшей на стене карте и авторучкой указала маленькую точку между Кельном и Бонном.

— Здесь. Доберетесь?

— Возьму машину. Наверное, там тоже придется покопаться в документах.

— Может, обратитесь в Арользен? Они ведут очень тщательные поиски еврейских детей.

— Она не была еврейкой.

— Вы ее спрашивали? С девочками никогда нельзя знать наверняка.

— Нет, она не еврейка. — Его так и подмывало сказать: — Совсем наоборот. — Я точно знаю. Спасибо.

Госпожа Доротея, его помощница, терпеливо ждала.

— Ну что?

— Обервинтер.

Она повторила слова директрисы:

— Там красиво. И не так далеко от Мюльхайма.

— Но ведь там ее тоже уже нет.

— Но они могут знать, где она. Могли помочь ей, дать квартиру, кредит.

— Например, тут, в Берлине? — пришло ему в голову.

— Мало правдоподобно.

— А почему нет? Может, ее потянуло в Шарлоттенбург.

— Это было бы удивительное совпадение.

— Моя встреча с этой девочкой была удивительным совпадением.

Госпожа Доротея, казалось, теряла терпение.

— Какие у нас планы, господин доктор? Может, в кино? Неподалеку от вашего отеля идет «Моя прекрасная леди». Как вам такая идея?

— Как социолога это должно было бы меня заинтересовать. Соприкосновение двух культур, двух языков. Но... — Он не мог отогнать эту мысль. Навязчивый образ: Рут, уже зрелая девушка, в эротическом танце. Здесь, в Шарлоттенбурге. Вернулась и зарабатывает на жизнь в баре с секс-шоу. Выжила — мы говорили ей: помни, ты должна жить — это самое главное: жить — но майор не сказал: как жить? Может, это и не важно. Всё лучше, чем цианистый калий. — Госпожа Доротея, — сказал он, — я бы хотел пойти на секс-шоу.

— Секс-шоу. Кабаре «Саломея».

— Я найду.

— Ну нет, одного я вас туда не пущу. Боже мой, — засмеялась она, заметив его смущение. — Я была там уже, наверное, раз пять, всегда, когда мы принимали гостей от вас. На средства «Интер Национес». Нас это не шокирует. Это свободная страна.

— А знаете, почему я хочу туда пойти?

— Чтобы ощутить нашу свободу?

— Чтобы убедиться, что Рут там нет.

Госпожа Доротея спросила:

— А если окажется, что есть?

Хитров не ответил.

Заведение выглядело невинно — похоже кафе-бар, только маленькие круглые столики погружены в полумрак. На верхней части сцены костлявая пара лет тридцати, не слишком привлекательная, совокуплялась, выкрикивая непристойности, издавая стоны и крики блаженства. Официант принес заказанный джин-тоник и — сразу — счет. Госпожа Доротея шепнула: — Все эти стоны — магнитофонная запись. — Я так и подумал, — шепотом ответил он. Костлявая пара, закончив выступление, раскланивалась. Публика за столиками хлопала. — Может, по такому случаю вы предпочли бы водку «смирнофф»? — спросила Хитрова его добровольная помощница. — Нет, так хорошо. — Смотрите, сейчас будет «Wicky mit der Peitsche» ^[2].

— На эстраду, пританцовывая, вышла обнаженная молодая девушка с плеткой и уселась на стул, широко раздвинув ноги. — Как она вам? — спросила госпожа Дорота. — Всё при ней. — Это не может быть ваша Рут? — Нет, слишком молодая, — ответил он и понял, что сам удивлен этим открытием.

Девушка на стуле начала хлестать себя плеткой, сперва медленно, словно бы нехотя — за столиком кто-то крикнул: — Go ahead, Wicky! ^[3] — Вики прибавила темп, будто ждала этого возгласа — движения все ускорялись, дыхание учащалось, и вот она уже с криками боли неистово терзает свое тело. Наконец долгий спазматический стон. — Оргазм? — уточнил гость из Москвы. — Так это следует понимать. — Стоны тоже записаны на магнитофон? — Нет, это она сама — кажется, в контракте есть специальный пункт. — Девушка устало поднимается со стула, низко кланяется, зрители за столиками хлопают — аплодируют ее молодому привлекательному телу, подумал доктор — какая-то упитанная женщина с блондинистыми кудрями вопит: — Bravo! Bravo! — Эх ее зацепило, — подумал дремавший в московском докторе циник.

То, что происходило на сцене дальше, Хитрова и его помощницу уже не интересовало. Они допивали очередной джин-тоник, когда госпожа Доротея шепнула:

— Вот она.

— Кто?

— Вики. Сидит там, в углу, в тени, у самой эстрады.

Хитров встал:

— Подойду к ней, спрошу о Рут.

— Она не захочет с вами говорить. Прогонит.

— Зачем же она сюда пришла?

— Выпить. А может, и поесть.

— Подойду, — решился Хитров.

Он подошел к столику, за которым девушка в темно-синем платье пила минеральную воду с газом, а возможно, и каплей чего-нибудь покрепче. Поклонился и спросил:

— Фрау Вики?

— Фройляйн, — поправила та.

— Вы могли бы уделить мне минутку?

Приглашающий жест. Bitte.

— Я русский, — представился он.

— О-о-о. — Неизвестно, что это должно было означать.

— Приехал в научную командировку. Занимаюсь этнологией.

— О-о-о. — Смысл этого второго «о-о-о» тоже был неясен.

— Я изучаю общественные отношения, ментальность.

На этот раз обошлось без «о-о-о».

— Ваши родители — у вас есть родители? — (кивок) — они знают, чем вы занимаетесь?

— Знают.

— И что говорят?

— Милый мой, нужно же на что-то жить.

Пока Вики говорила, ее пальцы ласкали лежавшую на столике ладонь Хитрова. Инстинкт — подумал он — или какой-то знак? Нежные теплые пальцы. Она не стала убирать руку.

— Я восхищаюсь вами.

— Спасибо, очень приятно слышать.

— Скажите, пожалуйста, вы действительно что-то чувствуете во время выступления?

— Да что вы! — Почти возмущена. Словно защищает собственную честь. — Все это театр. (Ein Schauspiel^[4]). — С гордостью: — Я актриса.

— Я понимаю. Госпожа Вики, я хотел спросить, в этой труппе никогда не было девушки по имени Рут?

Она продолжала гладить его ладонь. Пожалуй, все-таки инстинкт. Удовольствие, которое полагается доставить мужчине.

— Рут? — Она заглянула ему в глаза, словно надеясь что-то в них прочитать. — Рут, хм. Вы ее ищете?

— Так была?

— Сейчас... Была какая-то Рут.

Обруч, сжимающий голову.

— Рут Дойч, — уточнил он.

— Была какая-то Дойч, но точно не Рут. — Она вспомнила: — Та была румынкой. Дойч, да, но из Румынии. Черноволосая.

— Я ищу светловолосую. Зеленые глаза.

— О нет. У той были яркие черные глаза, густые брови. Как в том романсе, она его пела: «Очи черные», вы наверняка знаете. Вашей Рут тут не было. Мне очень жаль.

— Ничего.

— Может, раньше была. Я тут всего два года.

Хитров встал.

— Спасибо. Очень приятно было с вами поговорить, Вики.

— Взаимно. — Она подала ему руку, не вставая из-за столика.

— Auf wiedersehen, герр Профессор. Вижу, вы в приятном обществе. (Это уже не инстинкт). Good luck! ^[5]

Он вернулся к своей помощнице, с души как будто груз упал.

— Не было здесь такой! — сказал он торжествующе. — Ну что? Она меня не прогнала! Жаль, что я с вами не поспорил. Сожалела, что я в приятном обществе.

— Поздравляю с успехом. За это стоит выпить.

В Дюссельдорфе у выхода из терминала московского доктора наук ждал высокий мужчина — прекрасной осанкой, подстриженными усами, ровным пробором в сильно поседевших волосах он напоминал английского сахиба, командующего батальоном гурков. В левой руке — плакатик «INTER NAZIONES», правая, в черной перчатке, свисала безвольно. Инвалид-доброволец, догадался Хитров. Героическое прошлое, которое он, вероятно, рад бы забыть, и активное, общественно-полезное настоящее. Джентльмен с плакатиком подошел.

— Доктор Хитров? — спросил он. — Хайнрих Савицки. С этого момента вы находитесь под моим покровительством.

Он подкатил багажную тележку.

— Справитесь? — спросил он, как будто военным инвалидом был доктор наук из Москвы, а не он, доброволец Савицки.

Светило солнце, у тротуара их уже ожидало такси.

— Полагаю, мы едем в Мюльхайм? — поинтересовался Хитров.

— Господин директор, доктор Мюллер — Эрих Мюллер — вы, наверное, слышали? — подготовил для вас другую программу. Симпозиум начнется только через три дня, вам будет скучно, предлагаем пока посетить Бад Годесберг, мы приглядели спокойный отель, а места там прелестные. Вы, говорят, хотели заглянуть в Обервинтер, я к вашим услугам.

Так, должно быть, выглядел отель середины девятнадцатого века. Деревянные панели, потолок с коричневыми балками, достаточно широкими, чтобы начертать на них какие-нибудь поучительные сентенции, вроде «кто рано встает...», «хозяйка в доме — что пчела в саду», зеркало в деревянной раме, шкафчик с маленьким ключиком — швейные принадлежности, клубок ниток, подушечка для иголок, такая же, какую маленький Женя видел у бабушки на Малой Бронной, еще крем для обуви и две щетки — на кровати гора вышитых подушек, под кроватью антикварный фарфоровый ночной

горшок. На вешалке — дождевик, а может, пыльник, кому как больше нравится.

В Центре Хитрова приняла директриса — упитанная, в официальном костюме (белый воротничок блузки на пепельно-сером жакете), сильно надушенная, очки на маленьком носу картофелинкой, черная родинка сбоку над верхней губой. Кроме того, проницательный наблюдатель из Москвы (почти шпион) успел заметить ожерелье из белого жемчуга...

— Дойч, говорите? Рут Дойч? Привезена сюда во время воздушного моста? Сорок девятый год, я должна помнить, — говорила она, просматривая картонные папки. — Я здесь с самых первых минут. Разумеется, когда мне доверили это дело, я была молодой и стройной девушкой. Она, вероятно, тоже изменилась — женщина за тридцать. Лучшая женская пора.

Наконец директриса открыла очередную папку, пролистала несколько страниц и вздохнула:

— Нехорошо.

— Что плохо?

— Был скандал, я помню. Вот характеристика. Ужасная. Посмотрите: «читит нацизм, происхождение подобного культа у этого ребенка остается неясным». Отстаивает честь — представьте себе, это дитя! — честь Геббельса. Почему именно Геббельса?

Было видно, что директриса не прочь добавить несколько оскорбительных слов, но сдержалась.

— Не знаю, — сказал бывший младший лейтенант.

— Ведь она была слишком маленькой, чтобы увлекаться его шествиями.

— Безусловно. Но могли быть какие-то другие причины.

— Какие? Вам что-то известно? — допытывалась директриса.

— Откуда? Да какие угодно. Может, чье-то влияние. А что это был за скандал?

— Какой-то парень, немного старше ее, высказал свое мнение о Геббельсе. Насколько я помню, без возмущения — скорее иронически. Рут набросилась на него с кулаками. «Не смей так

говорить! Ни одного дурного слова о Геббельсе!» Она орала так, что охрипла.

— А парень дал сдачи?

— Нет, только уклонялся и кричал: «Сумасшедшая! Сумасшедшая!» Я прибежала и схватила ее. И его успокоила, конечно.

— Она плакала?

— Да, плакала. Почему вас все это интересует?

— В определенной степени я чувствую за нее ответственность. Это я ее нашел, когда она бродила по улицам, и привез в Центр опеки в Шарлоттенбурге. Я этнолог, пробую свои силы в социологии, поэтому меня интересует также ее дальнейшая судьба. В контексте... Изменения в Германии... Характерные... ну, вы понимаете. Какие у нее друзья, связи с родственниками, — сочинял он на ходу, не зная, как объяснить свою настойчивость постороннего, в общем-то, человека.

Директриса заглянула в документы.

— Родственников никаких. Отец сгорел в танке.

— Под Курском? — наугад спросил Хитров.

— Надо же, вы и это запомнили. Мать и братья с сестрами (она снова заглянула в папку) погибли во время бомбардировок. Но я помню, что во время этого скандала она кричала что-то о тете. «Тетя никогда бы не позволила так говорить!» Так что тетя, видимо, тоже верная гитлеровка.

— Какая тетя?

— Не знаю. Тетя и всё. Через несколько дней Рут сбежала. Поиски — через центры, через полицию — ничего не дали. Может, тетя ее взяла к себе? Может, она поменяла фамилию? Рут Дойч исчезла.

К документам была приколотая фотография десятилетней девочки. Бывший младший лейтенант не мог сдержать умиления. Директриса это заметила.

— Узнаете?

— Это она. Хотя и на пять лет старше.

— Хотите копию? Я отксерю.

Он вышел из Центра взбудораженный. Тетя. Я обнаружил след. Тетя, я знаю, кто это. Перед войной вышла замуж, жила не в Берлине, а в окрестностях Юлиха. Доберусь.

-
1. Первая часть рассказа. Окончание в следующем номере.
  2. Вики с плеткой (нем.)
  3. Давай же, Вики! (англ.)
  4. Спектакль (нем.)
  5. Удачи (англ.)

ОБРЕТЕННАЯ СВАЛКА

В свое время Станислав Баранчак писал о двух обликах Владислава Броневского, одном — для «торжественного заседания», втором — раскрывающем поэта с менее известной, как бы «частной» стороны.

Сейчас, когда после написания того очерка прошло почти полвека, имеет смысл совместить оба облика — ведь уже не нужно делать никаких «поправок», наследие поэта представляет собой нераздельное целое, и нет причин, по которым личное следует вырезать и отделять от публичного. В конце концов, Броневский был человеком из плоти и крови, как поэта его интересовали все области жизни; а еще он был человеком левых убеждений, что в глазах его нынешних комментаторов может оказаться «изъяном» — но его «коммунистический дебют» в опубликованном совместно со Станде и Вандурским^[1] (оба стали жертвами «большой чистки», Вандурский в 1934, Станде в 1937 году) сборнике «Три залпа» ни в чем не оскорбляет высоких ценностей искусства словесности. Когда в 1939 году его арестовали в занятом Советским Союзом Львове, он, по свидетельству Александра Вата, вел себя на московской Лубянке необыкновенно достойно, как пристало легионеру Пилсудского, награжденному орденом Виртути милитари^[2] (сам он отмечает, что получил пока только ленточку) солдату, сражавшемуся против большевиков в 1920 году.

Именно этот период жизни, охватывающий 1918–20 годы, составляет содержание опубликованного наконец полностью «Дневника», текста, с которым во времена социализма широкую публику познакомили лишь во фрагментах, так как записи в нем не всегда соответствовали создававшемуся официальному образу поэта. Однако с современной точки зрения чтение этой «интеллектуальной свалки», как ее охарактеризовал в первых строках сам Броневский, не обязательно должно быть сосредоточено на проблеме идейного и политического выбора автора. Намного более интересен образ Польши того времени, страны, находящейся в процессе организации, несколько хаотичной, погрязшей в борьбе за упрочение своих границ, но и не скрывающей радости от (пользуясь определением из романа «Генерал Барч» Юлиуша Каден-Бандровского) «обретенной свалки». Можно сказать, что

на вновь обретенной после 1989 года свалке мы, наконец, нашли утерянную интеллектуальную свалку давних времен, хотя, конечно, представление о Польше как перманентной свалке можно считать своего рода перегибом — так что, пусть это определение существует по праву *licentia poetica*^[3], ибо, в конечном счете, мы говорим о поэте.

Поэтичность, пока еще не оформившаяся, постоянно пробивается в этих записках в разных видах: то ученические упражнения, то лирические любовные признания, или, наконец, стихи, написанные на случай. Потребность писать присутствует здесь постоянно, даже в моменты, которые в учебниках истории выглядят особенно драматично, как во второй половине августа 1920 года: «В настоящую минуту на бывшем дворе бывшего дворца Сангушек в Любартове, раздетый почти до белья, я только что прервал чтение „Гибели“ Тетмайера, купленной за 58 марок в Люблине. Это высокий аристократический роман; он напоминает мне собственные так называемые “порывы души”. Волнение, испытываемое мною при этом, вызвано, быть может, не воспоминанием о своих грустных переживаниях, а жаждой творить, жаждой, которая благодаря таким напоминаниям становится жизненной необходимостью, подобно воздуху». Вскоре после этого замечание: «Десять дней — и *finis bolszewiae*^[4] (...) Достаточно сказать, что за шесть дней мы совершили прогулку от Любартова до Белостока. Неплохо.». Но в таких сопоставлениях, в сущности, нет ничего удивительного: вспомним запись из дневника Януша Ружевича^[5], который в партизанском лагере во время Второй мировой войны пишет, как страшно он восхищается дадаизмом.

Сопутствует всему этому обыденность смерти. После очередного такого прощания Броневский записывает: «Мне искренне жаль парня, хотя в последнее время в Плоцке мы немного косо смотрели друг на друга. Я прихожу к убеждению, что до всех нас дойдет своя очередь». Но сразу же продолжение, так как жизнь идет дальше: «Этим вечером был у Зоськи...». Впрочем, поэт — пока еще только кандидат в писатели — регулярно ходит к самым разным девушкам: к знакомым, к тем, с кем едва познакомился, и к записным кокоткам. При этом в своих записях он высказывает смелые по тем временам взгляды: «Удовлетворение полового влечения я считаю необходимостью для любого пола и далек от того, чтобы рассматривать это как какую-то “аморальность” или “распущенность”». Такие взгляды даже сегодня в Польше не относятся к общепринятым, так как сексуальность девушек в нашей культуре по-прежнему сильно табуирована. Так что

здесь Броневский выступает союзником Ирены Кшивицкой или Тадеуша Боя-Желенского^[6], которых кое-кто считал тогда — да и сейчас тоже — развратителями молодого поколения.

И на государственной службе, и в личной жизни Броневскому в то время хватало острых ощущений, можно даже сказать, что он вел существование, полное неожиданных поворотов, как в сфере эротических побед, так и на полях сражений. Тем временем, через весь «Дневник» лейтмотивом проходит жалоба: «Скучно! Ах, как скучно...». Сетования на скуку повторяются постоянно, но читатель этих записок если и скучает, то, наверное, лишь от чрезмерного количества, действительно, не самых лучших — хотя крепких с точки зрения ремесла — поэтических проб, и от чтения в изобилии переписанных в дневник писем. Наиболее интересна в этом тексте экзистенциальная ситуация самого Броневского — ведь в начальных разделах ничего еще до конца не определено: с одной стороны, ему грезится судьба поэта, с другой — он не исключает продолжения карьеры профессионального военного. Впрочем, окончание дневника уже не оставляет сомнений: в записи от 31 декабря 1922 года, завершающей «интеллектуальную свалку», мы обнаруживаем автора в кругу «Малой Земьянской»^[7] в обществе Анатолия Стерна, Александра Вата и Мечислава Брауна^[8] (этот солдат польско-большевицкой войны, умерший в варшавском гетто, сегодня почти совсем забыт, хотя Броневский пишет о нем, что в их кругу он обладал «наибольшим талантом»): «Я начал писать совершенно иначе, чем до сих пор — не очень доволен этими вещами, только вхожу в форму». Что важно — источником вдохновения он называет русскую поэзию, с которой познакомился через друзей, в том числе поэзию Есенина и Маяковского, возникавшую уже после авангардного взлета и отмеченную пафосом исторических событий. Одновременно он штудирует «Снобизм и прогресс» Жеромского (кстати говоря, во времена ПНР попавший, как и полный текст «Дневника» Броневского, под запрет цензуры), книгу, которая бросает «критический свет на мой литературный энтузиазм».

Он заканчивает «Дневник» кратким замечанием относительно этой книги: «Новая поэзия и снобизм. Действительно — здесь во многих случаях ценности перенимаются путем подражания, литературного обезьянничанья». И стоит подчеркнуть, что эта концовка — не для каждого подобного документа такое в порядке вещей — преднамеренная: текст представляет собой единое целое, завершенное по воле автора. Позже, однако, ему в своем творчестве удастся положительно ответить на поставленный еще в 1919 году вопрос: «Доживу ли я до того

мгновения, когда напишу что-то такое, что все предшествующее можно будет уничтожить»? Дожил и, к счастью, не уничтожил.

---

1. Станислав Станде (1897–1937) — польский поэт-коммунист, редактор советского журнала «Интернациональная литература». Витольд Вандурский (1891–1934) — польский поэт, драматург, режиссер, театральный и общественный деятель. Здесь и далее прим. пер.
2. Орден Виртути милитари (Воинской доблести) — польский военный орден, вручаемый за выдающиеся боевые заслуги.
3. Поэтическая вольность (лат.).
4. Конец большевизму (лат.) – Броневский перефразирует знаменитый возглас «Finis Poloniae!» («Конец Польше!»), приписываемый Тадеушу Костюшко после поражения в 1794 г. от русских войск под Мацеёвицами.
5. Януш Ружевич (1918–1944) — польский поэт, подпоручик Армии Крайовой, брат Тадеуша Ружевича.
6. Ирена Кшивицкая (1899–1994) — польская феминистка, писательница, публицистка и переводчица. Выступала за сексуальную свободу женщин. Тадеуш Бой-Желенский (1874–1941) — польский театральный критик, переводчик французской литературы, литературовед и писатель, общественный деятель. Врач по образованию, пропагандировал сексуальное просвещение и планирование семьи.
7. «Малая Земянская» — кафе в Варшаве, популярное среди писателей и художников в 20–30-е годы XX века.
8. Анатоль Стерн (1899–1968) — польский поэт-футурист, прозаик, литературный и кинокритик, сценарист и переводчик. Александр Ват (1900–1967) — польский писатель, поэт-футурист, переводчик. Мечислав Браун (1902–1942) — польский поэт, представитель т.н. «поэзии труда».

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

«Ида» Павла Павликовского получила «Оскар» как лучший неанглоязычный фильм! «Польское кино восстало как феникс из пепла, а “Ида” — его прекрасный венец. Это великий, исторический успех. Первый “Оскар” в данной категории для Польши, — прокомментировала Агнешка Холланд. — Должен был приехать парень из Оксфорда, чтобы мы его получили. Над этим нам стоило бы поразмыслить».

— Я снял черно-белый фильм о необходимости успокоиться и внутренне сосредоточиться, о желании уйти от всего мирского. И вот стою перед вами во всей этой суматохе, — сказал во время официальной церемонии режиссер, который с четырнадцати лет живет вне Польши.

«Павликовский рассказывает историю девушки, разыскивающей свои корни, узнающей, что она еврейка, что ее родители погибли, и что к их гибели причастны поляки, то есть сталкивается с очень болезненной польско-еврейской проблемой. “Ида” пользуется языком поэзии — не публицистики, благодаря чему она понятна зрителям на Западе, которые оценили ее в большей мере, чем поляки. Это заслуга режиссера Павла Павликовского, который учился и работает в Великобритании», — отметил кинокритик Томаш Рачек.

Создатели камерной, негромкой «Иды» добились того, что девятикратно не удавалось гигантам нашего кино — Роману Поланскому, Ежи Кавалеровичу, Ежи Гофману, Анджею Вайде, Ежи Антчаку, Агнешке Холланд.

А ранее, на 65-м Международном кинофестивале «Берлинале», Малгожата Шумовская получила «Серебряного медведя» за лучшую режиссерскую работу. Так жюри оценило ее картину «Тело». Соединяющий в себе черты психологического кино и черной комедии фильм построен на отношениях трех героев: коронера, его страдающей анорексией дочери, которая пытается преодолеть травму после смерти матери, и женщины-медиума, передающей известия с того света.

— Для меня этот фильм о вере, о том, что люди очень хотят во что-то верить, испытывают в этом потребность. Зрители

находят здесь себя и свои проблемы, — сказала о своем фильме Малгожата Шумовская.

Редкостный юбилей — столетия со дня рождения — отмечала Данута Шафлярская, выдающаяся актриса театра и кино. Она по-прежнему в профессии! Праздновать ей пришлось дважды: родилась она 6 февраля 1915 года (в деревне Косажиска возле Пивнича), но в ее документах официально стоит дата 20 февраля. К виновнице торжества, «легенде польского кино», в канцелярии премьера с добрыми пожеланиями обратилась глава правительства Эва Копач. От президента Данута Шафлярская получила высокие государственные награды.

— Мы благодарны за столько лет прекрасной актерской работы, столько лет службы польской культуре и Польше, особенно в те времена, когда это было труднее всего, — сказал Бронислав Коморовский в Бельведере, вручая актрисе Большой крест ордена Возрождения Польши.

Данута Шафлярская начала театральную карьеру в 1939 году в «Театре на Погулянке» в Вильно. Выступала в Подпольном театре и Фронтовом театре Армии Крайовой. Во время Варшавского восстания была связной. После войны выступала в театрах Кракова, Лодзи и Варшавы. Огромную популярность сразу после войны принесли ей роли в фильмах Леонарда Бучковского «Запрещенные песни» (1946) и «Сокровище» (1948). Зрители и критики высоко оценили ее роль в фильме «Пора умирать» (2007) режиссера Дороты Кендзежавской. Шафлярская сыграла также в «Колосках» (2012) Владислава Пасиковского. Дорота Кендзежавская посвятила актрисе замечательный документальный фильм «Другой мир» (2012). В нем Данута Шафлярская в течение полутора часов красочно, с юмором рассказывает о пережитом, делится воспоминаниями давних лет.

Под патронат ЮНЕСКО в нынешнем году взяты три годовщины трех великих поляков: Тадеуша Кантора, Яна Потоцкого и Михала Клеофаса Огинского. На 6 апреля приходится сотая годовщина со дня рождения Тадеуша Кантора, гиганта тетра, живописца, сценографа; 26 декабря мы будем отмечать 200 лет со дня рождения Яна Потоцкого, писателя, автора «Рукописи, найденной в Сарагосе», первого польского археолога; а 7 октября — 250 лет со дня рождения Михала Клеофаса Огинского, композитора, мемуариста и политического публициста, автора знаменитого полонеза «Прощание с Родиной». За включение в список ЮНЕСКО годовщины Огинского, участника восстания Костюшко в Литве, совместно ходатайствовали Польша, Литва и Беларусь.

Исключительно торжественно будет обставлено апрельское празднование 100-летия Тадеуша Кантора. Театральные спектакли, литературно-музыкальные представления и выставки подготовлены в его родном Велёполе-Скшинском, а также в краковской «Крикотеке». Кантор, церемониймейстер в «театре смерти», в своем театре «Крико-2», основанном в Кракове 1956 году, поначалу ставил пьесы Выспянского и Виткация. Известность обеспечили ему авторские спектакли — прежде всего, «Умерший класс» с детьми-манекенами и хороводом стариков, возвращающихся на свои места за школьными партами — потрясающее, личностное высказывание художника о мире, уничтоженном Второй мировой войной. Успехом пользовались также позднейшие спектакли: «Где снега минувших лет», «Велёполе, Велёполе», «Пусть сгинут артисты» и «Я сюда уже никогда не вернусь». Кантор умер в декабре 1999 года накануне премьеры последнего спектакля — «Сегодня мой день рождения».

Сенат объявил 2015 год Годом Виткевичей: Станислава Игнация Виткация (1885—1939) и его отца, Станислава (1851—1915). «Оба несравненным образом использовали потенциал и творческую энергию окружающего их пространства», — отмечается в решении Сената. В нынешнем году исполняется 130 лет со дня рождения Виткация и 100 лет со дня смерти Станислава Виткевича. Среди заслуг Виткевича-отца — создание «закопанского стиля», который по замыслу должен был стать первым национальной стилем в архитектуре. Он был также художником, теоретиком искусства и художественным критиком, писателем. Творчество Виткация, автора, в частности, «Матери», «Сапожников» и «Ненасытности», ценится во всем мире. Он пользовался разными средствами художественной выразительности, черпая их из театра и перформанса, живописи и фотографии.

В Закопане, где жили Виткевичи, мероприятием, открывающим празднование их года, стала выставка «Литовским путем Виткевичей», на которой представлены фотографии связанных с семейством Виткевичей мест Жемайтии. Колыбелью рода была деревня Пошавше, но с Виткевичами связаны и многие другие места Литвы. Выставка развернута в филиале Татровского музея — на построенной по проекту Станислава Виткевича вилле «Колиба», которая была первым воплощением «закопанского стиля». Путем Виткевичей по современной Литве ведут посетителей фотографии и тексты Яна Скловского — доктора гуманитарных наук Варшавского университета,

фотохудожника, путешественника, исследователя Кресов. Выставка продлится до 26 апреля.

Премии имени Ежи Туровича, создателя и многолетнего главного редактора журнала «Тыгодник повшехный», получил историк Мартин Заремба за книгу «Большая тревога. Польша 1944–1947. Народная реакция на кризис» (издательство «Знак», 2012). Премия присуждалась во второй раз. Первым лауреатом была Иоанна Ольчак-Роникер за биографию Януша Корчака.

Профессор Анджей Менцвель (р. 1940) получил в Кракове премию имени Казимежа Выки. Лауреат — автор недавно изданной книги «Станислав Бжозовский. Критический взгляд. Век XX», ставшей итогом многих лет работы, которую автор посвятил знаменитому польскому мыслителю. Речь в честь лауреата произнесла профессор Марта Выка, подчеркнувшая, что Анджей Менцвель не раз описывал разнообразие польских воззрений и позиций в XIX и XX веках, анализируя творчество таких писателей, как Стефан Жеромский, Станислав Бжозовский, Мария Домбровская, Чеслав Милош. Премия присуждается ежегодно в области эссеистики и литературной и художественной критики.

В тринадцатый раз присуждал свои премии «Магазин литерацкий ксёньжки». Звание «Издатель года» присуждено издательству «Прушинский медиа»; серия «Сокровища искусства», представляющая шедевры польских национальных музеев, признана «Событием года»; титулом «Человека года» увенчан издатель Тадеуш Зыск. «Книгами года 2014» названы: первый том «Истории Польши» профессора Анджея Новака, роман «Пой сады» Павла Хюлле, новый перевод Войцеха Хархалиса «Хитроумного идадьго Дон Кихота Ламанчского» Сервантеса, «Дневники 1825–1875» Ханса Кристиана Андерсена и биография «Ориана Фаллачи. Портрет женщины» Кристины де Стефано.

Юлия Хартвиг (р. 1921) 2 февраля получила титул почетного доктора Университета им. Адама Мицкевича в Познани. Ей впервые присуждается звание такого рода. «Трудно найти кого-то, кто был бы достоин этого академического отличия более, чем наш сегодняшний лауреат. Поэтесса, эссеист, переводчик, которая уже более семидесяти лет создает поэзию высшей пробы, поэзию полную благородства мысли, воспевающую красоту ценностей, добрую память и мудрое размышление о мире. Поэзию, которая спасает и народы, и людей», — отмечается в официальном решении. Поздравляем от всего сердца!

Лодзинской филармонии исполнилось сто лет. Юбилейные мероприятия открылись 13 февраля монументальной ораторией Гайдна «Сотворение мира». 17 февраля прозвучали симфоническая поэма Яна Сибелиуса «Финляндия» и фортепьянный концерт фа-минор Шопена. Был исполнен также специально заказанный по случаю юбилея концерт выдающегося польского композитора Кшиштофа Мейера для двух органов и симфонического оркестра «Musica festiva»: концертный зал Лодзинской филармонии — единственный в мире, где находятся как симфонические органы, так и органы барокко. 20 февраля прозвучало произведение лодзинского композитора Артура Загаевского «La citta futurista» для оркестра и ансамбля музыкантов-любителей с использованием таких инструментов, как музыкальные шкатулки, хрустальные блюда и тубы из поливинилхлорида. Празднование завершилось 21 февраля двумя сольными органными концертами. Лодзинская филармония с 1984 года носит имя уроженца города, всемирно известного пианиста Артура Рубинштейна.

«Экстаз святого Франциска», единственная находящаяся в польских собраниях картина Эль Греко, с 11 февраля по 22 марта демонстрируется в «Европеуме» — филиале Национального музея в Кракове. Произведение предоставлено Епархиальным музеем в Седльце. Картина, датированная 1575–1580 гг., была открыта в приходе в Косове-Лацком в 1964 году во время инвентаризации предметов старины двумя научными сотрудниками.

— Большой холст, темный, в плохом состоянии, с одной стороны разорванный, но было в нем что-то интригующее и притягательное. Раньше он находился в звоннице, где вместе с другими ненужными вещами ожидал сожжения. Приходской ксендз, однако, подумал, что неловко сжигать святого Франциска, так что поместил холст в раму и повесил в своей комнате, — рассказывает одна из совершивших открытие искусствоведов.

После консервации картина попала в Епархиальный музей в Седльце, но долго не выставлялась из опасения, что власти ПНР велют передать ее в государственный музей. С 2004 года картина экспонируется в Седльце. «Экстаз святого Франциска», наряду с «Дамой с горностаем» Леонардо да Винчи, «Страшным судом» Ганса Мемлинга и «Пейзажем с добрым самаритянином» Рембрандта, относится к наиболее ценным произведениям зарубежного искусства, хранящимся в Польше.

Музей современного искусства в Варшаве подготовил выставку работ Анджея Врублевского (1927–1957) — выдающегося,

умершего молодым польского художника, автора известного, созданного в конце 40-х годов цикла «Расстрелы», запечатлевшего опыт времен оккупации. Врублевский экспериментировал с абстракцией, пережил также увлечение — и разочарование — эстетикой соцреализма. Однако его соцреалистических картин на выставке мы не увидим. Представлены самое начало и самый конец творческого пути художника — около 90 холстов и работ на бумаге. Для экспозиции выбраны двойные картины: на двух сторонах одного холста Врублевский писал работы фигуративные и абстрактные. «Внимательный взгляд на эти работы позволяет прочесть двусторонность как своеобразную программу творчества Анджея Врублевского: художник велит им друг друга восполнять, пикироваться, взаимно усложняться. Этот художественный прием прекрасно выражает позицию творца в трудные послевоенные времена в мире, лишенном принципов», — объясняют авторы экспозиции.

Выставка «Анджей Врублевский: Recto/Verso. 1948–1949, 1956–1957» проходит с 12 февраля по 17 мая 2015 года. Осенью выставка поедет в Мадрид.

Анджей Бобковский (1913–1961), «хулиган свободы», для многих читателей пример интеллектуального бунта, бескомпромиссности и проницательности, автор культовых «Набросков перышком» (дневник, который он вел в оккупированной Франции в 1940–1944 гг.), дождался первой монографии. Издательство «Вензь» выпустило книгу доктора Мацея Новака «На электрической дуге. О творчестве Анджея Бобковского». Литературовед, связанный с Католическим люблинским университетом, анализирует не только опубликованные тексты Бобковского, но и документы из публичных и частных архивов, в частности, сравнивает рукопись «Набросков перышком» с опубликованной версией. Оказывается, что некоторые фрагменты, считавшиеся до сих пор «пророческими» (например, о Перл-Харборе или катастрофе в Гибралтаре), были дописаны позже. Конец легенды? Конечно, нет. Как пишет издатель, книга «и в самом деле разрушает много мифов на тему Бобковского, — это, однако, не означает, что она разрушает его произведение».

Прощания

16 января в Тель-Авиве умерла Мириам Акавья (Матильда Вейнфельд, родившаяся в 1927 году в Кракове). Она пережила Холокост, была почетным председателем Общества «Израиль — Польша». Эта израильская писательница и переводчик, могла по праву считаться также краковским писателем, потому что,

хотя и писала, прежде всего, на иврите, истоки ее творчества находились в доме счастливого детства на улице Лобзовской. Во время войны она пережила кошмар: гетто, попытки укрыться на «арийской» стороне, лагеря — Плашов, Освенцим, Берген-Бельзен. Она писала книги на грани литературы факта, основанные на истории семьи и собственном опыте военных лет. Романы Мириам Акавьи быстро попали на польский рынок. «Осень молодости», «Мой виноградник», «Цена», «Мои возвращения» — все эти книги завоевали признание читателя. Кроме того, она переводила польскую литературу на иврит, а израильскую — на польский. Ей было 88 лет.

30 января умер Збигнев Куртыч, эстрадный певец. Он родился во Львове 1919 году. Наибольшую известность принесла ему песня «Тихая вода», хит нескольких десятилетий.

— Интересна сама история этой песни, — пишет в «Жечпосполитой» Яцек Марчинский. — Ее написал в тридцатых годах на русские слова («Ай да парень») поляк еврейского происхождения Адольф Рознер, которого звали также Ади или Эдди, снискавший славу белого Луи Армстронга. В 1939 он бежал от гитлеровского нашествия в Советский Союз и там сразу создал популярный джаз-оркестр, который ценил сам Сталин. Однако в 1946 г. после статьи в «Правде» «Банальность на эстраде» Рознера арестовали и приговорили за космополитизм к 10 годам лагерей. Он освободился через год после смерти Сталина. Збигнев Куртыч, родом из Львова, некоторое время выступал с ансамблем Рознера, а затем участвовал в боевых действиях в составе армии Андерса. В 50-е годы Куртыч заинтересовался этой песней Рознера. Польские слова написал по просьбе певца замечательный сатирик и автор-песенник Людвик Ежи Керн. Так родилась «Тихая вода». В отличие от многих своих фронтовых друзей по Второму польскому корпусу Владислава Андерса, после окончания войны Збигнев Куртыч вернулся в Польшу. В трудные годы, когда на эстраде доминировали массовые и народные песни, он старался исполнять другой репертуар.

Певец, гитарист и композитор, Куртыч сотрудничал с Польским радио, выступал в программе «Полдник у микрофона», записал несколько пластинок, выступал за рубежом. Ему было 95 лет.

ГЛЯДЯ В БУДУЩЕЕ

Осенью 2014 года под эгидой Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) вышла в свет книга «Советско-польские отношения (1919—1945)» — сборник рефератов по заглавной теме, сопровождаемый аналитическими обзорами пера Оксаны Бабенко, выступившей также и ответственным редактором издания.

Для О.В. Бабенко это не первый опыт работы с данной тематикой^[1] и с огромными массивами информации: несколькими годами ранее ею же была подготовлена работа «Польша в системе международных отношений (1919—1939)» (М., ИНИОН РАН, 2011), где на 80 страницах представлен аналитический обзор более чем 100 источников. Понятно, что такой обзор предельно лаконичен, однако читатель получил общее представление об историографии вопроса и довольно строгое в концептуальном отношении руководство для дальнейшего самостоятельного расширения знаний.

Здесь будет уместно напомнить, что аналитические обзоры и реферативные сборники ИНИОН — это особый жанр научно-информационной литературы, имеющей целью представить, в весьма сжатом виде, но содержательно корректно, определенный корпус сведений и библиографию по различным отраслям и актуальным темам гуманитарных наук. Эти издания адресованы не столько узким специалистам, сколько занимающимся смежными вопросами исследователям, а также когда-то довольно широкому, а ныне катастрофически сужающемуся кругу интеллигенции, взыскующей гуманитарного знания. Так, в советские времена, благодаря рефератам и обзорам ИНИОН, можно было получить определенные сведения о западной гуманитарной мысли и тех ее представителях, чьи работы и даже имена в «открытой печати» замалчивались.

Вернемся, однако, к новой книге. Прежде всего, надо указать на весьма грамотную рубрикацию, включающую столь важные темы, как большевистская война, политическая ситуация 1920—1930-х гг. в аспекте советско-польских отношений, 17 сентября 1939 г. и предшествующие события, Катынь,

отношения между СССР и Польшей в период войны Советского Союза с гитлеровской Германией.

Открывает сборник краткое введение авторства О. Бабенко, касающееся специфики историографии рассматриваемого вопроса. Отмечается необходимость взглянуть на тему глазами современных историков, что, собственно, составило задачу рецензируемой работы.

В какой степени решена эта задача? Разумеется, не исчерпывающе, однако в достаточной мере, чтобы убедиться: история польско-советских отношений находится в кругу постоянного внимания серьезных исследователей из России, Польши и других стран.

Очень хотелось бы порекомендовать читателям журнала данную работу, но такая рекомендация будет отчасти прекраснотушной: тираж издания 300 экземпляров, так что едва ли оно пополнит многие личные книжные собрания. Однако в крупные библиотеки попадет, и, если дать себе труд до библиотеки добраться, — поручусь, этот труд будет вознагражден.

Поимого ценного содержания, рассматриваемая работа радует констатацией факта, что российская полонистика, не только филологическая, но и историческая, продолжает развиваться, причем на достойном научном уровне.

Если же обратится к тематике работы в философическом аспекте, то невольно вспоминается известное высказывание Н. Бердяева: «Память не восстанавливает прошлое таким, каким оно было, она преображает это прошлое (...) в соответствии с ожидаемым будущим». Несмотря на тяжелейшее наследие прошлого, современные польские и российские историки преимущественно видят его факты и события сквозь призму реалистично ожидаемого будущего — быть может, не столь уж и лучезарного, но и не столь мрачного, как это предрекают те, чей взгляд формируется «в соответствии с современной политической атмосферой».

-
1. Напомним ее монографию «Польско-советские отношения в 1924—1928 гг.: от противостояния к сотрудничеству» (М., 2007).

СЕРДЦЕ ТЬМЫ

Запад ввязывается в конфликты бесцеремонно, упрямо и ожесточенно. И готов пойти на огромные потери, чтобы настоять на своем.

В конце минувшего года во всем мире было опубликовано много текстов, посвященных западным военным интервенциям последних полутора десятка лет. Для одних поводом к осмыслению этого опыта было окончание многолетней военной операции НАТО в Афганистане, для других — молниеносное развитие «Исламского государства» и попытки остановить его экспансию или 15-летие миссии СДК — миротворческих сил Североатлантического союза в Косове. Некоторые анализируют это явление с точки зрения так называемого либерального интервенционизма, другие — в контексте глобальной роли США либо аналогичных амбиций Европейского Союза или НАТО, иные же задумываются над способностью Запада применять силу в новых международных условиях.

Независимо от исходного пункта, преобладают критические оценки. И мы, в Польше, должны также изучить этот опыт. Затем, чтобы извлечь из него выводы и не повторять дорогостоящих ошибок.

Хотя пока Запад, частью которого мы являемся, утратил желание и, к счастью, не имеет повода вторгаться куда бы то ни было в масштабе Косова или Ирака, он все же не отказывается использовать в определенных случаях военную силу.

Сплошные поражения

Когда говорят о западном интервенционизме, то обычно подразумевают пять операций.

Первая — конечно, Косово. Эта операция открыла целую серию действий такого рода. Североатлантический союз осуществил ее без мандата Совета Безопасности ООН — ибо либеральному интервенционизму, как сочли, таковой без надобности.

Война в Косове в 1999 году породила резкие противоречия. Прежде всего, во взглядах на ее оперативный аспект: доктрина «ноль собственных потерь», то есть ограничение только

атаками с воздуха, должна была повлечь за собой весьма значительные потери среди мирного населения на земле. Критика этой операции значительной частью международной общественности вынудила Запад отказаться от доктрины гуманитарной интервенции. При всем том в небольшом Косове до сих пор действует большая международная военная и гражданская миссия. Неизвестно, против кого и зачем спустя 15 лет местным властям требуется помощь в администрировании их страны.

Затем пришла очередь Афганистана. Это самая долгая война, начавшаяся в октябре 2001 года, сначала как элемент войны с терроризмом, а потом в рамках «nation-building», чтобы обеспечить стабильность в государстве и в регионе.

Жертв и материальных потерь в этой войне не счесть. И хотя невозможно отказать данной операции в определенных успехах, однако все знают, что, если НАТО выйдет из Афганистана, страну ждет возврат к хаосу 90-х годов. Отсюда решение о продлении миссии Североатлантического союза, пускай лишь для обучения кадров, и присутствие значительного боевого контингента США.

Ирак — это совершенная катастрофа в любом аспекте: юридическом, моральном, гуманитарном, в аспекте внутренней ситуации и международных отношений. Если исключить фальшивые аргументы, оправдывавшие эту войну (во главе с оружием массового поражения, которым якобы располагал Саддам Хусейн), то целью интервентов была смена режима и построение демократии на берегах Евфрата. Результатом явились несколько сот тысяч убитых, миллионы беженцев и демонтаж государства.

Это безумие невозможно было остановить, а его отложенным во времени следствием явилось нынешнее «Исламское государство», с которым мы вынуждены вести борьбу, похожую на ту, в Афганистане 2001–2002 годов.

2011 год, Ливия — это тоже, если разобраться, поражение. Злоупотребление резолюцией ООН (Совет Безопасности запретил полеты ливийским боевым самолетам) государствами, осуществлявшими интервенцию под вывеской НАТО, привело не только к падению режима Каддафи, но и превратило Ливию в образцовое разрушенное государство и источник многих угроз для значительной части Африки и Европы.

Жертвой этой интервенции стала также концепция «обязанность защищать» (R2P), которую удалось утвердить в ООН в 2005 году и которая заменила отброшенную после Косова концепцию гуманитарной интервенции.

И наконец Сирия-2013. Это интервенция, которую удалось остановить в последний момент, безусловно избежав чего-то значительно худшего, чем Ливия. Однако же опосредованная помощь повстанцам, борющимся с режимом Башара аль-Асада, поставки им оружия и денежная поддержка также привели в результате к возникновению и экспансии «Исламского государства».

Конечно, западные страны осуществляли больше операций с использованием армии, некоторые из них были весьма успешны, особенно в Африке (Конго, Мали, Центральноафриканская республика), однако же они были более «камерными» и проводились по просьбе Совета Безопасности или по согласованию с Советом. Так что эти операции нельзя квалифицировать как интервенции Запада.

Наглость и усердие

Что пошло не так? Что повлияло на неудачное течение большинства этих операций?

Во-первых, мы не слишком старались понять ситуацию, в которую вмешивались, и в общем-то, не пытались представить возможные последствия наших интервенций.

Джонатан Мур, американский дипломат, знаток Балкан и Восточной Европы, еще в 90-е годы сформулировал «принцип понимания»: ты должен понимать сложность ситуации, которая является причиной интервенции.

Мы же чаще всего принимали решения на основе созданной ранее, не без участия масс-медиа, черно-белой картины. Мы не понимали также сложности отношений между местными действующими лицами, часто позволяя им манипулировать нами и использовать нас.

Во-вторых, мы злоупотребляли военной силой, веря в вооруженное разрешение конфликта, в который включались. Армейская логика брала верх над политической, и генералы говорили политикам, что надо сделать, чтобы победить, ибо целью становилась быстрая, утверждающая нашу состоятельность победа, а не решение проблемы, в связи с которой осуществлялось вмешательство. Жертвы, которые

повлекло за собою злоупотребление военной силой, настраивали против нас не только местное население, но и наше собственное общественное мнение. Наши убитые были сосчитаны все до одного, а те, с другой стороны, мало нас заботили или не заботили вовсе.

В-третьих, в этих операциях часто присутствовало нечто, называемое философом и моралистом Майклом Вальзером «наглостью и усердием демократического идеализма». Либеральные государства, если уж во что-то вяжутся, демонстрируют «упорство и упрямство», а также готовность понести непропорциональные потери, лишь бы на сто процентов добиться своего в данном конфликте. Эта неприязнь к компромиссу и к диалогу с демонизированным ранее противником продлевает вооруженную борьбу и затрудняет возвращение к нормальному положению вещей.

В-четвертых, чрезмерные амбиции в деле «nation-building». Построение государства стало на Западе с конца 90-х годов модным. Речь идет, разумеется, о строительстве государства, его институций и администраций в странах, ранее охваченных военной интервенцией. Этот благочестивый замысел был, как правило, обречен на неудачу, поскольку не принимал во внимание местную культуру, традиции, социальную структуру. Чаще всего мы подменяли местные общества в решении их задач, прививали им зависимость от нашей помощи, а успех предприятия требовал продления военного присутствия и «необходимости» одержать победу над теми, кому это не нравилось.

В-пятых, важной была продолжительность операции. По мере хода лет миссии дегенерировали, утрачивали первичный смысл и «заражались» специфическим климатом, образующимся на стыке операции с местными условиями. Патологии становились платой за присутствие миссии. Я бы назвал это «синдромом мистера Куртца», того самого, из «Сердца тьмы» Джозефа Конрада.

Конечно, к этим специфическим проблемам, искажающим смысл и течение миссии, присоединялись и более традиционные факторы, вроде стратегических и экономических догм и даже внутренней политики. Так было в случае Ливии: к интервенции подталкивал Николя Саркози, которому нужен был успех накануне президентских выборов.

Все эти огрехи имеют общий знаменатель — скверное исполнение. То, как мы осуществляем интервенцию, столь же важно, как и то, зачем мы ее осуществляем.

Дело Самоса

Плохие интервенции портят также нас самих. Они вынуждают обманывать собственное общество, ведут к дегуманизации противника (чтобы не связывать себя гуманитарным правом), к релятивизму морального инстинкта в общественном сознании. Если причины интервенции ложные или спонтанные, рождается или сохраняется уже укоренившийся антагонизм: патриоты — трусы и пораженцы, защитники прав человека — люди безразличные к гуманитарным драмам. В крайних случаях дефиниция безопасности расширяется настолько, чтобы узаконить подслушивания в большом масштабе, ограничения свободы печати, вмешательства в частную жизнь или рост расходов на вооружения. Пример — «политика страха» Буша.

Разрушаются базовые принципы международного права; главный юрист правительства предостерегал Тони Блэра, что тому может грозить Гаага, если он примет участие в войне против Ирака. Наконец, начинают применяться методы, которые, благодаря нам, уже давно были запрещены международным правом. Ну и необходима ложь, чтобы их обосновать. пытки, применявшиеся ЦРУ в так называемой войне с терроризмом, были не только грубейшим нарушением законности, но и не принесли никакой оперативной пользы. Ибо ни для кого не новость, что боевики меняют планы, если один из них попадает в руки противника, а человек под пыткой чего только не придумает, лишь бы угодить палачу.

Случалось, что подвергнутые пыткам вообще не владели никакой оперативно ценной информацией. Однако к ним все равно применялась «усиленная техника допросов». И — о чудо! — «свержение режимов», даже если оно влекло за собой большие жертвы и нарушение закона, нередко находило, как минимум поначалу, понимание у профессиональных защитников прав человека.

Об угрозах для демократии, которые несут с собою непродуманные интервенции, прекрасно писал Збигнев Херберт в «Деле Самоса». Результатом нечестной и жестокой экспедиции афинян против острова Самос явилось введение, в первый раз в истории Афин, цензуры. Ибо, как писал Херберт, «возвращаясь с войны, агрессоры приносят в складках мундиров, на подошвах сапог — бациллу, от которой заразится их собственное общество, их собственные свободы».

Побочным, но также вредным результатом плохих интервенций становится недоверие по отношению к

политикам, если вновь возникнет необходимость действовать. Люди перестают им верить. Трудно получить поддержку для следующей, возможно уже оправданной, интервенции. В этом убедился премьер Дэвид Кэмерон, когда палата общин отказала ему в согласии на участие в военной акции против Сирии.

Не будем попутчиками

Результаты интервенционизма последних десятка с лишним лет для Запада решительно негативные. Во-первых, следствия большинства интервенций создали долгосрочные угрозы для нашей безопасности, с которыми теперь необходимо бороться — и конца этой борьбе не видно. Во-вторых, мы лишились моральной и правовой легитимности, без которой трудно думать о гуманитарной интервенции. В-третьих, мы ухудшили собственную позицию в мире, углубив антизападный ресентимент и предоставив козыри антизападным коалициям и начинаниям. Пример — Россия, которая охотно оправдывает свои агрессивные поползновения, указывая пальцем на Запад.

Для нас, поляков, ослабление способности международной общественности к гуманитарным и охранительным интервенциям особенно досадно, поскольку именно у нас зародились источники самой концепции «Обязанность защищать», — достаточно назвать Рафала Лемкина, отца конвенции против геноцида и создателя понятия «геноцид», или Яна Карского, который от имени Польского подпольного государства добивался, чтобы западные державы положили конец истреблению евреев.

Но досадно также и то, что в большинстве этих операций голос Польши звучал слабо. Мы или оказывались в роли желанных «попутчиков», руководствующихся принципом солидарности с союзниками, либо, как в Ираке, оппортунистически пытались извлечь политическую или экономическую выгоду. Нотабене: энтузиазм, с которым тогдашние польские власти ангажировались в войну в Ираке, не обращая внимания на конституцию и международное право, ослабил доверие к их объяснениям по делу тюрьмы ЦРУ.

Участвуя в интервенциях мы не пробовали влиять на оперативную стратегию, даже если видели, что она ведет в никуда. Достославные исключения — это голос в пользу определения срока завершения операции ИСАФ в Афганистане и то, что мы воздержались от участия в военной операции в Ливии.

Если мы хотим принять участие в сохранении принципа «обязанность защищать» и обрести способность действовать, в том числе и при использовании силы, то должны в будущем говорить собственным голосом. Отбросить концептуальную робость и несамостоятельность, решиться на автономию в оценке ситуации и стратегии. А одновременно не ограничиваться ролью бухгалтера, подсчитывающего человеческие потери и финансовые издержки, понесенные в ходе миссии

Роман Кузняр (р. 1953) — руководитель центра стратегических исследований Варшавского университета, советник по международным вопросам президента Бронислава Коморовского.

ЗА УСПЕХ НАДО БОРОТЬСЯ

— *Изменилась ли ваша оценка проведенных вами и правительством Тадеуша Мазовецкого реформ? Сегодня, после двадцати с лишним лет экономического роста, но и после ликвидации Открытых пенсионных фондов^[1], двух мировых кризисов, двухмиллионной эмиграции, вы по-прежнему считаете, что те реформы были нужны и были проведены правильно?*

— На основании солидных научных исследований можно утверждать, что по сравнению с другими странами нашего региона экономика в Польше развивалась самым лучшим образом. С 1989 г. мы достигли наибольшего прироста ВВП, превысившего 100%. Для сравнения: у венгров всего 20% роста, у чехов — 40%. Ближе всех к нам Эстония — более 80%, неплохих результатов добилась также Словакия. Такие сравнения позволяют дать положительную оценку. Но это не значит, что мы сделали все, что нужно.

— *А может быть, тогдашний размах реформ был слишком широким?*

— Исследования показывают, что именно благодаря тому, что мы с самого начала не тянули с переменами, проводили их быстро и широким фронтом, Польша испытала наименьшее падение ВВП и затем достигла его роста быстрее других. Без этих трудных первых лет мы были бы сегодня на худшей траектории развития. Украина потеряла четыре года, примирившись с так называемой галопирующей инфляцией и создав хаотическую систему, в которой не было конкуренции, зато много возможностей легкого обогащения. Сформировалась олигархическая система, которую теперь нужно реформировать.

— *Изменилось ли за 25 лет что-нибудь в ваших взглядах на экономику?*

— Мои принципиальные взгляды, которые я стараюсь основывать на исследованиях относительно того, что идет на пользу развитию экономики, а что нет, не изменились. То, что произошло за последние годы в мировой экономике, ни в малейшей степени не пошатнуло значения свободного рынка в правовом государстве. Вопреки тому, что заявляют многие публицисты или экономисты, кризисы в некоторых странах не означают, что появились дополнительные аргументы в пользу

расширения государственного вмешательства. Это один из нынешних больших и опасных мифов. Говорят — видите, был кризис, значит, капитализм плох. Исследования показывают, что в основе самых глубоких провалов лежали неправильные действия государств, например, фискальное распределение в Греции, либо монетарная политика и различные правовые нормы, подогревавшие кредитный бум в таких странах как США, Великобритания, Ирландия, Испания и т. д. Очень важно бороться с мифом, что свободный рынок потерпел неудачу, и поэтому экономике требуется больше государственного участия. Если распространять такие взгляды, то экономике будет хуже, а не лучше. Одним из известных сторонников этой теории был Ян Кшиштоф Белецкий^[2]. Это было повторением расхожих антирыночных суждений.

— Часть людей, разделявших ваши взгляды, пережила эволюцию, связанную либо с их приходом к власти, либо с глобальным кризисом...

— Для антирыночных взглядов нет эмпирических оснований. У нас есть группа антикапиталистических либералов, которых обычно называют социалистами или этатистами. Можно сказать, что у нас социализм — это особый случай либерализма.

— Что бы случилось, если бы в 1989–1990 гг. был избран другой курс, для простоты назовем его более социальным?

— Самой большой ошибкой первого года реформ было социальное законодательство. Эти предложения исходили от министерства труда, которым руководил Яцек Куронь. Все это делалось с добрыми намерениями, а мы — малочисленная команда экономистов, сражавшаяся на многих фронтах — говорю с сожалением — мы не в состоянии были это остановить.

— Что именно?

— Резкий рост пенсионных расходов. К тому же, увеличилось количество пенсионеров. Такого не было ни в одной другой стране региона. Когда вступило в действие это пенсионное законодательство, оно, в сочетании с ухудшением международной обстановки (шла первая война в Персидском заливе), подорвало бюджет 1991 года. Или взять закон, сразу дававший выпускникам школ право на пособие по безработице. В Чехии, например, такого не было. Этот закон сразу вызвал лавину статистической безработицы. Вот крупнейшие ошибки. Когда я слышу, что в те первые годы мало внимания уделялось социальной сфере, то думаю, что есть люди, которые вообще не

обращают внимания на факты. Свои суждения они основывают на собственных ощущениях. Они злоупотребляют такими словами как: общественный, социальный и т. д., а рыночная экономика представляется им в виде какой-то карикатуры.

— А может быть, вы смотрите на эти достижения лишь чисто с материальной точки зрения, оценивая, что мы сделали за эти 25 лет, чего не сделали другие правительства и чего уже никто никогда не сделает...

— Пожалуйста, не приписывайте мне личные мотивы. Я говорю то, что — по моему мнению — основано на результатах исследований. Опираясь на данные, которые каждый может проверить, я доказал и продолжаю это утверждать, что в Польше было два периода ускорения реформ: когда у власти стояло правительство Мазовецкого и Белецкого, а затем при коалиции «Унии свободы» (УС) и «Избирательной акции «Солидарность»» (ИАС)^[3]. Все остальное время перемены шли гораздо медленнее. Из политики я ушел в конце 1991 г., убежденный, что не вернусь в нее, так как никогда не чувствовал себя профессиональным политиком. Я считал себя политиком, призванным решить конкретные задачи. У меня было два очень приятных года вне политики. Я повысил свой жизненный уровень, преподавая в разных странах. Но когда я начал присматриваться к тому, что делают политики, пришедшие к власти после правительства Ханны Сухоцкой^[4], когда увидел, как замедляется развитие экономики в ситуации, когда Польше еще нужно было столько наверстать, то позволил, чтобы в 1995 году меня уговорили вернуться в политику. Это был единственный мотив, больше ничто меня в политику не тянуло. В экзотической коалиции УС с ИАС, где было больше реформаторов, чем сегодня во главе «Гражданской платформы», нам удалось провести несколько невероятно важных реформ.

— Вы ничего не упустили, предлагая в декабре 1989 г. пакет реформ? Нужно ли было дополнить его какими-то элементами?

— Самая большая ошибка экономической команды — то, что не были заблокированы уже упомянутые пенсионные и другие законы, исходившие от министерства труда, которые ослабляли государственные финансы. Было бы лучше, если бы уже в том первом пакете был закон о приватизации. Мы сочли, что производительность труда Сейма не столь велика, чтобы за две недели «переработать» такой закон, поэтому он был принят правительством в феврале 1990 года.

— *Есть государственные сферы, которые спустя 25 лет вы характеризуете, как окаменелости из предыдущей эпохи. Нужно ли их сейчас реформировать?*

— Трудно реформировать те части системы, которые не являются предприятиями. Например, правосудие. Здесь речь идет не о крупных государственных реформах. В Польше, как сообщают многие СМИ, в том числе, «Жечпосполита» и «Польсат»^[5], слишком часты случаи преследования людей прокурорами без надлежащего обоснования. Это один из самых вопиющих способов обращения государства с гражданами. Здесь нужны изменения во внутренних нормативных актах прокуратуры, чтобы не было такого, что продвигаются по службе те, кто преследовал невиновных. Много лет я требую простой вещи: публикации фамилий прокуроров, которые преследовали людей без надлежащего обоснования, включая тех, кто впоследствии занял более высокую должность. Этого — путем гражданского давления — нужно добиваться.

— *Вы тоже опасаетесь, что Польша попадет в ловушку среднего темпа развития?*

— Формулировка «среднего увеличения дохода» ошибочна, так как предполагает, что ловушку создает само среднее увеличение. На каждом уровне доходов лишь небольшая часть стран быстро развивается дальше, а у большинства развитие замедляется. К успеху прийти труднее, чем к поражению. За успех надо бороться.

— *Видите ли вы какой-либо шанс, что в Польше появится политическая сила, которая будет продолжать реформы?*

— В докладе, подготовленном «Форумом гражданского развития»^[6], мы предварительно оцениваем, что ни одна из партийных программ не предотвратит постоянного замедления нашей экономики, а некоторые из них еще и усугубили бы его, если бы были реализованы.

— *Это относится к программам главных партий?*

— Да. Достаточно, например, отказаться от одной из немногих за последние годы положительных реформ, какой было постепенное продление пенсионного возраста, чтобы усугубить кризис в Управлении социального страхования. А ведь это обещают сделать и «Право и Справедливость» и Союз демократических левых сил.

— Но те 2,5 млн человек, голосовавших за то, чтобы остаться в ОПФ, это, очевидно, среда, которая поддерживает реформы...

— Польше нужно решительное усиление блока, ратующего за развитие страны, т.е. стоящего на страже экономических свобод и правопорядка. Есть два решения: или это направление наберет силу в рамках одной из партий. Вот только какой? И возможно ли это вообще? Или же — если первый вариант невозможен — было бы хорошо, чтобы появилась новая сила. Если она появится и будет внушать доверие с точки зрения персонального состава, организационных способностей и убедительности, я ее поддерживаю.

-
1. Открытые пенсионные фонды (польск. OFE) — система негосударственных пенсионных фондов, введенная в ходе пенсионной реформы в 1999 г. Здесь и далее прим. пер.
  2. Ян Кшиштоф Белецкий — польский политик, экономист, премьер-министр в 1991 г.
  3. «Уния свободы» (УС) и «Избирательная акция «Солидарность» (ИАС) — польские политические партии, образовавшие в 1997 г. правительственную коалицию.
  4. Ханна Сухоцкая — польский политик, 5-й премьер-министр Республики Польша в 1992–1993 годах во время президентства Леха Валенсы.
  5. «Жечпосполита» — одна из крупнейших польских ежедневных газет; «Польсат» — крупнейшая в Польше частная телекомпания и одноименный телеканал.
  6. Форум гражданского развития — неправительственная организация, ставящая своей задачей развитие гражданского общества в Польше. Основана по инициативе Л. Бальцеровича.